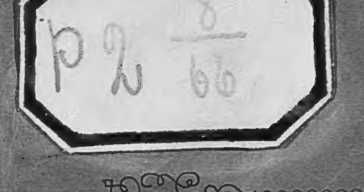

P2 8/66

ЕВРЕИ
ВЪ ЮЖНОЙ РУСИ

и

КІЕВѢ

въ X—XII вѣкахъ.

Ив. Малышевскаго.

КІЕВЪ.
Типографія В. Давиденко, Михайловская улица, собственный домъ.
1878

ЕВРЕИ
ВЪ ЮЖНОЙ РУСИ
и
КІЕВѢ
ВЪ X—XII ВѢКАХЪ.

Ив. Малышевскаго.

КІЕВЪ.
Типографія В. Давиденко, Михайловская улица, собственный домъ.
1878

Изъ „Трудовъ Кіевской духовн. Академіи.“

Начальная русская лѣтопись, разсказывая о приходѣ къ великому князю Владимиру пословъ изъ разныхъ странъ съ предложеніемъ ему своей вѣры, говоритъ и о послахъ изъ „козарскихъ жидовъ". Пришли они, по лѣтописи, уже послѣ пословъ магометанскихъ изъ болгаръ и римскихъ изъ нѣмцевъ, о которыхъ предъ тѣмъ слышали. „Се слышавше, жидове козарстіи придоша, рекуще: слышахомъ, яко приходиша болгаре и христіане учаще тя кождо ихъ своей вѣрѣ; христіане бо вѣруютъ, его же мы распяхомъ, а мы вѣруемъ единому Богу Авраамову, Исаакову и Іаковлю. И рече Владиміръ: что есть законъ вашъ? Они же рѣша обрѣзатися, свинины не ясти, ни заячины, субботу хранити. Онъ же рече: то гдѣ есть земля ваша? Они же рѣша въ Іерусалимѣ. Онъ же рече: то тамо ли есть и нынѣ? Они же рѣша: разгнѣвася Богъ на отцы наши и расточи ны по странамъ грѣхъ ради нашихъ, и предана бысть земля наша христіаномъ. Онъ же рече: то како вы инѣхъ учите, сами отвержени отъ Бога и расточени? Аще бы Богъ любилъ бы васъ, то не бысте (бы) расточени по чужимъ землямъ: егда намъ тоже зло мыслите пріяти"? Это лѣтописное сказаніе какъ бы ни смотрѣть на него, во всякомъ случаѣ обязываетъ насъ остановиться на хазарскихъ евреяхъ, какъ первыхъ, по преданію, евреяхъ, явившихся въ Кіевѣ, даже—съ попыткой религіозной пропаганды. Здѣсь представляются вопросы: что это были за евреи? Какое значечіе имѣли они

у хазаръ? И не могъ ли въ связи съ послѣднимъ возникнуть фактъ появленія ихъ въ Кіевѣ съ попыткой религіозной пропаганды?

Въ послѣднія десятилѣтія появилась затѣя создать новую теорію касательно хазарскихъ евреевъ въ связи съ евреями таврическими, какъ имъ однородными. Въ основу теоріи полагались извѣстныя открытія учителя евпаторійской караитской общины въ Крыму ученаго Авраама Фирковича и его зятя Гавріила Фирковича, послѣдовавшія въ періодъ съ 1840 до начала 60-хъ годовъ. Это, вопервыхъ, надгробныя надписи на еврейскомъ языкѣ, найденныя ими на караитскихъ кладбищахъ въ Крыму, особенно въ Чуфутъ—Кале, датированныя начиная съ 1-го вѣка по Р. Х.; во вторыхъ еврейскія рукописи, особенно свитки и кодексы библейскихъ книгъ, восходящіе, по утвержденію Фирковичей, даже къ первымъ вѣкамъ по Р. Х., и имѣющіе разныя *приписки*, датированныя съ V вѣка и позже. Изъ надписей и приписокъ набирались въ такомъ обиліи новые и неожиданные факты, притомъ взаимно пополнявшіе или пояснявшіе одинъ другаго, что оказалась полная возможность построенія на нихъ цѣлой теоріи. Начатая А. Фирковичемъ, поддержанная нѣкоторыми другими, теорія эта развита особенно г. Хвольсономъ. Въ главныхъ чертахъ она можетъ быть представлена такъ: Въ Тавриду и прикавказье еще за нѣсколько вѣковъ до хр. эры пришли евреи происхожденія самарянскаго или израильскаго т. е. изъ 10 колѣнъ Израилевыхъ плѣненныхъ въ 696 г. до Р. Х.; они принесли съ собой чистое первобытное еврейство, основанное на библіи; живя цѣлые вѣка изолированно отъ остальныхъ іудеевъ, они оставались чуждыми историческаго развитія послѣднихъ, ихъ раввинизма и талмудизма, но имѣли свое внутреннее развитіе на почвѣ первобытнаго библейскаго евреизма. Изъ этихъ—то евреевъ возникли таврическіе караиты, существовавшіе уже съ первыхъ временъ хазарскаго господства, хотя потомъ прибывали сюда и раввинисты; эти то кара-

иты обратили въ еврейство часть хазаръ съ ихъ ханами; они же пытались обратить и Владимира, который самъ въ 986 году посылалъ для развѣдыванія о вѣрѣ посольство въ Керчь къ здѣшнему хазарскому князю, еврейско—караитскому прозелиту Давиду, какъ гласитъ одна приписка на свиткѣ пятокнижія, открытомъ Фирковичемъ въ стѣнѣ еврейской синагоги близъ Дербента [1]). Выясняя самый фактъ еврейской пропаганды у хазаръ и попытки ея у русскихъ, послѣдователи теоріи прибавляютъ, что именно только означенные евреи могли имѣть наклонность къ пропагандѣ несвойственную раввинистамъ, даже запрещаемую талмудомъ, что съ другой стороны только это первобытное библейское еврейство, чуждое узкостей талмудизма, способно было имѣть такой успѣхъ въ дѣлѣ пропаганды, какой представляется въ почти единственномъ фактѣ обращенія въ еврейство цѣлой части хазарскаго народа и его династіи. Эти и еще разные другіе выводы, дѣлаемые изъ открытій Фирковича, дѣйствительно были бы въ высшей степени интересны, въ частности и для нашей цѣли, еслибы можно было дать вѣру самымъ открытіямъ. На эти громкія открытія, имѣвшія, какъ надѣялись защитники ихъ, удивить ученый міръ и произвесть переворотъ во многихъ научныхъ вопросахъ, ими затрогиваемыхъ, уже при самомъ появленіи своемъ возбудили сомнѣнія, а съ теченіемъ времени болѣе и болѣе теряли кредитъ, заподозриваемыя въ фальсификаціи, даже

---

[1]) Вотъ эта приписка: „Я одинъ изъ вѣрноподданыхъ Израилю—Авраамъ сынъ Маръ Симхи изъ города Сафарадъ (Босфоръ, Керчь), въ царство братьевъ нашихъ, благочестивыхъ прозелитовъ хазаръ, былъ—въ 1682 г. послѣ изгнанія нашего, т. е. 4746 по сотвореніи, по эрѣ, по которой считаютъ братья наши евреи города Матархи—(Тамани, Тмутаракани), въ то время когда послы князя Рошъ Мешахъ изъ города Ціобъ (Кіевъ) пришли къ государю нашему, хазарскому князю Давыду, развѣдывать о дѣлахъ религіи,—отправленъ имъ (т. е. княземъ Давыдомъ) въ Персію и Мидію купить для хазарскихъ общинъ древнія пятокнижія, книги пророковъ и гагіографовъ.“ Восемнадцать еврейскихъ надгробныхъ надписей изъ Крыма. Соч. Д. А. Хвольсона. Спб. 1866.

прямо въ подложности, и такой взглядъ на нихъ становится теперь почти общимъ [1]). При этомъ впрочемъ не устраняется важное научное значенiе самыхъ еврейскихъ рукописей Фирковича, какъ караитскихъ, такъ и раввинистическихъ, часть которыхъ принадлежитъ нынѣ одесскому обществу исторiи и древностей, а другая Имп. Публ. Библiотекѣ, купленная ею въ 1863 году за большую сумму. Но изученiе этихъ рукописей еще не дало такихъ результатовъ, которые бы имѣли особенное значенiе при рѣшенiи поставленныхъ нами вопросовъ касательно хазарскихъ евреевъ. Все это даетъ намъ право въ настоящемъ случаѣ оставить пока въ сторонѣ открытiя Фирковича и обратиться къ другимъ даннымъ и соображенiямъ при рѣшенiи этихъ вопросовъ. Ограничимся впрочемъ простымъ изложенiемъ результатовъ, какiе на нашъ взглядъ могутъ считаться прiобрѣтенными современною наукою по этимъ вопросамъ, въ смыслѣ наиболѣе вѣроятныхъ.

Прежде всего можно признать за несомнѣнное, что въ составъ хазарскихъ евреевъ входили евреи таврическiе, т. е. жившiе въ греческихъ городахъ Тавриды, включая сюда города сѣверо-восточнаго черноморскаго прибрежья; входили уже по той причинѣ, что владѣнiя хазарскiя, сперва граничившiя съ Тавридой, съ VII в. простерлись и на часть Тавриды. Но кто были эти таврическiе евреи, съ какихъ поръ и откуда явились они въ Тавриду?

Еврейскiя поселенiя существовали въ Тавридѣ уже въ I и въ II вѣкахъ хр. эры. Наиболѣе важнымъ свидѣтельствомъ о томъ служатъ относящiяся къ этимъ вѣкамъ еврейскiя надписи на греческомъ языкѣ. Изъ нихъ двѣ най-

---

1) См. изслѣдованiе г. Гаркави: *по вопросу о iудейскихъ древностяхъ, найденныхъ Фирковичемъ въ Крыму.* Ж. М. Нар. Пр. 1877 г. iюль.

дены въ Керчи, двѣ въ Анапѣ, одна—въ Ольвіи [1]). Всѣ онѣ представляютъ документы объ освобожденіи невольниковъ и невольницъ по религіозному обѣту. Они даютъ видѣть: 1) что эти евреи были эллинисты, носившіе греческія имена и употреблявшіе греческій языкъ; 2) что они жили здѣсь цѣлыми общинами, имѣли свои синагоги и пользовались такимъ относительно благопріятнымъ положеніемъ гражданскимъ и экономическимъ, что могли имѣть невольниковъ и невольницъ; 3) что наконецъ они были наклонны дѣлать послѣднихъ прозелитами своей вѣры, обусловливая освобожденіе ихъ изъ неволи обязательствомъ для освобождаемыхъ посѣщать еврейскіе молитвенные домы или служить при нихъ. Безъ сомнѣнія, эти евреи эллинисты пришли въ греческія черноморскія колоніи еще до хр. эры, пришли именно изъ греческихъ земель, привлекаемые интересами торговли, которою славились эти колоніи. Приписываемое Филону письмо Агриппы къ Каію Калигулѣ отъ 40 г. по Р. Хр., упоминающее о евреяхъ эвксинскаго понта, можетъ показывать, что эти евреи были извѣстны и восточнымъ собратіямъ своимъ. Къ начальнымъ еврейскимъ поселеніямъ Тавриды съ теченіемъ времени прибывали новыя. Существуетъ предположеніе, что великія катастрофы, постигшія іудеевъ при Титѣ (70 г.) и при Адріанѣ (120 г.), сопровождавшіяся новымъ разсѣяніемъ іудеевъ, могли дать новыхъ іудейскихъ поселенцевъ и Тавридѣ, которая была тогда однимъ изъ мѣстъ ссылки, такъ что кромѣ іудеевъ эллинистовъ могли здѣсь рано появиться и іудеи палестинскіе, іудеи—гебраисты [2]). Послѣ упомянутыхъ катастрофъ

---

[1]) Полное изданіе этихъ надписей и лучшее изслѣдованіе о нихъ принадлежатъ тому же ученому оріенталисту *г. Гаркави* и помѣщены въ его сочиненіи: *о языкѣ евреевъ, жившихъ въ древнее время на Руси.* Приложеніе 1. стр. 43 и слѣд. Спб. 1866 г.

[2]) Въ Тавриду ссылаемы были христіане во время гоненій. Св. Климентъ римскій, сосланный *въ Херсонъ* при Траянѣ, засталъ здѣсь, по сказанію, до

положеніе евреевъ въ имперіи было вообще спокойное. Они пользовались большою долею самоуправленія, имѣли свои синагоги, своихъ раввиновъ и старѣйшинъ, которыхъ Оригенъ называетъ этнархами, имѣвшими почти царскую власть съ широкимъ правомъ суда, будто бы даже съ правомъ смертной казни. Они могли пріобрѣтать и прозелитовъ, каками являлись впрочемъ преимущественно рабы ихъ, подвергаемые обрѣзанію своими господами. Въ рабы къ евреямъ попадали и христіане.

Со времени Константина великаго, при христіанскомъ правительствѣ имперіи, положеніе въ ней евреевъ измѣняется. Относительно ихъ развивается система стѣсненій, потомъ преслѣдованій, даже принудительныхъ мѣръ къ обращенію ихъ въ христіанство. Находясь въ связи съ общимъ характеромъ дѣйствій хр. правительства имперіи по отношенію къ подданнымъ ея изъ не христіанъ, разновѣрцевъ и еретиковъ, эта система въ частныхъ примѣненіяхъ своихъ обусловливалась еще особеннымъ неблагопріятнымъ взглядомъ на евреевъ, какъ самыхъ начальныхъ враговъ и гонителей христіанства, соучастниковъ языческихъ гоненій на него, продолжающихъ питать закоснѣлую непріязнь къ нему, притомъ наклонныхъ къ политическимъ заговорамъ противъ хр. имперіи и хр. общества, вредныхъ для него и по нѣкоторымъ темнымъ чертамъ своего нравственно-соціальнаго характера. Ограничимся сперва обозначеніемъ главныхъ сторонъ этой системы, какъ онѣ открываются въ законодательствѣ и практикѣ за время отъ Константина

2000 христіанъ, осужденныхъ на работы въ каменоломняхъ. Такимъ же образомъ могли быть ссылаемы сюда и іудеи, послѣ ихъ бунтовъ въ 70 и 120 г. О переселеніи іудеевъ палестинскихъ въ Тавриду при Титѣ гласитъ и одна изъ надписей Фирковича. Надпись эта, хотя бы и подложная, все таки могла служить отголоскомъ давняго преданія таврическихъ евреевъ о переселеніяхъ ихъ предковъ въ Тавриду.

великаго до Іустиніана I включительно. Здѣсь представляются намъ:

1) *Ограниченіе фанатическаго самоуправства евреевъ относительно своихъ единовѣрцевъ, обращающихся въ христіанство.* Съ этого именно началъ Константинъ великій, запретивъ евреямъ бросать (какъ было у нихъ въ обычаѣ) камнями въ своихъ собратій, принимавшихъ христіанство. При Ѳеодосіѣ и его сыновьяхъ запрещено евреямъ лишать—наслѣдства тѣхъ изъ своихъ дѣтей, которые приняли христіанство, если только они не изобличены въ какихъ либо дурныхъ поступкахъ противъ родителей [1]). 2) *Пресѣченіе религіозной пропаганды евреевъ.* Константинъ великій закономъ запретилъ евреямъ подвергать обрѣзанію своихъ рабовъ. При его преемникахъ законъ этотъ получилъ развитіе. Еврей, обрѣзавшій своего раба, подпадалъ смертной казни; рабъ его объявлялся свободнымъ, если обрѣзанъ противъ воли, и принадлежащимъ казнѣ, если обрѣзанъ съ своего согласія. Наконецъ вообще запрещено евреямъ покупать и держать рабовъ *изъ христіанъ*, въ устраненіе самой возможности тайнаго совращенія ихъ въ іудейство. Свободный человѣкъ, обратившійся изъ христіанства въ іудейство, подпадалъ конфискаціи имущества, лишался права дѣлать завѣщаніе. Евреямъ запрещены пренія съ христіанами о вѣрѣ и вообще всякіе виды религіознаго обученія христіанъ; запрещены и браки съ христіанами. Эти послѣднія узаконенія принадлежатъ особенно Іустиніану, который наконецъ запретилъ евреямъ обращать въ свою вѣру *даже язычниковъ.* 3) Не останавливаясь на мѣрахъ отрицательныхъ, служившихъ къ огражденію христі-

---

[1]) Впрочемъ и въ этомъ условіи были ограниченія, сдѣланныя отчасти по недовѣрію къ показаніямъ евреевъ—родителей о преступленіяхъ ихъ дѣтей, принимавшихъ христіанство, которыхъ они могли злонамѣренно оклеветывать, какъ нерѣдко бываетъ и теперь.

анъ отъ еврейскаго фанатизма и еврейской пропаганды, правительство имперіи шло далѣе: налагало *стѣсненія на внутренній религіозный бытъ евреевъ.* Дозволялось евреямъ праздновать субботу и другіе праздники; но запрещены нѣкоторые, признанные неумѣстными, обряды извѣстныхъ праздниковъ, напр.—Амана, Кущей. При Ѳеодосіѣ великомъ христіане, особенно въ Константинополѣ, помня недавнія затѣи евреевъ при покровительствовавшихъ имъ Іуліанѣ отступникѣ и Валентѣ аріанинѣ, принялись было истреблять или захватывать на храмы еврейскія синагоги. Ѳеодосій не дозволилъ этого. Но Іустиніанъ, не трогая старыхъ синагогъ, запретилъ строить новыя, подъ угрозою обращенія ихъ на храмы. Онъ же запретилъ имъ читать свою Мишну (δευτέρωσις), представляя довольствоваться книгами Ветхаго Завѣта. Не трогая еврейскихъ праздниковъ, онъ требовалъ однакоже, чтобы евреи оказывали знаки уваженія къ праздникамъ господствующей хр. религіи. Имъ же изданы законы противъ многожества и разводовъ у евреевъ, ссылавшихся въ оправданіе ихъ на свои религіозные обычаи и законы. 4) Гораздо большимъ стѣсненіямъ подпадали евреи *въ гражданскихъ правахъ*, въ *гражданскомъ быту*. Не касаясь религіозной власти еврейскихъ старѣйшинъ, Ѳеодосій великій ограничилъ судную власть ихъ надъ единовѣрцами въ дѣлахъ гражданскихъ, подчинивъ послѣднія общимъ судамъ. Съ его же времени началось и довершилось при Іустиніанѣ *устраненіе евреевъ отъ всякихъ военныхъ и гражданскихъ должностей*, которыя могли бы давать имъ равный съ христіанами почетъ, а тѣмъ болѣе какую либо власть надъ послѣдними. При Іустиніанѣ же усилены ограниченія имущественныхъ правъ евреевъ, каково особенно право по завѣщаніямъ и наслѣдствамъ, съ представленіемъ преимуществъ дѣтямъ ихъ, принимавшимъ христіанство. Устраняемые отъ общественной службы, евреи болѣе и болѣе сосредоточивали свою дѣятельность на торговлѣ, на промыслахъ. И она-то, при непріязненныхъ и стѣсненныхъ отношеніяхъ ихъ къ

хр. обществу, послужила къ развитію въ нихъ извѣстныхъ темныхъ чертъ нравственно-соціальнаго характера, которые въ свою очередь усиливали въ этомъ обществѣ антипатію къ евреямъ, а гражданскую власть вызывали на новыя ограничительныя мѣры относительно ихъ. Такъ напр. евреи издавна особенно любили *торговать рабами.* Но эта торговля была, какъ замѣчаетъ Капефигъ, постоянно предметомъ жалобъ отцевъ церкви, которые старались выкупать рабовъ, пріобрѣтаемыхъ евреями для продажи. Съ своей стороны гражданская власть болѣе и болѣе стѣсняла для нихъ эту торговлю, усиливала надзоръ за содержаніемъ рабовъ у евреевъ, которое было вообще очень дурно, за обращеніемъ ихъ съ своими рабами, которое часто оказывалось жестокимъ, особенно если рабы были изъ христіанъ, и при Іустиніанѣ кончила—полнымъ запрещеніемъ евреямъ торговать рабами изъ христіанъ. Это запрещеніе, исходившее, какъ сказано, также изъ религіозныхъ мотивовъ, чувствовалось евреями, какъ одно изъ тяжкихъ ограниченій торговыхъ выгодъ и вообще гражданскихъ правъ ихъ. Другимъ любимымъ промысломъ евреевъ рано является *ростовничество.* Осуждаемое христіанствомъ, оно развивалось особенно въ евреяхъ, потому что въ религіозномъ ученіи ихъ не встрѣчало такого же противодѣйствія, какъ въ христіанскомъ, что развивалось на счетъ большинства хр. населенія, что наконецъ разныя ограниченія въ имущественномъ правѣ евреевъ, которыя всего удобнѣе могли поражать недвижимую собственность, заставляли ихъ предпочитать ей собственность денежную, предпочитать промыслы и обороты чисто денежные, главнымъ изъ коихъ и являлось ростовничество. Законы противъ него, существующіе въ кодексахъ Ѳеодосія и Іустиніана, хотя не имѣютъ въ виду спеціально евреевъ (ибо ростовщики были и изъ неевреевъ), но вызваны, можно полагать, крайностями ростовничества, развившагося именно подъ вліяніемъ евреевъ, и во всякомъ случаѣ эти законы не могли быть понимаемы евреями иначе,

какъ за новое стѣсненіе, само собою падавшее преимущественно на нихъ, имъ наиболѣе невыгодное. 5) Наконецъ законодательствомъ и практикой Византійской имперіи допускались разныя *внѣшнія мѣры къ обращенію евреевъ въ христіанство* [1]). Сюда относятся упомянутые уже узаконенія, дававшія преимущества въ правахъ наслѣдства еврейскимъ дѣтямъ, принимавшимъ христіанство; денежныя пособія или награды новокрещеннымъ евреямъ [2]) и т. под. При Іустиніанѣ впервые сдѣлана частная попытка принудительнаго крещенія евреевъ, начатая съ Самарянъ. Вообще при этомъ государѣ система ограниченій, стѣсненій, принудительныхъ мѣръ относительно евреевъ достигла наибольшаго, въ сравненіи съ прежнимъ временемъ, развитія. Понятно, что евреи не могли быть довольны своимъ положеніемъ въ имперіи христіанской. Отъ времени до времени они затѣваютъ измѣны и мятежи и при этомъ ищутъ союзниковъ внѣ ея, во внѣшнихъ врагахъ ея, или поддаются на союзъ съ ними при удобномъ случаѣ. Ближайшаго и наиболѣе сильнаго союзника находили евреи въ языческой Персіи. Еще при Константинѣ великомъ, который, собственно говоря, не могъ назваться гонителемъ евреевъ, евреи, жившіе въ Персіи или по сосѣдству съ нею, уже подозрѣвались въ вредныхъ для имперіи сношеніяхъ съ Персіею, даже въ томъ, что подущали ея государя къ гоненію на христіанъ персидскихъ. При Констанціѣ въ Палестинѣ, особенно въ Діо-

---

1) Не говоримъ здѣсь о нравственныхъ или духовныхъ мѣрахъ къ обращенію ихъ въ христіанство, ни вообще о примѣрахъ свободнаго обращенія ихъ извѣстныхъ во всѣ вѣка хр. церкви, считающей у себя не мало знаменитыхъ мужей изъ обратившихся въ христіанство евреевъ.

2) Объ этихъ наградахъ замѣчательное свидѣтельство у Сократа (церк. исторіи его кн. VII, гл. 38). Интересно, что награды эти уже тогда служили для евреевъ предметомъ спекуляціи. Они крестились по нѣскольку разъ, чтобы при каждомъ крещеніи получать награду: явленіе, встрѣчавшееся и въ наше время.

кесаріи, евреи затѣяли важную измѣну, имѣвшую цѣлію способствовать нашествію Сапора въ предѣлы имперіи. Затѣя подавлена и строго наказана. Со времени Іустиніана мятежи евреевъ учащаются. Въ 530 г. подняли мятежъ самаряне, а затѣмъ и палестинскіе евреи. Самарянскій Мессія Іуліанъ объявленъ императоромъ. Въ 556 г. мятежъ начинаютъ іудеи въ Кесаріи палестинской. Въ тотъ и другой мятежъ надъ мѣстными христіанами совершены евреями большія жестокости. Вмѣстѣ съ тѣмъ они обращались къ старой мысли о союзѣ съ Персами. Мятежи были однакожъ подавлены военною силою, и евреи подпали казнямъ, между прочимъ, разсѣянію ихъ по другимъ окраинамъ имперіи. Нѣкоторые, во избѣжаніе наказаній, наружно принимали христіанство. При имп. Фокѣ, какъ бы въ очередь послѣ самарянъ и палестинскихъ іудеевъ, подняли бунтъ іудеи сирійскіе въ Антіохіи. Убиты ими патріархъ и множество христіанъ. Бунтъ подавленъ силою. Но вслѣдъ затѣмъ открывшаяся война хр. имперіи съ Персіею, воодушевляетъ евреевъ. Когда Персы съ оружіемъ прошли всю Сирію и Палестину до самаго Іерусалима, то евреи являлись открытыми союзниками ихъ. Затѣмъ, если вѣрить разсказамъ Павла діакона, Θеофана и др., евреи, перекупивъ у персовъ до 90,000 христіанъ, жестоко выместили на нихъ накипѣвшее у нихъ озлобленіе противъ хр. имперіи и общества [1]). Эти событія вызвали новыя весьма строгія мѣры противъ евреевъ со стороны императора Ираклія. Казалось, онъ думалъ совсѣмъ уничтожить евреевъ въ своей имперіи. Если при Іустиніанѣ дѣлались частыя попытки къ принудительному крещенію евреевъ, то

---

1) Обстоятельный разсказъ о неимовѣрныхъ жестокостяхъ, совершенныхъ евреями надъ христіанами во время этого персидскаго нашествія, находится еще въ арабской хроникѣ Саида-ибн-аль-Батрика или Евтихія патріарха александрійскаго († 939—940 г.), латинскій переводъ которой у Migne (Patr. Gracae. T. CXI, p. 1082—1090).

Ираклій, говорятъ, предпринималъ это въ видѣ болѣе общей мѣры, съ присоединеніемъ угрозы смертною казнію или ссылкой тѣмъ евреямъ, которые не согласятся креститься. Принять такую мѣру относительно евреевъ онъ совѣтовалъ чрезъ своихъ пословъ государямъ Испаніи и Галліи. Трудно допустить, чтобы такая мѣра была строго выполняема и въ самой имперіи, тѣмъ болѣе, что евреи, конечно, не преминули употребить усилія къ смягченію ея, при чемъ могли воспользоваться извѣстнымъ корыстолюбіемъ Ираклія, слѣд. возможностію смягчить его богатыми дарами. Тѣмъ не менѣе время этого государя было однимъ изъ очень тяжелыхъ для нихъ, такъ что напр. палестинскіе евреи, по разсказу Евтихія александрійскаго, спасаясь отъ казней, убѣгали въ пустыни, горы, долины и вообще дальнія мѣста. Послѣ Ираклія въ теченіи почти столѣтія не встрѣчаемъ извѣстій о какихъ либо новыхъ преслѣдованіяхъ евреевъ въ Византіи. Они и такъ были уже сильно придавлены, а между тѣмъ появленіе и успѣхи ислама, который на первыхъ порахъ оказывался почти одинаково враждебнымъ и іудейству и христіанству и отвоевалъ у Византіи области, наиболѣе населенныя евреями, должно было охладить въ ней охоту къ преслѣдованіямъ ихъ. Но затѣмъ самый исламъ едва ли не повліялъ, хотя и косвенно, на возобновленіе ихъ. Образуется представленіе, что евреи—сродни новымъ врагамъ хр. вѣры и имперіи, какъ агарянамъ, измаильтянамъ, сходнымъ съ евреями по обрѣзанію и др. чертамъ своего культа. Открывались случаи сообщничества евреевъ съ мусульманами въ преслѣдованіи христіанъ[1]). А это давало мѣсто новымъ опасеніямъ касательно политической неблагонадежности евреевъ для имперіи, въ случаѣ борьбы ея съ мусульманами. Замѣчательно, что преслѣдованіе противъ ев-

[1]) Въ хроникѣ Ѳеофана (подъ 6122—622 годомъ) разсказывается, что нашлись даже такіе евреи, которые надѣялись видѣть въ Магометѣ ожидаемаго Мессію, приняли его ученіе, потомъ, разочаровавшись въ своихъ надеждахъ, досаду разочарованія вымещали на христіанахъ.

реевъ возобновляетъ именно Левъ Исавръ (717—741), котораго сильно занимали отношенія имперіи къ мусульманамъ, впервые при немъ угрожавшимъ самому Константинополю. Могло быть также, что Левъ Исавръ, извѣстный своимъ корыстолюбіемъ, притомъ сильно нуждавшійся въ деньгахъ, разсчитывалъ давленіемъ на евреевъ добывать отъ нихъ деньги. Какъ бы то ни было, только въ 722 году онъ возобновилъ призабытое распоряженіе Ираклія о принужденіи евреевъ къ крещенію подъ угрозою казнями и ссылкой. Одни изъ нихъ дѣйствительно крестились, но въ душѣ оставались евреями и, при первой возможности, смывали съ себя крещеніе [1]). Другіе вѣроятно успѣвали откупаться. Иные принуждены были уходить за предѣлы имперіи или же въ болѣе дальнія страны ея, менѣе доступныя надзору центральной администраціи. Чрезъ четыре года послѣ упомянутаго распоряженія о евреяхъ Исавръ началъ преслѣдованіе иконопочитанія. Это новое преслѣдованіе могло отвлечь его отъ преслѣдованія евреевъ, которое, какъ кажется, не было поддерживаемо и при его преемникахъ Копронимѣ и Львѣ Хазаринѣ [2]). Но, по свидѣтельству арабскихъ писателей, во время Гарунъ-Аррашида, которое въ Византіи падаетъ на царствованіе Ирины и Константина (780—797), возобновлено было повелѣніе о принужденіи евреевъ къ крещенію и вообще о преслѣдованіи ихъ. Положеніе евреевъ въ имперіи опять стало тяжелымъ. Для характеристики его можно припомнить здѣсь одно свидѣтельство вселенскаго

---

1) Разсказъ объ этомъ—въ хроникѣ Ѳеофана подъ 714 годомъ, который по византійской хронологіи приходится на 722 годъ (у Ѳеофана хронологія александрійская, отстающая на 8 лѣтъ).

2) По сказаніямъ житій Стефана новаго (ноября 28) и Стефана Сурожскаго (дек. 15) Исавръ началъ гоненіе на иконы по внушенію евреевъ, успѣвшихъ сблизиться съ нимъ, съ помощію нѣкоторыхъ своихъ предсказаній о немъ. Сказанія эти свидѣтельствуютъ по крайней мѣрѣ, что существовало мнѣніе объ участіи евреевъ въ дѣлѣ иконоборчества. Оно могло потомъ повліять на возобновленіе гоненій на евреевъ по паденіи иконоборчества при Иринѣ и Константинѣ.

собора, бывшаго при Иринѣ и Константинѣ въ 786 году. Въ 8-мъ изъ своихъ правилъ онъ говоритъ: „поелику нѣкоторые изъ еврейскаго вѣроисповѣданія, блуждая возмнили ругатися Христу Богу нашему, *притворно дѣлаясь христіанами*, втайнѣ же отвергаясь Его и *скрытно субботствуя и прочее іудейское исполняя*; то опредѣляемъ сихъ ни въ общеніе, ни къ молитвѣ, ни въ церковь не принимать и *дѣтей ихъ не крестить, и раба имъ не покупать или не пріобрѣтать*. Если же кто изъ нихъ съ искреннею вѣрою обратится и исповѣдуетъ оную отъ всего сердца, торжественно отвергая еврейскіе ихъ обычаи и дѣла, то сего принимать и крестить дѣтей его и утверждать ихъ въ отверженіи іудейскихъ умышленій". Это свидѣтельство собора для насъ очень важно. Изъ него видно, что въ эпоху собора были въ Византійской имперіи *евреи, притворно дѣлавшіеся христіанами*, и число ихъ было настолько значительно, что на нихъ счелъ нужнымъ обратить вниманіе вселенскій соборъ. Отсюда необходимо слѣдуетъ, что существовали причины, вынуждавшія евреевъ притворно принимать христіанство. Одни изъ нихъ могли дѣлать это именно вслѣдствіе того *прямаго* принужденія ихъ къ крещенію, о которомъ говорятъ арабскіе писатели, относя этотъ фактъ къ названной эпохѣ [1]). Эти притворные крещенцы были слѣд. *невольными* крещенцами. Такихъ не могло быть много,—и уже потому, что самая мѣра прямаго принужденія къ крещенію и теперь, какъ прежде, не могла быть примѣняема строго и повсюдно. Болѣе было такихъ, которые принимали христіанство въ слѣдствіе, такъ сказать, *косвеннаго* принужденія къ тому. Такимъ принужденіемъ оказывалось *вообще преслѣдованіе евреевъ*, о которомъ говорятъ тѣже арабскіе писатели и которое, обусловливаясь существовавшею въ законодательствѣ системою разныхъ стѣснительныхъ мѣръ от-

---

1) Арабскіе писатели, говорящіе объ этомъ: Масуди, Ибнъ-аль-Атиръ и Шехеддинъ Димешки. Сказанія еврейскихъ писателей о хазарахъ и хазарскомъ царствѣ... А. Я. Гаркави, стр. 143—145.

носительно евреевъ, теперь усилилось въ слѣдствіе болѣе строгаго выполненія или примѣненія этой системы. Такъ напр. по этой системѣ евреи лишены были разныхъ правъ, какими пользовались христіане. И вотъ они притворно дѣлаются христіанами, чтобы пользоваться такими правами. Это можно усматривать въ свидѣтельствѣ собора. Евреи, притворно дѣлавшіеся христіанами, домогались, какъ видно, чтобы крестили дѣтей ихъ. Это они дѣлали не вообще только изъ желанія слыть христіанами, слѣд. пользоваться правами христіанъ, но въ частности изъ желанія обезпечить себѣ тѣ права по завѣщанію, а дѣтямъ тѣ права по наслѣдству, въ которыхъ они, какъ говорено выше, были ограничены законами Византіи. Далѣе, соборъ лишаетъ притворныхъ христіанъ изъ евреевъ права покупать и вообще имѣть рабовъ. Это значитъ, что евреи принимали христіанство, между прочимъ, именно съ тѣмъ, что пріобрѣсть это право, возвращавшее имъ возможность издавна любимой и выгодной для нихъ торговли рабами. Были, конечно, и другіе права, интересы, выгоды, ради коихъ евреи притворно дѣлались христіанами, потому что иначе не могли достичь ихъ, пользоваться ими теперь, при болѣе строгомъ наблюденіи относительно ихъ указанной выше системы [1]). Фактъ существованія въ Византіи притворныхъ христіанъ изъ евреевъ получаетъ особое значеніе—при томъ вытекающемъ изъ всего сказаннаго представленіи, что они образовали изъ себя нѣкоторое общество или секту *іудео-христіанъ* или *жидовствующихъ христіанъ*, которая, подъ покровомъ христіанства, не только служила разнымъ житейскимъ интересамъ еврейства, во время преслѣдованій его, но могла служить и самой пропагандѣ іудейства между не евреями [2]). Въ

---

[1]) Въ „Василиконахъ" импер. Василія Македонина запрещается крестить евреевъ, желавшихъ избѣжать этимъ суда за какія либо преступленія, уплаты долговъ и проч.

[2]) Съ фактомъ пропаганды этихъ іудео-христіанъ мы встрѣтимся ниже.

данномъ случаѣ, фактъ существованія въ Византіи такихъ притворныхъ христіанъ изъ евреевъ и интересенъ для насъ собственно какъ доказательство усиленнаго преслѣдованія евреевъ въ это время въ Византіи. Каково бы ни было число евреевъ, рѣшавшихся во избѣжаніе преслѣдованія притворно дѣлаться христіанами, но число это было незначительно въ сравненіи съ цѣлою массою еврейскаго населенія въ Имперіи. Громадное большинство евреевъ, по преданности своей вѣрѣ, безъ сомнѣнія, не было расположено даже притворно дѣлаться христіанами, тѣмъ болѣе что такому христіанству ихъ не довѣряли, а не довѣряя не давали и тѣхъ правъ, тѣхъ выгодъ, на какія расчитывали эти притворные крещенцы. Потому, для громаднаго большинства евреевъ оставалось искать другого выхода изъ подъ тяготѣвшей надъ ними въ Имперіи системы стѣсненій, преслѣдованій. Такимъ выходомъ было, между прочимъ, выселеніе за предѣлы Имперіи или въ такія окраины ея, гдѣ можно было жить на свободѣ отъ преслѣдованій, найти вообще болѣе благопріятныя условія для независимаго существованія. Но здѣсь отъ византійскихъ евреевъ мы, по пути ихъ переселеній, возвращаемся къ евреямъ таврическимъ и затѣмъ хазарскимъ.

Еврейскія поселенія въ греческихъ городахъ сѣвернаго черноморья и Тавриды, конечно, не исчезали съ первыхъ вѣковъ хр. эры. Время приносило сюда новыхъ еврейскихъ переселенцевъ. Въ болѣе спокойныя времена ихъ привлекало сюда торговое значеніе этихъ городовъ, которое не прекращалось и должно было еще болѣе усилиться съ основаніемъ по близости на Босфорѣ новой столицы Имперіи. Это особенно слѣдуетъ сказать о Херсонѣ, который притомъ со времени Константина в. пользовался нѣкоторыми вольностями, былъ въ сношеніяхъ не только съ Византіею, но и Іерусалимомъ, затѣмъ еще о Босфорѣ таврическомъ

(Панти-капеѣ, Керчи) [1]). Въ болѣе тяжелыя времена евреи могли переселяться въ эти же окраины Имперіи просто съ цѣлію найти здѣсь лучшее положеніе для себя чѣмъ во внутреннихъ областяхъ Имперіи. Такими временами можно признать особенно времена Ираклія и Льва Исавра [2]). Наконецъ о времени Ирины и Константина существуетъ уже прямое свидѣтельство арабскихъ писателей, что въ это время, евреи, принуждаемые къ крещенію и вообще преслѣдуемые въ Имперіи, переселялись во владѣнія хазаръ. Владѣнія ихъ съ VII вѣка простирались уже на часть сѣверо-восточнаго черноморья и Тавриды. Евреи—старожилы этихъ мѣстностей первѣе другихъ познакомились съ хазарами, пролагая путь къ нимъ и новымъ пришлецамъ изъ своихъ единовѣрцевъ. Гонимые въ Имперіи, не имѣя болѣе и на Востокѣ такой покровительствующей имъ страны, какою была нѣкогда для нихъ Персія, евреи въ новой хазарской державѣ, независимой и сильной, языческой и вѣротерпимой, открыли для себя такое убѣжище, въ какомъ теперь сильно нуждались.

Но кромѣ этихъ евреевъ, пришельцевъ изъ Византійской Имперіи, переселялись къ хазарамъ евреи еще изъ другихъ мѣстъ. Такъ, по хазаро-еврейскимъ преданіямъ, занесеннымъ въ извѣстное письмо хазарскаго царя Іосифа къ раввину Хасдаи, евреи пришли въ Хазарію частію изъ Византіи, въ слѣдствіе гоненій на нихъ въ послѣдней, ча-

---

[1]) По херсонскимъ преданіямъ первые епископы херсонскіе, явившіеся здѣсь съ начала IV вѣка, пришли именно изъ Іерусалима въ видѣ миссіонеровъ, присланныхъ тамошнимъ епископомъ Ермономъ. Если дать вѣру этимъ преданіямъ, то они доказывали бы не только связь Херсона съ Іерусалимомъ, но, быть можетъ и то, что посылка миссіонеровъ изъ Іерусалима обусловливалась существованіемъ въ Херсонѣ еврейскихъ переселенцевъ съ Востока, для которыхъ нужны были такіе миссіонеры.

[2]) Это и признается нѣкоторыми изслѣдователями, касавшимися исторіи таврическихъ и хазарскихъ евреевъ, и не разъ высказывалось во время толковъ объ открытіяхъ Фирковича.

стію съ „горы Сеиръ“, также въ слѣдствіе гоненій на нихъ отъ народа „Касдимъ“. Подъ горою Сеиръ нѣкоторые хотятъ разумѣть Кавказъ, гдѣ по разнымъ памятникамъ извѣстны весьма древнія еврейскія населенія, а подъ Касдимами—кавказскихъ черкесовъ, начавшихъ обращаться въ христіанство еще со времени Іустиніана I.

Кавказскіе евреи пролагали путь еврейскимъ переселеніямъ изъ болѣе дальняго Востока, гдѣ евреямъ нерѣдко такъ тяжко было при хр. императорахъ Византіи, гдѣ не особенно улучшилось ихъ положеніе и при мусульманскихъ калифахъ, гнавшихъ иногда евреевъ также, какъ и христіанъ. Такъ напр. извѣстное гоненіе Аль-Мансора, который, бывъ въ 773 году въ Іерусалимѣ, велѣлъ клеймить руки христіанъ и евреевъ, отчего многіе изъ нихъ бѣжали въ предѣлы имперіи, а евреи, для которыхъ имперія не могла быть такимъ покойнымъ убѣжищемъ, какъ для христіанъ, должны были идти въ болѣе далекое убѣжище, какимъ была теперь Хазарія. На это убѣжище должна была имъ указывать еще политическая вражда хазаръ съ калифами, съ которыми они въ VII и VIII вѣкѣ вели частыя войны. Массуди, говоря о переселеніи евреевъ въ Хазарію изъ Византіи, тутъ же говоритъ и о переселеніи и въ Хазарію изъ странъ мусульманскихъ, которое, какъ онъ представляетъ, послѣдовало во время близкое съ первымъ и совпадающее съ временемъ гоненія Альмансора.

Изъ всего сказаннаго можно сдѣлать слѣдующіе выводы въ рѣшеніи вопроса о томъ, что такое были хазарскіе евреи: 1) составъ ихъ представлялъ *разные слои еврейскаго населенія;* 2) сюда входили евреи *греческіе* и евреи *восточные* (палестинскіе, сирскіе, арабскіе); 3) тѣ и другіе могли быть, во первыхъ, потомками *давнихъ еврейскихъ поселенцевъ* странъ, ближайшихъ къ Хазаріи, какъ Таврида и Кавказъ, во вторыхъ *новыми переселенцами* изъ Византійской имперіи и мусульманскихъ странъ; 4) послѣднія десятилѣтія VIII в.

были временемъ наибольшаго наплыва тѣхъ и другихъ въ хазарскія владѣнія; наплывъ этотъ обусловливался главнымъ образомъ необходимостію для евреевъ найти убѣжище отъ гоненій, постигавшихъ ихъ въ мѣстахъ прежняго жительства, найти какъ бы новую страну, новое отечество, гдѣ для нихъ возможно было бы покойное и независимое существованіе.

И, казалось, евреи не обманулись въ своихъ надеждахъ на Хазарію. Здѣсь удалось имъ найти даже болѣе того, чего они искали теперь, удалось пріобрѣсть своей вѣрѣ династію Кагановъ слѣд. весьма почетное положеніе въ ихъ государствѣ.

Двухъ-сотлѣтнее господство іудейства въ Хазаріи, въ качествѣ религіи династіи Кагановъ, представляетъ явленіе почти исключительное въ исторіи. Интересно было бы выяснить, чѣмъ оно обусловливалось, во первыхъ, со стороны евреевъ, во вторыхъ, со стороны Хазаръ?

О евреяхъ говорятъ обыкновенно, что они издавна были чужды духа религіозной пропаганды. Это не совсѣмъ вѣрно. Во время Спасителя іудейскіе книжники и фарисеи проходили море и сушу, чтобъ пріобрѣсть одного прозелита. Христіанство обезсилило іудейскую пропаганду, привлекая къ себѣ всѣхъ, кто способенъ былъ искать высшей религіозной истины. Но затѣи пропаганды не прекращались у іудеевъ и во времена христіанскія. Объ этомъ достаточно свидѣтельствуютъ уже тѣ извѣстныя намъ узаконенія хр. имперіи, которыми эта пропаганда запрещалась подъ угрозою тяжкихъ наказаній. Конечно не въ этихъ узаконеніяхъ заключалась причина безплодности іудейской пропаганды, а въ ея внутреннемъ безсиліи. Но іудейство думало иначе и, кромѣ затѣй частной пропаганды, питало болѣе широкую мечту—завоевать своей вѣрѣ и своему племени *царство*. Вопросъ о такомъ царствѣ имѣлъ важное значеніе въ системѣ мессіанскихъ вѣрованій іудеевъ. Однимъ изъ обычныхъ мотивовъ въ спорахъ христіанъ съ іудеями

*

было то, что іудеи за отверженіе Мессіи сами отвергнуты Богомъ и осуждены жить въ вѣчномъ разсѣяніи по чужимъ странамъ и никогда не имѣть своего царства, которое, по древнимъ пророчествамъ, могло продолжиться только до пришествія Мессіи. Въ опровержепіе такой общей укоризненной мысли, въ утѣшеніе своей вѣры, іудеямъ естественно было стремиться къ созданію своего царства, которое притомъ доставило бы независимое и почетное положеніе ихъ вѣры и племени. Естественно было добиваться возсозданія такого царства прежде всего въ самой Палестинѣ. Мечты о немъ дѣйствительно нечужды были іудеямъ во время извѣстныхъ возстаній ихъ, при Титѣ и Адріанѣ, а въ послѣдній разъ при Іустиніанѣ I. Предводители возстаній при Адріанѣ и Іустиніанѣ поднимали и знамя мессіанизма, которое выставлялось и при нѣкоторыхъ частныхъ возстаніяхъ іудеевъ. Но не устранялись іудеи отъ мысли основать свое царство и внѣ Палестины. Существовали у нихъ и сказанія о подобныхъ царствахъ. Во время Іустина I царство іудейское имѣло основаться въ южной Аравіи или странѣ Омеритовъ, іудействующій царь которой въ 522 году воздвигъ жестокое гоненіе на христіанъ [1]). Скоро оно пало, а затѣмъ исламъ окончательно уничтожилъ надежды іудеевъ въ Аравіи. Но этотъ же исламъ, сродный іудейству, своими успѣхами повліялъ на возбужденіе въ іудеяхъ желанія и надежды создать гдѣ либо и для себя независимое царство. Въ это время открывается для нихъ новая страна Хазарія, какъ страна убѣжища отъ гоненій на нихъ въ странахъ христіанскихъ и мусульманскихъ. Многочисленность евреевъ, сошедшихся сюда почти одновременно изъ этихъ странъ,

---

[1]) Объ этомъ интересномъ эпизодѣ изъ исторіи религіозно-политическихъ тенденцій іудейства въ южной Аравіи можно читать въ житіяхъ Григорія св. омиритскаго (19 дек.) и муч. Ареѳы (24 окт.). Свѣдѣнія же о житіяхъ—у архим. Сергія: *Полный мѣсяцесловъ Востока.* Т. II, ч. 2, стр. 338 и 393.

сближенiе разныхъ слоевъ еврейскаго племени, оживлявшее воспоминанiя о начальномъ религiозно-племенномъ единствѣ ихъ, обмѣнъ сходныхъ впечатлѣнiй изъ недавняго прошлаго, живо напоминавшаго объ униженномъ и стѣсненномъ положенiи евреевъ въ чужихъ странахъ, подъ иновѣрными правительствами,—все это настраивало ихъ къ мысли создать для себя независимое и прочное положенiе въ новомъ отечествѣ, чрезъ завоеванiе своей вѣрѣ правительства и населенiя страны. Къ этому наконецъ поощрялъ евреевъ и самый характеръ религiозныхъ и политическихъ отношенiй, какiя застали они въ этой новой странѣ. Хазаре, представляя смѣсь разныхъ племенъ тюрскихъ, финскихъ, славяно-русскихъ, не имѣли общей религiи въ своемъ язычествѣ, которое представляло также пеструю смѣсь суевѣрiй, при смутной идеѣ единобожiя. Когда съ VIII в., послѣ ряда почти непрерывныхъ войнъ, хазарскiе каганы начали стремиться къ лучшему и мирному устройству своего государства; то для нихъ необходимо возникалъ вопросъ о государственной религiи. Ею не могло быть грубое и притомъ пестрое язычество. Оставалось выбрать одну изъ религiй культурныхъ, цивилизованныхъ народовъ, т. е. iудейство, мусульманство или христiанство, послѣдователи которыхъ уже имѣлись во владѣнiяхъ хазарскихъ. Политическими сильными въ глазахъ хазаръ были: христiанство въ Византiи и мусульманство въ багдатскомъ калифатѣ. Къ одной изъ этихъ религiй и приходилось повидимому обратиться каганамъ. Но они предпочли iудейство. Удачно, кажется намъ, объясняетъ такой оборотъ дѣла Кассель въ своемъ изслѣдованiи о письмѣ хазарскаго кагана Iосифа къ испанскому раввину Iосифу [1]). Каганъ, по объясненiю Касселя, руководился чи-

---

[1]) Der Chazarische Königsbrief aus dem 10 Iahrhundert. v. Paulus Cassel. Berlin. 1877. Въ этой брошюрѣ, издавая письмо въ переводѣ и съ обстоятельными поясненiями, Кассель настаиваетъ на его подлинности. Послѣдняя не

сто политическимъ разсчетомъ. Принятіе христіанства ставило бы его царство въ зависимыя отношенія къ Византіи и возбудило бы непріязнь въ мусульманскихъ калифахъ, единовѣрцы коихъ были и въ Хазаріи. Принятіе ислама не согласовалось съ положеніемъ государства, обращеннаго все таки къ Европѣ, т. е. собственно къ Византіи, съ которою притомъ имѣлись у кагановъ союзы, сношенія, даже родственныя связи. При зависимости отъ культурныхъ вліяній сильныхъ сосѣднихъ государствъ, государственные люди стремятся создать для своей страны нейтральное положеніе. И вотъ іудейство представлялось каганамъ нейтральною религіею между христіанствомъ и мусульманствомъ. Выраженіе такого взгляда религіозной политики кагановъ Кассель видитъ и въ упомянутомъ письмѣ Іосифа. Здѣсь предпочтеніе предкомъ его іудейства христіанству и мусульманству каганъ объясняетъ тѣмъ, что какъ христіане такъ и мусульмане ссылаются на его источники. Принимая іудейство, каганъ заявлялъ предъ остальными двумя религіями, что принятіемъ религіи, сродной имъ обоимъ, онъ хочетъ держать себя нейтрально и въ мирѣ съ ними. Такой характеръ имѣла религіозная политика кагановъ и въ практикѣ. Это была политика полной вѣротерпимости. Ханъ и его дворъ были іудейской вѣры; другіе, въ томъ числѣ жители самой столицы, были христіане, мусульмане, даже язычники. Послѣдователи разныхъ вѣръ имѣли, по свидѣтельству Масуди, своихъ представителей въ высшемъ судилищѣ: іудеи—двухъ, мусульмане—двухъ, христіане—двухъ, язычники—одного. Первые судили по закону Торы (пятокнижія), вторые по закону ислама, третьи по закону евангелія, язычники по своему закону, или закону разума. Преслѣдованіе одной религіи другою не допускалось.

представляется вполнѣ утвержденною и въ новомъ изслѣдованіи Касселя, но это не мѣшаетъ видѣть въ письмѣ выраженіе взгляда среды, къ которой оно пріурочено.

Самое время обращенія хазаръ въ іудейство обозначается не одинаково. Одни, на основаніи письма кагана Іосифа и книги „Козри“ (о которой ниже) относятъ его ко времени кагана Булана ок. 740 года (иные даже къ 620 г.), другіе, на основаніи Массуди и др. арабскихъ писателей,—къ послѣднимъ десятилѣтіямъ VIII в., или даже точнѣе—къ 786 г. Послѣднее, кажется, вѣрнѣе.

Дѣло обращенія кагана въ іудейство обставлено въ первыхъ двухъ источникахъ разсказомъ *о преніяхъ* между іудейскими, мусульманскими и христіанскими учителями въ глазахъ кагана, признавшаго побѣдителемъ іудейскаго учителя. Послѣдняго называютъ *Исаакомъ Сангари.* Пренія были здѣсь очень естественны. Вѣроятна и та, намекаемая въ письмѣ Іосифа, черта изъ обстановки преній, что они сопровождались пирами или угощеніями у кагана: она аналогична съ довольно давнимъ и общимъ обычаемъ застольныхъ бесѣдъ и преній религіозныхъ, философскихъ, извѣстнымъ въ сказаніяхъ другихъ странъ и народовъ.

Слухъ объ успѣхахъ іудейства въ Хазаріи распространился далеко между евреями и занималъ ихъ тѣмъ болѣе, что вмѣстѣ съ нимъ ходилъ слухъ о величіи и силѣ царства, пріобрѣтеннаго іудейству. Они видѣли здѣсь блистательное доказательство противъ общей мысли объ отверженіи Богомъ іудеевъ и ихъ вѣры, о невозможности для нихъ имѣть свое царство. Отъ второй половины IX в. извѣстны сказанія еврейскаго путешественника Эльдада-га-Дани, путешествовавшаго, какъ полагаютъ, съ цѣлію отыскать независимыя іудейскія царства и засвидѣтельствовать о нихъ въ опроверженіе указанной мысли. Баснословные разсказы свои онъ заключаетъ разсказомъ о хазарахъ, считая ихъ евреями колѣна Симеонова и полколѣна Манассіина. Они безчисленны, замѣчаетъ Эльдадъ, берутъ дань съ 25 государствъ и даже со стороны Измаильтянъ платится имъ дань, по причинѣ ихъ страшности и храбрости“. Разсказы эти

дошли до знаменитаго раввина Хасдаи, врача и министра финансовъ при оммаядскихъ калифахъ въ Испаніи Абд-ур-Рахманѣ (911—961) и сынѣ его Аль-Хакимѣ (961—976). Дошли къ нему и устные разсказы еврейскихъ странниковъ изъ самой Хазаріи. Подъ вліяніемъ такихъ разсказовъ Хасдаи написалъ письмо къ хазарскому хану Іосифу [1]). Хасдаи не находитъ словъ, чтобы достаточно выразить свою радость по поводу слуха о іудейскомъ царствѣ въ Хазаріи. Обращаясь къ Іосифу съ цѣлымъ рядомъ вопросовъ касательно исторіи и состоянія этого царства, онъ въ заключеніе говоритъ: „еще есть у меня просьба до царя моего государя—увѣдомить, есть ли у васъ свѣденія *о кончинѣ чудесъ* (т. е. пришествіи Мессіи), *чего мы ожидаемъ долгое время, скитаясь изъ плѣна въ плѣнъ, изъ изгнанія въ изгнаніе.* Гдѣ намъ взять больше силъ, чтобы долѣе ждать? Какъ мы можемъ забыть о разрушеніи нашего славнаго храма, объ остаткахъ, спасшихся отъ меча, которые подвергаются испытанію въ огнѣ и водѣ, такъ что мы остались изъ многочисленныхъ немногими? Низвергнутые съ высокаго положенія, пребываемъ въ изгнаніи *и ничего не можемъ отвѣчать говорящимъ намъ: у каждаго народа есть царство, а у васъ нѣтъ на землѣ и слѣда его.* Когда же мы услышали про царя моего государя, о силѣ его государства и множествѣ его войскъ, мы внезапно обрадовались и подняли голову, духъ нашъ воскресъ и руки укрѣпились: *ибо царство нашего государя служитъ намъ отвѣтомъ.* О кабы вѣсть о немъ усилилась! Этимъ увеличится и слава наша. Да будетъ благословенъ Богъ Израилевъ, который не *отнялъ у насъ Спасителя* и не уничтожилъ царства у колѣнъ Израилевыхъ! Да здравствуетъ

---

[1]) Объ Эльдадѣ-га-Дани у г. Гаркави: Сказанія еврейскихъ о хазарахъ и хазарскомъ царствѣ. Спб. 1874. Тамъ же и о письмѣ Хасдаи. Подлинность этого много разъ изданнаго и изслѣдованнаго письма считается болѣе утвержденною, чѣмъ отвѣтнаго на него письма Іосифа.

царь нашъ государь вѣчно!" Хасдаи высказывалъ пламенное желаніе побывать когда либо въ Хазаріи у ея государя, чтобы утѣшиться величіемъ его царства. Не суждено было сбыться ни этому желанію Хасдаи, ни вообще надеждамъ, возбуждавшимся у евреевъ фактомъ царствованія іудейства въ Хазаріи.

И однакоже фактъ этотъ, продолжавшійся не менѣе 200 лѣтъ, не могъ остаться безслѣднымъ и долженъ былъ такъ или иначе отразиться въ исторіи хазарскихъ евреевъ, исторіи самыхъ хазаръ, даже исторіи сосѣднихъ странъ [1]).

Прежде всего необходимо предположить, что молва о царствованіи іудейства въ Хазаріи привлекала сюда новыхъ и новыхъ евреевъ переселенцевъ изъ другихъ странъ, особенно Византіи и подвластнаго мусульманамъ Востока. Они переселялись конечно въ города, бывшіе внутри хазарскихъ владѣній (какъ напр. столицы кагановъ), и на окраинахъ ихъ у черноморья и Тавриды. Масуди говоритъ, что въ Хазаріи мусульмане—воины, евреи—горожане. При единовѣрныхъ государяхъ хазарскіе евреи безъ сомнѣнія пользовались выгоднымъ и почетнымъ гражданскимъ положеніемъ, могли занимать важныя должности религіозно-учительскія, придворныя, финансовыя и под. Къ этой порѣ слѣдуетъ отнесть развитіе у нихъ тѣхъ притязаній на сановитость, на высокіе титулы, даже княжескіе, какіе позже усматриваются, по памятникамъ, у таврическихъ и черноморскихъ евреевъ [1]). Выгодами гражданскаго положенія евреи не преми-

---

[1]) Исторія хазарскаго іудейства все еще не богата источниками, какими служатъ извѣстія еврейскія (Эльдадъ, письма Хасдаи и Іосифа, книга „Козары“), арабскія (Ибнъ-Фадланъ, Ибнъ-Даста, Масуди и др.) и частію византійскія и русскія. Открытія Фирковича весьма много прибавили бы къ этой исторіи, если бы не возбуждали столь сильныхъ сомнѣній касательно ихъ подлинности. Приходится поэтому довольствоваться вѣроятностями въ характеристикѣ историческаго значенія хазарскаго іудейства.

[2]) Тутъ могутъ имѣть значеніе памятниковъ и надгробныя надписи и приписки (на библейскихъ свиткахъ), собранныя Фирковичемъ, хотя бы они отно-

нули конечно воспользоваться и для выгодъ матеріальныхъ. Торговля ихъ, особенно по городамъ Каспія, Черноморья и Тавриды должна была усилиться. Безпрепятственно могли они предаться теперь издавна любимой, но запретной для нихъ въ Византіи, торговлѣ рабами [1]). Все сказанное должно было повліять на возбужденіе и религіозно-образовательнаго движенія среди хазарскихъ евреевъ. Учители еврейскіе, обратившіе кагана, конечно имѣли преемниковъ изъ своихъ воспитанниковъ и новыхъ пришельцевъ съ Востока. Они не могли не заботиться объ утвержденіи іудейства въ Хазаріи съ помощію религіознаго образованія и объ удовлетвореніи религіозно-образовательныхъ нуждъ своихъ умножившихся единовѣрцевъ. Евреи, сошедшіеся въ Хазарію изъ разныхъ странъ, вѣроятно, говорили на языкахъ этихъ странъ, слѣд. на разныхъ языкахъ. Осѣдаясь въ Хазаріи они могли усвоять языки туземнаго разноплеменнаго населенія. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, при данныхъ условіяхъ, необходимо должно было послѣдовать у нихъ возвышеніе значенія еврейскаго языка, какъ кореннаго и общаго, напоминавшаго имъ о религіозно-національномъ единствѣ ихъ, какъ языка религіи, закона (евреи судились въ Хазаріи по закону Торы) и образованія. Такой, вѣроятно, смыслъ имѣетъ замѣчаніе Масуди, что хазарскіе евреи говорятъ по еврейски. При такихъ обстоятельствахъ необходимо должна была усилиться среди хазаро-таврическихъ евреевъ еврейская письменность. Здѣсь, безъ сомнѣнія, слѣдуетъ искать непосредственнаго или посредственнаго происхожденія многихъ изъ тѣхъ библейскихъ свитковъ и кодексовъ и другихъ еврейскихъ рукописей, какія открыты Фирковичемъ у крым-

---

сились и къ болѣе позднему времени, когда титулы у таврическихъ евреевъ встрѣчаются въ несомнѣнныхъ юридическихъ актахъ.

[1]) Масуди говоритъ, что у хазарскихъ евреевъ нѣтъ рабовъ; но это слѣдуетъ понимать такъ, что нѣтъ у нихъ рабовъ изъ своихъ же собратій—евреевъ.

скихъ караитовъ. Внѣ двухъсотлѣтняго царствованія іудейства въ хазаро-таврическихъ владѣніяхъ трудно найти эпоху, болѣе благопріятную для начальнаго возбужденія среди здѣшнихъ евреевъ подобнаго образовательнаго движенія. Но оно, какъ то вообще бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, не обошлось безъ различія въ направленіяхъ, безъ борьбы между ними. Разумѣемъ направленія раввинистовъ—талмудистовъ и караитовъ. Борьба между ними, начавшаяся на Востокѣ (со времени возникновенія тамъ караитства въ VIII в.) перешла и въ среду хазарскихъ евреевъ. Здѣсь она должна была принять тѣмъ болѣе напряженный характеръ, что дѣло шло о томъ, какой изъ этихъ сектъ имѣть перевѣсъ въ іудаизмѣ Кагановъ. Отголоскомъ ея, а слѣд. и доказательствомъ существованія ея надобно, кажется намъ, признать ту полемику между караитами и раввинистами объ отношеніяхъ ихъ къ хазарскому іудейству, которая, по замѣчанію г. Гаркави, началась съ XII вѣка. Черты ея усматриваются и въ книгѣ „Козары", составленной въ первой половинѣ XII в. испанскимъ евреемъ Іегудою Галеви и трактующей о хазарскомъ іудействѣ и царствѣ, между прочимъ, въ доказательство мысли о возможности независимаго іудейскаго царства. Борьба караитства съ раввинизмомъ среди хазаро-таврическихъ евреевъ могла оказать свою долю вліянія на усиленіе литтературной дѣятельности послѣднихъ, особенно на умноженіе библейскихъ свитковъ, и притомъ трудами караитовъ, какъ библеистовъ, отрицающихъ талмудъ, почему у нихъ по преимуществу сохранилось и наслѣдіе этихъ трудовъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ указанная борьба должна была компрометировать дѣло іудейства въ Хазаріи, въ глазахъ самихъ хановъ, желавшихъ видѣть миръ между разными вѣрами, могла даже послужить къ подрыву успѣховъ іудейства въ хазарскомъ государствѣ, еще болѣе подорванныхъ паденіемъ послѣдняго.

Но что принесло іудейство самому этому государству? Какое вліяніе оно могло имѣть на политическое и культур-

ное развитіе послѣдняго? Надо полагать слабое. Іудейство не получило въ Хазаріи значенія единой вѣры, духовно объединяющей и скрѣпляющей политическій союзъ разноплеменныхъ народовъ. Принятое въ видѣ религіи нейтральной между двумя другими культурными религіями, оно такимъ и оставалось и въ теченіе 200 лѣтняго царствованія въ Хазаріи, повидимому продолжало быть преимущественно религіею хановъ, ихъ двора, но не имѣло широкой пропаганды въ массахъ населенія. Конечно, къ такой пропагандѣ не могли быть равнодушны евреи, не могли не мечтать о ней, и не стремиться къ ней. Но успѣхи ея были не велики. Сами ханы, по свойству своей религіозно-политики, едва ли покровительствовали дальнѣйшей пропагандѣ іудейства въ своихъ владѣніяхъ. При томъ, іудейство какимъ оно стало со времени христіанства, по самому существу своему, неспособно стать національно-государственною религіею цѣлой страны, цѣлаго народа. *Въ качествѣ національно-государственной религіи* оно мыслимо только какъ религія еврейскаго народа или іудейскаго племени съ его отечествомъ въ Палестинѣ и съ храмомъ въ Іерусалимѣ; оно есть религія давно прошлаго, прерваннаго и разрушеннаго въ своемъ историческомъ существованіи и призваніи; разрушенное въ прошломъ, оно сковано въ будущемъ узкимъ духомъ *іудейскаго мессіанизма*, который можетъ имѣть привлекательность для еврейскаго народа, но ни для какого другаго. Исламъ, стоящій далеко ниже іудаизма во многихъ отношеніяхъ, сильнѣе и притягательнѣе его въ смыслѣ національно-государственной религіи. Но далѣе, не въ состояніи будучи дать въ себѣ, изъ себя единой и общей національно-государственной религіи, іудейство не могло дать хазарамъ общей грамоты, какъ орудія и двигательницы просвѣщенія: не могло дать ни чужой грамотности напр. греческой или арабской, не господствовавшихъ и среди самыхъ евреевъ хазарскихъ, не могло дать и своей еврейской, какъ исключительно связанной съ еврейскою религіею, а потому не могло создать

и туземной грамотности, потому что грамотность въ данномъ случаѣ могла создаться лишь въ связи съ религіею. Не могло по крайней мѣрѣ замѣтно повліять іудейство и на развитіе государственнаго законодательства у хазаръ, потому что іудеи судились особнякомъ по своей „торѣ", а всѣ другіе по своимъ законамъ. Интересно здѣсь одно замѣчаніе Массуди. Говоря, что въ Хазаріи мусульмане судятся по закону ислама, евреи по закону Торы, христіане по закону Инджиля (евангелія), а язычники по закону язычества, или закону разума, Массуди прибавляетъ: если же случается великая тяжба, о которой судьи понятія не имѣютъ, то они обращаются къ мусульманскимъ судьямъ и судятся по закону ислама. Законъ этотъ слѣд. считался въ гражданскихъ дѣлахъ пригоднѣе закона іудейскаго. Не могло іудейство содѣйствовать и развитію военнаго могущества Хазаріи, потому что евреи здѣсь устранялись отъ военной службы, предоставляя ее мусульманамъ. Не могли наконецъ евреи принесть или развить какихъ либо техническихъ знаній, напр. строительнаго искусства. Такъ напр. когда хану понадобилось построить укрѣпленный городъ Саркелъ для защиты отъ Печенѣговъ, то ему помогли въ этомъ дѣлѣ не евреи, а греки, присланные по его просьбѣ, императоромъ Ѳеофиломъ въ 834 году, какъ свидѣтельствуетъ Константинъ Багрянородный. Одно чѣмъ, кромѣ вѣроученія, способнѣе были евреи служить хану и его странѣ:—это область торговли, для которой имѣлись весьма благопріятные условія въ Хазаріи, владѣвшей на югѣ важными торговыми путями и пунктами, вообще область промышленности и финансовой части. Въ этой области уже тогда евреи были сильнѣе, чѣмъ въ другихъ. Знаменитый Хасдаи, при разныхъ достоинствахъ своихъ, все таки наиболѣе услуживалъ калифу въ качествѣ министра финансовъ, вѣдавшаго всѣ сборы и доходы его. И въ Хазаріи евреи вѣроятно не замедлили взять верхъ въ дѣлахъ торговыхъ, промышленныхъ, финансовыхъ. Дѣла эти безъ сомнѣнія важны не только для

экономическаго, но соціальнаго и политическаго развитія страны, но лишь тогда, когда ведутся не въ интересахъ только извѣстной корпораціи, цѣха, племени, а также въ интересахъ страны, цѣлаго общества. Хазарскіе евреи, какъ евреи, да еще пришельцы, едвали способны были къ ощущенію такихъ интересовъ. Іудейство съ тѣхъ поръ, какъ оно стало тѣмъ, чѣмъ оно есть, осталось (не говоря объ исключеніяхъ въ видѣ отдѣльныхъ личностей) съ способностію или привычкою жить только для себя и своего племени, а не для всего народа, страны, понимаемой съ смыслѣ отечества, общей родной земли. Цѣлые вѣка скитальничества, такъ сказать, приживальства въ чужихъ странахъ, въ нравственномъ отособленіи отъ населенія послѣднихъ, сдѣлали такую привычку второю природою евреевъ. Итакъ, каковы бы ни были торговые промышленные успѣхи хазарскихъ евреевъ, успѣхи эти, были прежде всего и болѣе всего выгодны для нихъ, можетъ быть для хановъ, какъ ихъ единовѣрцевъ и покровителей, но едва ли могли содѣйствовать усиленію благосостоянія, а слѣд. и политическаго могущества страны. Все это ведетъ къ общему заключенію, что іудейство, два столѣтія царствовавшее въ Хазаріи, не было для нея благодѣяніемъ исторіи, не обѣщало политической будущности ей, какъ государству!

Остается сказать, какое значеніе могъ имѣть фактъ царствованія іудейства въ Хазаріи для сосѣднихъ съ нею странъ, разумѣя здѣсь христіанскую Византію и нашу Русь, стоявшую въ послѣднее столѣтіе хазарскаго царства на переходѣ отъ язычества къ христіанству.

Оригинальный фактъ воцаренія іудейства въ Хазаріи долженъ былъ произвесть конечно непріятное впечатлѣніе въ Византіи. Много потеряла она отъ развитія политической силы ислама, отвоевавшаго у нея обширныя хр. области на востокѣ и югѣ. А тутъ еще на сѣверѣ является съ притязаніемъ на политическую силу іудейство, увлекшее въ свою вѣру сильныхъ хазарскихъкагановъ. Два обстоятель-

ства способны были увеличить непріятность этого события для Византіи. Во первыхъ то, что въ составѣ хазарскихъ іудеевъ была сильная доля выходцевъ изъ предѣловъ имперіи, унесшихъ непріязнь къ ней за испытанныя тамъ преслѣдованія и слѣд. способныхъ разжигать эту непріязнь и въ ханахъ—единовѣрцахъ; во вторыхъ то, что власть или политическое вліяніе послѣднихъ простиралось и на черноморско-таврическія окраины имперіи. Византія сама не мало виновата была въ томъ, что не успѣла пріобрѣсть христіанству хазарскихъ хановъ, бывшихъ уже даже въ родственныхъ отношеніяхъ съ ея императорами. Трудно было ей и расположить къ своей вѣрѣ хановъ, видѣвшихъ на ея престолѣ такихъ негодяевъ, какъ зять ханскій Іустиніанъ Ринотметъ, видѣвшихъ религіозныя гоненія Византіи, печальныя смуты иконоборчества, которыя съ другой стороны настолько поглощали вниманіе самой Византіи и при томъ въ тотъ рѣшительный моментъ, когда ханы думали о принятіи новой вѣры, что этотъ благопріятный моментъ былъ опущенъ ею для пріобрѣтенія хановъ своей вѣрѣ. Поздно оглянулась Византія на успѣхи іудейства, какъ и мусульманство въ Хазаріи, да и то по вызову изъ самой Хазаріи. Разумѣемъ извѣстную миссію св. Кирилла и Меѳодія къ Хазарамъ, состоявшуюся по приглашенію отъ послѣднихъ, какъ передаютъ пространныя житія св. апостоловъ славянскихъ. Сказаніе житій объ этой миссіи одни считаютъ только легендой, другіе выбираютъ изъ него то, что подходитъ къ ихъ предвзятымъ теоріямъ. Но есть и такіе, что признаютъ дѣйствительность *главныхъ фактовъ*, сообщаемыхъ сказаніемъ, и мы не видимъ основаній уклоняться отъ этого прямаго взгляда на дѣло. Просьба хазаръ о присылкѣ изъ Византіи учителя шла, по сказанію, отъ хазаръ—язычниковъ и вызвана тѣмъ, что евреи и мусульмане, хваля тѣ свою, эти свою вѣру, старались привлечь ихъ каждый въ свою вѣру и тѣмъ поставляли ихъ въ затрудненіе по вопросу о вѣрѣ. Что большинство хазаръ,

включая сюда собственно хазаръ, тюрско-финновъ, также руссовъ и славянъ, были язычники, это фактъ несомнѣнный, что затѣмъ изъ другихъ вѣръ здѣсь наиболѣе сильными были іудейство, котораго держался ханъ и его дворъ, и мусульманство, къ которому принадлежала гвардія хана,—это также фактъ несомнѣнный, что между этими двумя вѣрами, какъ сильнѣйшими, должна была происходить борьба за обращеніе къ своей вѣрѣ хазарскихъ язычниковъ—это естественное и необходимое слѣдствіе двухъ указанныхъ фактовъ. Въ виду такой борьбы, такого соперничества, хазарскіе язычники, т. е. болѣе знатные изъ нихъ желаютъ слышать, такъ сказать, отборнаго учителя третьей пришлой вѣры—христіанской, имѣвшей своихъ послѣдователей и въ Хазаріи, но свое главное представительство въ Византіи. Оборотъ дѣла—совершенно естественный. Что касается іудейства хана, то оно не могло быть помѣхой ни мусульманамъ оспаривать у іудеевъ пропаганду среди хазарскихъ язычниковъ, ни хазарскимъ язычникамъ обращаться въ третью сторону съ запросомъ о вѣроучителѣ. Мысль о посольствѣ выходила, какъ сказано, отъ болѣе знатныхъ изъ хазарскихъ язычниковъ, а ханомъ принята по вѣротерпимости и по вниманію къ совѣту или желанію послѣднихъ. Мысль эта могла быть подсказана и христіанами, бывшими въ столицѣ хана, которые, конечно, не менѣе іудеевъ и мусульманъ желали вліять на хазарскихъ язычниковъ. Учителя Хазаре просятъ у Византіи. Византія, не смотря на многія темныя стороны ея, все таки слыла столицею учителей, ученыхъ, художниковъ, какъ на западѣ, такъ и на востокѣ [1]). Куда же, если не въ Византію приходилось обратиться и хазарамъ, когда потребовался особенный, отборный учитель для разрѣшенія недоразумѣній, возбуждаемыхъ у нихъ притязаніями и спорами мудрецовъ

---

[1]) L'empire Grec aux disieme siecle par Alfred, Rombeau. p. 541—2. Paris 1870. Факты, подобные тѣмъ, какіе здѣсь приведены изъ X в., встрѣчаются и въ IX в.

іудейскихъ и мусульманскихъ? И Византія прислала учителя, уже испытаннаго въ преніяхъ. Кириллъ зналъ, съ кѣмъ придется ему имѣть дѣло у хазаръ. На пути къ нимъ въ Херсонѣ онъ изучаетъ жидовскую бесѣду и жидовскія книги: изучаетъ или у жидовъ, здѣсь несомнѣнно жившихъ въ ту пору, или у христіанъ, между которыми могли быть даже христіане изъ евреевъ, какъ были они въ Византіи [1]). Невѣроятнымъ представляется, какъ могъ Кириллъ въ короткое время научиться понимать эти книги и самую бесѣду жидовскую. Но Кириллу приписываютъ необыкновенную память [2]), а она можетъ соединяться съ столь же необыкновенною способностію къ языкознанію. Затѣмъ еще есть возможность предполагать въ немъ подготовительный запасъ языкознанія, пріобрѣтенный учеными упражненіями въ Византіи. Хотя въ ней языкознаніе вообще не процвѣтало, но это еще не значитъ, чтобы оно было совсѣмъ не мыслимо для личностей исключительныхъ дарованій, исключительнаго призванія къ какимъ необходимо причислить Кирилла. Далѣе, интересъ къ жидовскимъ книгамъ могъ быть съ VIII в. возбужденъ въ Византіи среди учительныхъ людей тенденцію къ обращенію въ христіанство жидовъ, какая должна была возникнуть рядомъ съ извѣстными намъ распоряженіями правительства объ обращеніи евреевъ въ христіанство [3]). Христіане

---

[1]) Между такими христіанами бывали и вольные крещенцы, искренніе христіане, какъ напр. св. Константинъ Синадскій, обращенный въ христіанство св. Стефаномъ новымъ, жившій нѣкоторое время на Олимпѣ (можетъ быть тамъже, гдѣ потомъ жилъ и Кириллъ) а въ послѣдніе годы (въ концѣ VIII или нач. IX в.) въ Византіи.

[2]) На основаніи свидѣтельства Анастасія библіотекаря, говорящаго, что ученѣйшій мужъ Кириллъ зналъ наизусть всѣ творенія Діонисія Ареопагита.

[3]) Въ „василиконахъ" импер. Василія Македонина, въ статьѣ о чтеніи евреями книгъ ветхаго завѣта, повторяющей узаконеніе о томъ императора Іустиніана, между прочимъ, запрещается еврейскимъ толковникамъ, принимающимъ только еврейскій текстъ этихъ книгъ, извращать предъ невѣжами смыслъ этого текста (Lib. I, tit. 57, p. 32. Edit. Heimbachi. Lipsiae. 1833). Если существовало такое постановленіе, то должна была существовать и возможность

изъ евреевъ также могли имѣть вліяніе на возбужденіе такого интереса. За всѣмъ тѣмъ приписываемое сказаніемъ Кириллу быстрое изученіе жидовскаго языка и жидовскихъ книгъ можно понимать и не въ строго-буквальномъ смыслѣ. Онъ изучилъ ихъ настолько, насколько это требовалось для нѣкотораго удобства въ предстоявшихъ преніяхъ съ евреями. А если мы не откажемся отъ того представленія о Кириллѣ, что онъ еще до хазарской миссіи занятъ былъ мыслію объ изобрѣтеніи или лучшемъ устройствѣ славянской азбуки и грамоты, о переводѣ на славянскій языкъ священныхъ книгъ, съ цѣлію просвѣщать славянъ христіанствомъ; то это представленіе еще болѣе способно пояснить намъ и возможность подготовительныхъ знаній у Кирилла въ подлинномъ языкѣ священныхъ книгъ ветхаго завѣта и стараніе его усовершить эти знанія при томъ удобномъ случаѣ, какой представила ему миссія къ хазарамъ и ихъ іудействующему хану [1]. Итакъ Кириллъ пришелъ сюда вооруженный нѣкоторымъ знакомствомъ съ жидовскимъ языкомъ и жидовскими книгами. Пренія о вѣрѣ онъ держалъ впрочемъ не только съ жидами, но и мусульманами. Язычники были болѣе свидѣтелями, чѣмъ участниками преній [2]. Пренія эти были продолжительны, происходили иногда за обѣдомъ или пиромъ у кагана или

наблюдать чрезъ кого либо за его соблюденіемъ. Тотъ же императоръ установилъ бесѣды хр. учителей съ евреями, съ цѣлію вразумленія ихъ, что законъ и пророки имѣютъ главу и исполненіе во Христѣ (объ этихъ бесѣдахъ—ниже). Необходимы были хр. учители, которые могли дѣлать подобныя объясненія и евреямъ, державшимся только еврейскаго текста библіи, слѣд. сами были болѣе или менѣе знакомы съ нимъ. Понятно, что знатоковъ еврейскаго языка находили въ Византіи прежде всего изъ обращенныхъ въ христіанство евреевъ; но они же могли пособлять своимъ знаніемъ хр. учителямъ и не изъ евреевъ.

[1]) О блаж. Іеронимѣ извѣстно, что занятый мыслію о переводѣ библіи на латинскій языкъ, онъ сблизился съ ученымъ евреемъ и изучалъ у него еврейскій текстъ библіи.

[2]) Пренія эти, *въ главныхъ чертахъ*, происходили *сходно* съ тѣмъ, какъ они описаны въ житіи Кирилла.

сопровождались имъ, какъ то разсказывается и о пренiяхъ при первомъ каганѣ, принявшемъ iудейство: тутъ не заимствованiе, не подражанiе въ источникахъ обоихъ разсказовъ, а повторенiе обычнаго явленiя. По сказанiю, Кириллъ вышелъ съ торжествомъ изъ пренiй. Самъ каганъ хвалилъ его, предлагалъ ему дары, благодарилъ за него императора, позволилъ креститься желающимъ, высказавъ надежду или точнѣе польстивъ обѣщанiемъ, что можетъ быть со временемъ и самъ крестится. Все это возможно со стороны кагана, хотя и iудействующаго, но болѣе политика, чѣмъ ревнителя въ дѣлѣ вѣры. Искреннѣе, по видимому, сочувствовали Кириллу и его успѣху въ пренiяхъ хазарскiе язычники, свидѣтели пренiй. Это были, конечно, болѣе знатные изъ нихъ. Одни изъ нихъ удовольствовались, кажется, тѣмъ, что въ нанесенномъ византiйскимъ учителемъ пораженiи iудейскимъ и мусульманскимъ мудрецамъ нашли средство избавиться на время отъ притязанiй ихъ; другiе тутъ же согласились принять крещенiе. Такихъ было 200. Прiобрѣтенiе незначительное по числу, но важное потому, что это были, какъ сказано, по всей вѣроятности люди изъ знатныхъ язычниковъ, чрезъ которыхъ все таки должна была усилиться партiя христiанъ среди хазарскихъ разновѣрцевъ. Не былиль эти 200 крещенныхъ—изъ славянъ, съ которыми солунскiй уроженецъ, знавшiй славянскiй языкъ могъ сойтись ближе, чѣмъ съ другими? Но важнымъ успѣхомъ хазарской миссiи Кирилла было уже самое дозволенiе креститься желающимъ, данное по его просьбѣ и по совѣту знатныхъ хазаръ язычниковъ, принятому вѣротерпимымъ каганомъ [1]). Это давало свободу хри-

---

[1]) Въ сказанiи о миссiи хазарскiе язычники, заявляя надежду принять христiанство, вмѣстѣ съ тѣмъ высказываютъ такую непрiязнь къ мусульманству и iудейству, что грозятъ смертiю тѣмъ изъ собратiй, которые примутъ то или другое. Возможно, что язычники, принижаемые въ Хазарiи духовною знатiю изъ iудеевъ и военною изъ мусульманъ, питали непрiязнь къ нимъ. Тѣмъ не менѣе угроза смертiю есть прикраса сказателя и можетъ обличать въ немъ грека, знавшаго о византiйскихъ законахъ за отступничество въ iудейство.

стіанской пропагандѣ среди хазаръ, которой предъ тѣмъ вѣроятно старались властно противодѣйствовать іудеи и мусульмане, по духу нетерпимости и по ревности къ собственной пропагандѣ.

Хазарская миссія Кирилла, насколько ею выражалась борьба этого представителя христіанской Византіи съ царствовавшимъ въ Хазаріи іудействомъ, не была явленіемъ одиночнымъ. Епископы греческихъ городовъ сѣвернаго черноморья и Тавриды, находившихся подъ властію или вліяніемъ хазарскихъ кагановъ, естественно вызывались на борьбу съ іудействомъ, которое, безъ сомнѣнія, подняло здѣсь голову со времени воцаренія своего въ Хазаріи въ лицѣ кагановъ. И вотъ мы встрѣчаемся съ интереснымъ фактомъ, что современникъ св. Кирилла, Антоній, архіепископъ Босфора (Керчи) выступаетъ на миссію среди мѣстныхъ іудеевъ и успѣваетъ обращать ихъ въ христіанство. О своихъ надеждахъ въ этомъ дѣлѣ онъ сообщилъ тому же патріарху Фотію, учителю св. Кирилла, который, безъ сомнѣнія, участвовалъ и въ отправленіи послѣдняго къ хазарамъ и изъ его разсказа или отчета о своей миссіи зналъ о дѣлахъ іудейства въ Хазаріи, заставлявшихъ желать усиленнаго противодѣйствія ему со стороны представителей ближайшихъ церквей христіанскихъ. Фотій поэтому весьма обрадовался вѣсти, полученной отъ Антонія и въ отвѣтномъ письмѣ ему говоритъ такъ: „Нѣкогда Скиѳскій понтъ былъ *Аксинскимъ* (негостепріимнымъ), потому что тамъ, страшно сказать, пожирали являвшихся туда пришельцевъ. Милезійцы передѣлали его въ *Эвксинскій* (гостепріимный), внеся въ него человѣчность и гражданственность и выведя изъ него звѣрство и варварство. Теперь благодаря трудамъ твоимъ и твоихъ сподвижниковъ, поднятымъ въ борьбѣ за умноженіе здѣсь служенія Богу, онъ можетъ назваться не только εὔξεινος но и εὐσεβής (благочестивымъ), какимъ онъ и есть. Можешь понять, какою радостію и утѣхою полна душа моя, когда пишу это тебѣ! если еще *и іудеевъ тамъ живущихъ*, *ты*, *какъ*

пишешь, плѣнишь въ послушаніе Христу и отъ сѣни и буквы приведешь въ познаніе благодати, то я отъ всей души буду привѣтствовать плоды такихъ прекрасныхъ надеждъ, какія я и всегда питалъ относительно тебя (*)“. Епископъ Херсона былъ другимъ виднымъ іерархомъ, чрезъ посредство котораго Византія направляла дѣла хр. миссіи по окраинамъ черноморья и Тавриды. Это видно изъ переписки съ нимъ патріарха Николая Мистика (895—906, 911—924) (**). При этомъ патріархѣ приходили въ Византію послы изъ Хазаріи и просили прислать имъ епископа, который бы поставилъ имъ пресвитеровъ и вообще послужилъ къ утвержденію у нихъ чистой вѣры христіанской. Патріархъ поручилъ эту миссію херсонскому архіепископу, который, замѣчаетъ патріархъ, съ Божіею помощію, побывалъ въ Хазаріи, совершалъ то, что было нужно, и возвратился на свой престолъ въ Херсонъ. Это разсказываетъ патріархъ въ своемъ письмѣ къ неизвѣстному по имени лицу изъ мірянъ, херсонитовъ, которому также поручаетъ содѣйствовать устройству церковныхъ дѣлъ въ тойже Хазаріи. Какая въ частности мѣстность изъ хазарскихъ владѣній разумѣется въ письмѣ Мистика,—рѣшить трудно. Но для насъ довольно пока того, слѣдующаго изъ собщаемыхъ патріархомъ извѣстій, вывода, что христіанство въ Хазаріи, со времени миссіи Кирилла, продолжало дѣлать новые успѣхи, не смотря на царствовавшее здѣсь іудейство и тѣмъ полагало преграду пропагандѣ послѣдняго.

Между тѣмъ и въ самой Византіи, и можетъ быть не безъ связи съ зашедшею въ Хазаріи борьбой христіанства съ іудействомъ, возобновляются со времени Василія 1 Македонянина попытки обращенія іудеевъ въ христіанство. По разсказу Константина Порфирогенита и Симеона магистра, Василій прилагалъ много старанія объ обращеніи

*) Migne, Patr. Graec. T. CII, p. 827—829.

**) Ibid. T. CXI, p. 267 и 322.

ко Христу этого необразованнаго и жестоковыйнаго народа. Онъ устроилъ *собесѣдованія*, въ которыхъ хр. учители старались доказать іудеямъ, что Христосъ есть глава закона и пророковъ. Онъ оказывалъ особенное предпочтеніе іудеямъ соглашавшимся креститься, давалъ имъ почетныя званія, обѣщалъ льготы въ податяхъ. Нѣкоторые изъ нихъ дѣйствительно были крещены; но это значило „убѣлять эѳіопа“: по смерти Василія, они возвращались на свои блевотины. Преемникъ Василія Левъ VI издалъ указъ, полагавшій казнь отступникамъ. Онъ „наложилъ молчаніе на ветхій законъ“. Преслѣдованія евреевъ продолжались отчасти и при послѣдующихъ императорахъ. Такимъ образомъ царственное положеніе іудейства въ Хазаріи не служило ему защитой въ Византіи, видѣвшей между тѣмъ приближеніе паденія и самаго государства, въ которомъ оно царствовало, но не могло придать ему новыхъ силъ.

Болѣе почета могло бы царственное положеніе іудейства въ Хазаріи доставить ему въ глазахъ сосѣднихъ не христіанскихъ странъ. На это повидимому и надѣялись евреи. Хасдаи въ письмѣ къ кагану Іосифу спрашивалъ: „принимаютъ ли іудейскую вѣру жители сосѣднихъ земель?“ Хасдаи спрашивалъ о томъ, чего желалъ, чего, конечно, желали и сами хазарскіе евреи. Изъ сосѣднихъ языческихъ странъ наиболѣе важною для хазаръ, а затѣмъ и хазарскихъ евреевъ должна была стать именно наша Русь. Къ извѣстіямъ ея о евреяхъ теперь и переходимъ, полагая въ разъясненіи ихъ болѣе существенную часть задачи, предпринятой въ настоящемъ очеркѣ.

Лѣтописное сказанiе о предшествовавшихъ крещенiю Владимира посольствахъ къ нему отъ разныхъ народовъ съ предложенiемъ своей вѣры и посольствахъ Владимира для осмотра этихъ вѣръ до послѣднихъ годовъ признавалось, какъ достовѣрное, большинствомъ изслѣдователей нашей исторiи, какъ церковной, такъ и гражданской, съ тѣмъ только различiемъ, что одни изъ нихъ принимали это сказанiе въ цѣломъ составѣ его, другiе въ той или другой, однакоже существенной, части его. Такъ напр. Соловьевъ, принимая, какъ фактъ, посольства къ Владимиру, не считалъ вѣроятнымъ Владимировыхъ посольствъ, замѣчая, что въ нихъ не было надобности, потому что въ Кiевѣ и безъ того имѣлись бывалые люди изъ разныхъ странъ, особенно Константинополя, могшiе разсказать о томъ, что тамъ видѣли. Бестужевъ-Рюминъ утверждаетъ напротивъ, что посольство Владимирово не имѣетъ въ себѣ ничего невѣроятнаго, что же касается до посольства къ Владимиру, то едва ли не слѣдуетъ видѣть здѣсь купцевъ разныхъ народностей, жившихъ въ Кiевѣ. Такимъ образомъ, при нѣкоторомъ различiи взглядовъ на отдѣльныя части сказанiя, признавалась его основа, т. е. фактъ *выбора Владимиромъ* одной вѣры изъ нѣсколькихъ представлявшихся ему, и этотъ фактъ, единственный въ своемъ родѣ, объяснялся особенностями положенiя Руси,

соприкасавшейся съ странами и народами разныхъ вѣръ. Въ новѣйшее время стали высказывать другой взглядъ на дѣло. Такъ напр. Костомаровъ и Иловайскій считаютъ сказаніе народною легендою, поздо записанною на основаніи устныхъ преданій, отрицаютъ оба посольства, при чемъ однако Костомаровъ, сколько помнится, не ставитъ ничего на мѣсто этихъ посольствъ въ объясненіе процесса обращенія Владимира, а Иловайскій замѣчаетъ, что и о безъ собыхъ посольствъ Владимиръ въ самомъ Кіевѣ могъ видѣть представителей разныхъ вѣръ въ купцахъ хазарскихъ, булгарскихъ, греческихъ, нѣмецкихъ. Такимъ образомъ онъ пока не устраняетъ главной мысли о выборѣ одной изъ разныхъ вѣръ, представлявшемся Владиміру. Рѣшительнѣе всѣхъ отрицаетъ фактическое содержаніе сказанія Голубинскій, авторъ новой, начинаемой имъ исторіи Русской церкви, первыя главы которой напечатаны въ „Журналѣ М. Н. Просвѣщенія.“ Сказаніе, по его мнѣнію, есть просто книжное сочиненіе, внесенное въ лѣтопись и существовавшее сперва въ видѣ отдѣльной повѣсти, сочиненной въ началѣ XII в. жившимъ въ Руси грекомъ съ греческими тенденціями. Не только посольства не могутъ быть признаны фактами историческими, но и основной мотивъ сказанія—т. е. выборъ одной вѣры изъ разныхъ не имѣетъ исторической основы, невозможенъ и въ психическомъ отношеніи. Отличаясь отъ другихъ такою рѣшительностію въ полномъ отрицаніи исторической достовѣрности сказанія, Голубинскій отличается и тѣмъ, что взамѣнъ исторіи обращенія Владимира, представляемой сказаніемъ, даетъ совершенно другую исторію этого событія: онъ утверждаетъ, что Владимиръ рано и рѣшительно склонился къ христіанству и притомъ греческому подъ вліяніемъ варяговъ христіанъ, преданій о греческомъ христіанствѣ, которое издавна, со времени Игоря, непрерывно существовало въ Кіевѣ, и по внушенію собственной религіозной мысли, озаренной благодатію, самыхъ даже политическихъ соображеній. Онъ и крестился не сно-

ясь съ греками, и не въ Херсонѣ, а ранѣе херсонскаго похода, крестился своими Кіевскими священниками у себя дома, и, вѣроятно, въ Василевѣ, и уже потомъ послѣ похода въ Херсонъ привелъ греческое духовенство. Очевидно, съ принятіемъ такого мнѣнія во всей его цѣлости, для насъ устранилась бы всякая возможность ссылаться на свидѣтельство лѣтописи о приходѣ къ Владиміру „козарскихъ жидовъ," какъ на первое русское извѣстіе о евреяхъ въ Кіевѣ и на Руси. Потому необходимо намъ опредѣлить свое отношеніе къ этому мнѣнію. Сказать кратко, мы раздѣляемъ въ главныхъ чертахъ это мнѣніе, отрицаемъ оба посольства и самый мотивъ выбора вѣры, какъ онъ представленъ въ сказаніи, и признаемъ весьма вѣроятнымъ, что Владиміръ крестился не въ Херсонѣ, а у себя дома и ранѣе херсонскаго похода; но за всѣмъ тѣмъ не видимъ необходимости отрицать въ сказаніи намекъ на нѣчто дѣйствительное, происходившее при Владимірѣ, въ этомъ смыслѣ понимаемъ извѣстіе сказанія о козарскихъ жидахъ, т. е. признаемъ, что козарскіе евреи были въ Кіевѣ въ эпоху обращенія его въ христіанство, и что Владиміръ могъ имѣть поводы любопытствовать, что у нихъ за вѣра.

Хозары, какъ извѣстно, господствовали въ Кіевѣ и надъ сосѣдними племенами славяно-русскими; начало этого господства могло относиться приблизительно къ второй половинѣ VIII в., когда успокоенные отъ долго поглощавшихъ ихъ вниманіе войнъ съ мусульманскими калифами, они обратили свои завоеванія между прочимъ на западъ, на славянскія племена. Господство ихъ надъ Кіевомъ могло слѣдовательно продолжаться около ста лѣтъ. Въ эту пору у нихъ уже царствовало, въ лицѣ хановъ, іудейство. Возможно, что хозарскіе и таврическіе, подвластные ханамъ, евреи уже теперь начали проникать въ Кіевъ, гдѣ имъ было обезпечено покровительство единовѣрнаго правительства, и гдѣ потомъ они могли найти выгоды торговли, сильнѣйшей приманки для нихъ всегда и вездѣ, а Кіевъ былъ важ-

нымъ торговымъ пунктомъ съ давнихъ поръ [1]). Свидѣтельства о торговыхъ сношеніяхъ Кіева между прочимъ и съ Козаріей, имѣются у арабскихъ писателей, правда не ранѣе начала X вѣка, но конечно отношенія эти успѣли до этой поры уже настолько развиться и расшириться, что стали извѣстны арабамъ, слѣдовательно начались они ранѣе. Во второй половинѣ IX в. господство Хазаръ въ Кіевѣ пало, смѣнившись господствомъ варяго-русскихъ князей. Часть евреевъ, если они были здѣсь, могла при этомъ случаѣ отбыть изъ Кіева въ родную Хазарію и въ сѣверную Тавриду, но часть могла остаться, удерживаемая все тою-же приманкою торговли, которая при новыхъ князьяхъ не упала въ Кіевѣ, а скорѣе увеличилась. Въ 964 или 965 гг. Святославъ ходилъ на Хазаръ и нанесъ ударъ ихъ царству. Татищевъ говоритъ еще о другомъ походѣ Святослава въ 969 году. Если это послѣднее извѣстіе можетъ казаться не правдоподобнымъ, то правдоподобнымъ представляется другое его извѣстіе, что изъ хозарскаго похода онъ вывелъ плѣнныхъ, какъ то и бывало въ обычаяхъ тогдашней войны, и что въ числѣ этихъ плѣнныхъ были и евреи, могшіе затѣмъ и осѣсться здѣсь. Что евреямъ былъ въ X в. знакомъ Кіевъ или Кіевская Русь, на это имѣются и свидѣтельства у еврейскихъ писателей. Такъ, по свидѣтельству извѣстнаго Хасдаи, еврейскіе странники вызывались предъ нимъ переслать его письмо къ хазарскому хану чрезъ землю *русъ*, очевидно чрезъ посредство своихъ единовѣрцевъ жившихъ и торговавшихъ въ этой землѣ. У другаго еврейскаго писателя IX или X в., писавшаго подъ псевдонимомъ Іосиппона, Русь представляется лежащею на р. *Кивъ или Кіевъ*, *Кіаба*, что по объясненію Гаркави, есть только ошибка далекаго автора, принявшаго

---

[1]) Отъ прошлаго года извѣстна одна интересная, археологическая находка въ Кіевѣ, въ которой проф. Вл. В. Антоновичемъ открыты монеты Антіохіи Писидійской IV в. Это открытіе, какъ замѣтилъ проф. Антоновичъ, можетъ свидѣтельствовать по крайней мѣрѣ о весьма древней осѣдлости въ Кіевѣ.

названіе главнаго города за названіе главной рѣки, или отождествившаго эти названія. Какъ бы то впрочемъ ни было, но можно, кажется, признать за несомнѣнное, что *время Владимирово застало евреевъ въ Кіевѣ, и что эти евреи были хазарскіе.* Фактъ этотъ признается и нѣкоторыми изъ тѣхъ изслѣдователей, которые отрицаютъ Владимировы посольства.

Слѣдуетъ обратить вниманіе еще на одинъ пунктъ, который могъ имѣть важное значеніе въ начальныхъ отношеніяхъ евреевъ къ Кіевской Руси: это Фанагорія, въ послѣдствіи русская Тмутаракань. Ѳеофанъ въ своей хронографіи выражается о ней: ἐπὶ Φαναγορίαν καὶ τοὺς ἐκεῖσε οἰκοῦντας Ἑβραίους παράκεινται ἔθνη πλεῖστα[1]). Такое выраженіе даетъ понять, что въ Фанагоріи во время Ѳеофана (въ первыхъ десятилѣтіяхъ IX в.) преобладало еврейское населеніе, что это былъ по преимуществу *жидовскій* городъ. Еврейское населеніе могло быть здѣсь давнимъ, какъ въ Босфорѣ (Керчи) и Херсонѣ; но усилилось во время Хазаръ, вліяніе которыхъ простиралось и на этотъ городъ. Въ нѣкоторой зависимости отъ послѣднихъ здѣсь еще съ IX в. основываются Руссы, бывшіе въ 836 г. у Лудовика Благочестиваго и выдававшіе себя послами своего Хакана, подъ которымъ, надо полагать, разумѣли Хазарскаго Кагана или ближайшаго хазарскаго державца, зависѣвшаго отъ перваго, какой державецъ хазарскій могъ быть и въ Кіевѣ до водворенія здѣсь русскихъ князей [2]). Съ X в. власть послѣднихъ начинаетъ достигать и Фанагоріи или Тмутаракани, опираясь на родственныхъ имъ тмутараканскихъ Руссовъ и окончательно утверждаясь послѣ пораженія Хазаръ Святославомъ. Такимъ образомъ и Тмутараканскіе евреи очутились подъ

---

[1]) Corp. Script. Histor. Byzantinae. Theophanes. Vol. 1. p. 545. Bonae. 1839.

[2]) По еврейскимъ и арабскимъ извѣстіямъ подъ властію Хазарскаго Царя находилось нѣсколько другихъ владѣтелей, т. е. державцевъ завоеванныхъ областей.

властію Кіевской Руси: и они-то по своей многочисленности, по болѣе раннему знакомству съ Руссами, могли явиться первыми проводниками тѣхъ или другихъ тенденцій еврейскихъ по отношенію къ Кіевской Руси, общихъ съ тенденціями другихъ хазарскихъ евреевъ, къ которымъ, надо полагать, они и сами причисляли себя и были причисляемы русскими, наслѣдовавшими хазарамъ въ господствѣ въ предѣлахъ южной Руси.

Какого рода могли быть эти тенденціи или виды хазарскихъ евреевъ по отношенію къ Кіевской Руси? Естественно, что они должны быть аналогичны до извѣстной степени съ тѣми, какіе осуществились для нихъ въ Хазаріи, гдѣ удалось имъ вступить въ союзъ съ правительствомъ страны, пріобрѣсть его своей вѣрѣ и тѣмъ обезпечить себѣ почотное гражданское положеніе, выгоды торговли и т. под. Успѣхъ, достигнутый у хазаръ, самъ собою поощрялъ евреевъ стремиться къ тому же успѣху и въ Руси. Наблюденіе надъ возрастающею силою послѣдней, наносившей удары хазарскому царству въ Кіевѣ, Тмутаракани, наконецъ самомъ Саркеллѣ способно было еще болѣе усилить желаніе въ Евреяхъ обезпечить себѣ въ Руси то, что предстояло потерять въ упадавшемъ Хазарскомъ царствѣ. По поводу вопроса Хасдаи къ Хазарскому царю Іосифу о томъ, принимаютъ-ли іудейство жители сосѣднихъ земель, мы замѣтили, что въ этомъ вопросѣ высказывалось желаніе Хасдаи, чтобы изъ Хазаріи іудейство распространялось и далѣе, и что подобное желаніе безъ сомнѣнія было желаніемъ и хазаро-еврейскихъ учителей. На какихъ сосѣдей Хазаріи могло быть особенно направлено это желаніе, если не на Руссовъ черноморскихъ и Кіевскихъ, и когда оно могло быть сильнѣе, если не теперь, когда предъ возрастающею силою ихъ начинало упадать могущество Хазаръ, а съ нимъ и счастливое положеніе хазарскихъ Евреевъ? Для поясненія этихъ предполагаемыхъ нами тенденцій евреевъ въ отношеніи къ Кіевской Руси можно указать еще на примѣръ другой сосѣдней съ нею страны-Болгаріи. Извѣстно, что въ

эпоху обращенія ея въ христіанство въ ней появились разные учители, увлекшіе новообращаемыхъ Болгаръ на свою сторону и тревожившіе ихъ религіозную мысль. Вслѣдствіе этого (а также и по нѣкоторымъ другимъ побужденіямъ), Болгаре обратились къ папѣ Николаю I съ разными вопросами о своихъ религіозныхъ дѣлахъ. Въ числѣ этихъ вопросовъ заключался одинъ интересный для насъ вопросъ, который въ отвѣтномъ письмѣ папы выраженъ такъ: A quodam *judaeo*, nescitis utrum Christiano, an pagano, *multos* in patria vestra *baptizatos* asseritis, et quid de his sit agendum consulitis [1])? Какой это былъ іудей *крестившій многихъ* въ Болгаріи? Безъ сомнѣнія это былъ одинъ изъ тѣхъ *іудео-христіанъ*, т. е. *евреевъ притворно дѣлавшихся христіанами*, которые были извѣстны еще во время Никейскаго собора и, не смотря на мѣры послѣдняго противъ нихъ, продолжали существовать и теперь въ предѣлахъ Византійской имперіи, откуда проникли и въ Болгарію. По поводу появленія въ Болгаріи этихъ іудео-христіанъ припомнимъ интересное свидѣтельство о нихъ продолжателя Ѳеофановой хроники въ его разсказѣ объ императорѣ Михаилѣ Травлѣ (821—829), называемомъ также *Аморейцемъ* по происхожденію его изъ города Аморіи, что̀ въ верхней Фригіи. Въ Аморіи, говоритъ онъ, проживало въ эту пору множество іудеевъ и сектантовъ *аѳинганов* т. е. павликіанъ. Изъ союза этихъ и другихъ образовалась еще особая секта, послѣдователи которой признавая крещеніе, во всемъ остальномъ, исключая обрѣзанія, держались закона Моисеева. Кто вступалъ въ эту секту, тотъ избиралъ для себя учителемъ и наставникомъ *еврея* или (если вступала женщина)—*еврейку*, но изъ тѣхъ, которые были *крещены*. Сектанты держали такихъ евреевъ у себя дома, ввѣряя имъ не только попеченіе о своей душѣ и спасеніи, но и завѣдываніе всѣмъ ихъ имуществомъ. Изъ такихъ сектантовъ происходилъ и самъ Михаилъ Амореецъ, религіозныя воззрѣнія котораго предста-

[1]) Patr. Latin. Migne. T. CIV, p. 1014.

вляли поэтому смѣсь христіанства съ іудействомъ съ искаженіемъ впрочемъ того и другаго [1]). Это были въ сущности воззрѣнія раціоналистическія, бывшія воззрѣніями и всѣхъ подобныхъ сектантовъ и аналогичныя съ ученіемъ нашихъ русскихъ жидовствующихъ XV в. Фактъ союза византійскихъ іудео-христіанъ съ павликіанами, представляемый фригійскими сектантами, важенъ для уясненія исторіи Болгарскаго богомильства возникшаго изъ павликіанства, которое рано занесено въ Болгарію переселенными сюда павликіанами [2]). Въ данномъ случаѣ фактъ этотъ важенъ для насъ, какъ доказательство, что въ павликіанско-богомильской пропагандѣ, тревожившей Болгаръ въ эпоху ихъ обращенія въ христіанство, принимали участіе евреи изъ разряда іудео-христіанъ, какимъ былъ тотъ крестившій многихъ Болгаръ іудей, о которомъ говорили Болгаре въ своемъ посланіи къ папѣ Николаю I. При извѣстной связи русскаго христіанства съ болгарскимъ, явленія имѣвшія мѣсто въ Болгаріи могли отозваться или повториться и въ Руси Кіевской.

Итакъ Хазарія и Болгарія даютъ намъ такіе примѣры пропагандныхъ тенденцій евреевъ, по исторической аналогіи съ которыми имѣемъ основаніе заключить о возможности у нихъ подобныхъ тенденцій и по отношенію къ Руси Кіевской. Но не имѣли-ль евреи въ средѣ самыхъ славяно-руссовъ такихъ примѣровъ прозелитства, которые могли поощрять ихъ къ болѣе широкимъ замысламъ пропаганды въ эпоху обращенія послѣднихъ въ христіанство при Владимірѣ? Даже и это можно допустить. Выше говорено было, что хазарскіе евреи, кромѣ хана и его двора, не пріобрѣли многочисленныхъ послѣдователей своей вѣры среди разно-

---

[1]) Patr. Graec. Migne. T. CIX, p. 55.

[2]) Онъ важенъ также для уясненія происхожденія и характера ереси нашихъ жидовствующихъ XV в., въ которой можно видѣть отдаленную связь съ древнею ересью богомиловъ.

племеннаго населенія хазарскихъ владѣній. Но это не значитъ, чтобы ихъ *совсѣмъ* не было. Въ Хазаріи евреи могли дѣлать своими прозелитами еще *рабовъ*, какъ то дѣлали они въ Византіи, дѣлать при томъ съ большею свободою и властію, чѣмъ это они могли дѣлать въ послѣдней, строго преслѣдовавшей такое прозелитство, чего не было въ Хазаріи. Изъ кого же они могли пріобрѣтать здѣсь рабовъ, а въ рабахъ прозелитовъ? Скорѣе всего изъ подвластныхъ Хазарамъ славянъ-язычниковъ. Замѣчательно, что на языкѣ еврейскихъ писателей X в. Славяне называются обыкновенно *Хананеями*. Откуда это названіе? Хананеяне въ древне-еврейскихъ представленіяхъ были почти синонимомъ рабовъ, !!! т. е. народовъ, которые, какъ потомки Ханаана, осуждены на рабство Израилю, наслѣдовавшему ихъ землю. Изъ нихъ то набирались прислужники для скиніи и храма, подъ названіемъ *натанеи*, для сей цѣли обрѣзываемые. Славяне на западѣ обзывались нерѣдко синонимъ *sclavi* рабы, вѣроятно, потому, что чаще сами подпадали власти другихъ народовъ, чѣмъ властвовали надъ ними. Какъ бы по аналогіи съ этимъ терминомъ евреи называютъ славянъ хананеями вѣроятно потому, что познакомились съ ними первоначально какъ съ данниками другихъ народовъ и сами имѣли рабовъ преимущественно изъ Славянъ, которыхъ покупали и которыми торговали также въ Тавридѣ, Хазаріи, а отсюда и далѣе. Извѣстно, что „челядь“ была однимъ изъ найболѣе крупныхъ предметовъ русской торговли, шедшихъ въ южныя страны Европы. А Евреи были, надо полагать, дѣятельными посредниками въ такой торговлѣ, особенно во времена ихъ силы при Хазарахъ. Но торгуя рабами изъ славянъ, евреи нѣкоторыхъ изъ нихъ удерживали и при себѣ въ видѣ прислуги, которая безъ сомнѣнія существовала у болѣе зажиточныхъ и почетныхъ изъ нихъ. Этихъ то рабовъ изъ Славянъ евреи и могли обращать въ прозелитовъ, чтобы имѣть слугъ-единовѣрцевъ, или даже имѣть изъ нихъ прислужниковъ для своихъ синагогъ. Трудно представить что-

бы евреи хазарскихъ владѣній, гдѣ они пользовались полною свободою и почетомъ, отказывались отъ такой практики въ отношеніи къ рабамъ, отъ какой нелегко отказывались они въ Византіи, вынуждавшейся повторять строгіе законы противъ такой практики. И если въ хр. имперіи и при томъ христіане, попадавшіе въ рабство къ евреямъ иногда даже добровольно приставали къ вѣрѣ своихъ господъ, какъ видно опять изъ законовъ имперіи, касательно такихъ вольныхъ прозелитовъ іудейства, то могло ли не бывать подобнаго явленія и въ Хазаріи? Могло ли не бывать, что Славянинъ-язычникъ, попавшій въ рабство къ еврею, добровольно принималъ обрѣзаніе, вообще іудейство, чтобы этою цѣною пріобрѣсть расположеніе своего владѣльца улучшить свою рабскую долю, или даже купить свою свободу, какъ иногда покупали ее, судя по извѣстнымъ намъ греческимъ надписямъ таврическихъ евреевъ, рабы этихъ евреевъ изъ греческихъ язычниковъ? Итакъ мы допускаемъ, что между Славянами, находившимися въ Хазарскихъ владѣніяхъ, практиковалась, хотя бы и не въ большихъ размѣрахъ, іудейская пропаганда, и бывали прозелиты іудейства какъ могли быть и прозелиты мусульманства [1]). И вотъ эти-то, хотя бы и незначительные начатки іудейской пропаганды между славянами во время власти надъ ними Хазаръ, уже могли служить для хазарскихъ евреевъ и поощреніемъ и подготовкой къ болѣе широкимъ затѣямъ пропаганды среди сосѣднихъ Славянъ, т. е. русскихъ, когда у послѣднихъ образовалось сильное государство съ Кіевомъ во главѣ и когда

---

[1]) Косвенное указаніе на это можно видѣть въ тѣхъ, передаваемыхъ въ житіи Кирилла, словахъ Хазаръ, гдѣ угрожается смертію тому, кто приметъ іудейство или мусульманство. Мы замѣтили, что подобная угроза не могла имѣть мѣста въ вѣротерпимой Хазаріи; но этимъ еще не устраняется этотъ свидѣтельствуемый упомянутыми словами фактъ, что среди Хазарскихъ язычниковъ были лица, принимавшіе іудейство или мусульманство.

для нихъ настала пора перемѣны старой вѣры на новую— христіанскую.

Это великое событіе, конечно, не оставалось не примѣтнымъ для хазарскихъ евреевъ жившихъ въ Кіевѣ и въ сосѣдствѣ съ Кіевскою Русью. Понятно, что они не желали видѣть успѣхъ христіанства въ Руси, какъ вообще по непріязни ему, такъ въ частности изъ опасенія, что христіанство, приносимое изъ Византіи, принесетъ оттуда и ту систему преслѣдованій, отъ которой евреи уходили изъ Византіи. Поощряемые своими успѣхами въ Хазаріи, они легко могли поддаться обольщенію выступить и въ Руси на борьбу съ христіанствомъ, на соперничество съ его пропагандой съ цѣлію помѣшать ей и рядомъ съ нею развить пропаганду своего іудейства, съ которою связывались для нихъ расчеты на выгодное гражданское и экономическое положеніе въ Руси. Очень возможно, что подобныя затѣи евреевъ оставались не совершенно безплодными. Если въ Болгаріи, во время обращенія ея къ христіанству, успѣвали ажитировать разные сектанты, въ томъ числѣ и нѣкій іудей изъ разряда удео-христіанъ, то нѣкоторый успѣхъ подобной ажитаціи возможенъ былъ и въ Руси во время перехода отъ старой вѣры къ новой. Подобное время всегда и вездѣ бываетъ временемъ сильнаго возбужденія, броженія, борьбы, и оно то оказывается благопріятнымъ для пропагандныхъ затѣй разныхъ ученій и учителей, какъ скоро они есть въ средѣ, охваченной такимъ настроеніемъ. Возможно, что кромѣ собственно евреевъ выступили съ своей ажитаціей въ Руси и зашедшіе изъ Болгаріи іудео-христіане. Но если мы допустимъ существованіе въ Руси, въ Кіевѣ затѣй іудейской пропаганды въ эпоху обращенія въ христіанство, то допустимъ также и то, что подобное явленіе не ускользнуло отъ вниманія Владимира, и что онъ не могъ оставаться равнодушнымъ къ нему. Всецѣло занятый великою мыслію о насажденіи въ своемъ народѣ единой хр. вѣры, имѣвшей скрѣпить и государственное объединеніе его, принесть ему

благодѣянія хр. просвѣщенія, Владимиръ какъ ревностный христіанинъ и какъ мудрый государь, не могъ оставить безъ вниманія затѣй какой-бы ни было чуждой пропаганды, ставившейся помѣхою такому дѣлу. Онъ принималъ мѣры къ пресѣченію ея, къ чему могли поощрять его и христіанскіе учители изъ варяговъ-славянъ или грековъ, особенно греко-христіанскіе епископы, съ которыми онъ совѣтовался объ устроеніи земли и церкви. Въ этихъ видахъ онъ могъ даже любопытствовать знать объ ученіи и учителяхъ другихъ вѣръ, заявлявшихъ свое существованіе и свои пропагандныя затѣи въ Кіевѣ. Могли, съ вѣдома князя, имѣть мѣсто даже бесѣды и прѣнія съ ними хр. учителей, подобныя тѣмъ, какія были установлены въ Византіи императоромъ Василіемъ Македоняниномъ и вѣроятно не переставали практиковаться тамъ по временамъ, и о которыхъ могли сообщить Владимиру духовныя лица изъ грековъ. Не слѣдуетъ забывать, что между такими лицами были или могли быть пришельцы изъ Херсона, Фанагоріи, Босфора,—т. е изъ городовъ, гдѣ вслѣдствіе численности въ нихъ евреевъ и памяти о силѣ и притязаніяхъ во время владычества Хазаръ, интересъ борьбы съ іудействомъ имѣлъ жизненное значеніе; что интересъ къ этой борьбѣ они могли перенесть и въ Русь Кіевскую, въ Кіевъ, какъ другіе греки переносили сюда интересы борьбы своей съ латинствомъ. Представленныя соображенія не дозволяютъ намъ относиться съ полнымъ отрицаніемъ къ лѣтописному извѣстію о хазарскихъ евреяхъ и ихъ миссіи при Владимирѣ. Владимиръ не нуждался въ хазаро-еврейскихъ миссіонерахъ, не могъ дозволить имъ предлагать ему свою вѣру; но іудейская пропаганда такъ или иначе, по всей вѣроятности, силилась проявить себя во время этого равноапостольнаго князя, вызывая его и греко-христіанскихъ учителей его времени на противодѣйствіе этой пропагандѣ, вообще на обличеніе іудейства. Преданія о такихъ отношеніяхъ русскаго христіанства къ іудейству въ эпоху Владимира могли храниться въ Руси и отозваться въ

лѣтописномъ сказаніи о миссіи хазарскихъ евреевъ. Къ этому сказанію мы еще возвратимся, когда дойдемъ до того болѣе поздняго времени, въ которое оно составлено. Теперь же перейдемъ къ извѣстіямъ о евреяхъ изъ времени Ярослава, которыя (извѣстія) могутъ дать основанія для новыхъ заключеній о евреяхъ въ Кіевѣ и южной Руси и въ самое время Владимира.

Отъ времени Ярослава или первой половины XI в. *прямыхъ* извѣстій о Евреяхъ въ Руси нѣтъ. Но свидѣтелями о нихъ могутъ быть два современника Ярослава: Лука Жидята и Иларіонъ, первый своею личностію, второй своимъ словомъ о законѣ Моусеевомъ и благодати Христовой.

Лука Жидята, второй епископъ Новгородскій, считается обыкновенно *первымъ въ Руси епископомъ изъ Русскихъ*, а не изъ грековъ, вообще не изъ чужемцевъ. Онъ же считается первымъ, по имени извѣстнымъ, русскимъ писателемъ, а его краткое „поученіе" первымъ русскимъ литературнымъ произведеніемъ Отъ времени до поставленія его епископомъ Новгородскимъ о немъ ничего неизвѣстно. О самомъ же поставленіи говорится въ нѣсколькихъ древнихъ и позднѣйшихъ лѣтописяхъ или спискахъ лѣтописныхъ и говорится такъ: въ 1034, по другимъ въ 1035, году Ярославъ пришелъ изъ Кіева въ Новгородъ, посадилъ здѣсь на княженіе своего сына Владиміра и поставилъ епископа Луку Жидяту. Тогда же онъ написалъ для Новгородцевъ грамату и рекъ: „по сей граматѣ дадите дань," или—„по сей граматѣ ходите." Слѣдуетъ замѣтить при этомъ, что предъ тѣмъ Новгородская каѳедра четыре или пять лѣтъ оставалась не занятою по смерти перваго Новгородскаго епископо Іоакима Корсунянина († 1030 г.). Въ Новгородѣ имѣлся по видимому свой и надежный кандидатъ на епископство: это нѣкто Ефремъ, ученикъ Іоакима, учившій новообращенныхъ Новгородцевъ еще при жизни Іоакима, по его благословенію, а потомъ пять лѣтъ—и по смерти его Объ Ефремѣ, какъ учителѣ Новгородцевъ при Іоакимѣ и по

смерти его упоминается въ нѣсколькихъ лѣтописяхъ, хотя и позднихъ; а въ III Новгородской лѣтописи при этомъ прибавляется, что учившій 5 лѣтъ Ефремъ, „не сподобился однакоже святительству,“ какую оговорку нельзя понимать иначе, какъ такъ, что авторъ лѣтописной записи, несомнѣнно Новгородецъ, считалъ именно Ефрема имѣвшимъ право быть преемникомъ—на Новгородскомъ епископствѣ Іоакима, какъ его ученика и сподвижника въ пастырскомъ учительствѣ. Однакожъ Ярославъ предпочелъ Луку Жидяту этому Ефрему, вѣроятно еще живишему и учившему въ Новгородѣ въ годъ прибытія сюда Ярослава и поставленія Жидяты на епископство. Очевидно Лука Жидята былъ человѣкъ почему либо особенно извѣстный Ярославу и близкій къ нему, и по всей вѣроятности, прибылъ съ нимъ же въ Новгородъ изъ Кіева, прибылъ, такъ сказать, въ свитѣ князя. Еще замѣчаніе: несомнѣнно, что этотъ Жидята носилъ духовный санъ еще до поставленія въ епископство, иначе онъ не былъ бы сразу поставленъ въ епископа[1]). Но кто бы могъ быть этотъ Жидята? Необходимо останавливаетъ на себѣ вниманіе самое это оригинальное прозваніе его *Жидята.* Въ Руси съ самого начала было въ обычаѣ называть духовныхъ лицъ не по имени и прозванію, а только—по имени. Такъ мы не знаемъ прозванія для Иларіона, не знаемъ прозваній и другихъ митрополитовъ и епископовъ. Два—три исключенія изъ этого общаго правила имѣютъ особенное, случайное значеніе, напр. Іоакимъ *Корсунянинъ*, Климентъ *Смолятичъ.* Слѣдуетъ замѣтить, что такія прозванія для Іоакима и Климента и особенно для послѣдняго употребляются не постоянно, а болѣе при первыхъ упоминаніяхъ о нихъ и очевидно для начальнаго обозначенія ихъ происхожденія. Между тѣмъ Лука почти всегда упоминается съ

[1]) Можно полагать даже, что онъ прибылъ съ Ярославомъ въ Новгородъ уже въ санѣ епископа, и что въ этотъ санъ онъ посвященъ въ Кіевѣ.

своимъ прозваніемъ Жидяты, какъ будто оно къ нему прилипло, и не могло быть оторвано, пойти въ забвеніе. Болѣе того: въ нѣкоторыхъ лѣтописныхъ спискахъ и притомъ древнѣйшихъ, какъ Лаврентьевскій и Ипатіевскій, Лука Жидята называется не по имени, а просто Жидятою, что представляетъ уже совершенно исключительный примѣръ. Видно, онъ извѣстенъ былъ болѣе по своему прозванію, чѣмъ по имени, видно, это прозваніе было издавна ходячимъ въ народѣ, такъ что заслоняло собою его имя. А это значитъ опять, что такое прозваніе было особенно характернымъ, типичнымъ для Луки, обусловленнымъ какою либо *исключительною чертою въ его личности, въ личной исторіи его*. Въ чемъ она состояла? Конечно въ какомъ либо отношеніи къ жидамъ, къ жидовству. *Жидята* буквально могло означать *жиденокъ, жидовскій мальчикъ* [1]). Это можно понимать въ двоякомъ смыслѣ: или Лука этотъ—былъ *Еврей по происхожденію*, но взятый у евреевъ еще *мальчикомъ, и крещенный*, или же онъ былъ *русскій мальчикъ, но принадлежавшій евреямъ*, какъ рабъ, насильно пожидовленный ими, потомъ отнятый или выкупленный отъ нихъ и крещенный. При томъ и другомъ предположеніи необходимо признать, что отроческіе годы Жидяты относятся ко времени Владиміра, что слѣд. еще въ то время онъ былъ взятъ у евреевъ и крещенъ. Но какое изъ двухъ указанныхъ предположеній вѣроятнѣе? Кажется первое. Въ Византіи, какъ знаемъ, существовала практика принудительнаго крещенія евреевъ. Само собою понятно, что удобнѣе было брать къ крещенію евреевъ—дѣтей, чѣмъ взрослыхъ, потому что дѣтей, хотя и крещенныхъ насильно т. е. противъ воли родителей ихъ, можно было воспитать въ христіанствѣ, и сдѣлать истинными

---

1) Не забываемъ, что Жидята называется еще *Жирята*, но только *разъ и въ болѣе* позднемъ памятникѣ—въ спискѣ его поученія, относящемся къ XVI в. Этому варіанту не придаютъ значенія и наши историки, и отъ того называютъ Луку гораздо чаще *Жидятою*, чѣмъ Жирятою.

христіанами, чего трудно было ожидать отъ взрослыхъ, крещенныхъ насильно. Въ Испаніи въ VI и VII в. в. существовалъ одобряемый даже мѣстными церковными соборами обычай насильно брать у евреевъ дѣтей и крестить ихъ, или же обязывать ихъ напередъ ходить въ христіанскія школы и уже потомъ крестить желающихъ. Что было въ другихъ мѣстахъ, то могло быть и у насъ. Ревнуя о насажденіи въ Руси единой хр. вѣры, Владимиръ могъ давать распоряженія о принудительномъ крещеніи еврейскихъ дѣтей, отнимая конечно ихъ для этой цѣли у ихъ семействъ. Это было отчасти въ духѣ общихъ мѣръ его по насажденію христіанства въ Руси, извѣстныхъ по лѣтописи и слову Иларіона. Лѣтопись и слово утверждаютъ, что Владиміръ силою власти велѣлъ идти на крещеніе тѣмъ, которые не хотѣли идти своею волею. Онъ же силою власти бралъ въ школы дѣтей, противъ воли матерей ихъ, плакавшихъ о нихъ, какъ о мертвецахъ. Греческое духовенство, ссылаясь на примѣръ Византіи, могло даже поощрять Владиміра къ такимъ дѣйствіямъ, въ частности, къ принудительному крещенію Евреевъ, если не взрослыхъ, то ихъ дѣтей. Такимъ образомъ нашъ Лука могъ быть изъ числа жидятъ или жидовскихъ мальчиковъ, взятыхъ у Евреевъ и крещенныхъ еще при Владимирѣ.

Изъ такого вывода о происхожденіи Луки Жидяты можно далѣе дѣлать предположенія и о дальнѣйшей судьбѣ его до епископства, въ лѣтописяхъ не отмѣченной. Насильно взятый у Евреевъ и крещенный по всей вѣроятности еще Владимиромъ, Лука Жидята могъ быть взятъ въ княжескіе слуги или отроки, отданъ въ обученіе книжное и затѣмъ опредѣленъ на церковное служеніе. У русскихъ владѣльцевъ, какъ вѣроятно и у князей, существовалъ обычай отдавать своихъ слугъ или рабовъ въ обученіе и затѣмъ возводить ихъ въ священство: правда, обычай этотъ упоминается въ началѣ XIII в., но онъ также возможенъ былъ и ранѣе. Въ санъ церковный Лука Жидята облеченъ, конечно, уже при

Ярославѣ и вѣроятно былъ однимъ изъ его домовыхъ священниковъ, а предъ тѣмъ можетъ быть его слугой или отрокомъ. Этимъ можетъ объясняться то, почему Ярославъ предпочелъ его Ефрему въ избраніи на новгородскую каѳедру. Князья любили ставить на видные церковные посты лицъ изъ своего дворцоваго или домоваго клира[1]). Но можно допустить и другую причину предпочтенія Луки Ефрему (если онъ былъ живъ еще въ 1034—35 г.) или вообще грекамъ, изъ коихъ были у насъ первые епископы. По всей вѣроятности, подобно Ефрему въ Новгородѣ, Лука въ Кіевѣ упражнялся въ катихизаціи новообращаемыхъ въ христіанство и въ частности-изъ евреевъ или же еврейскихъ прозелитовъ. Въ древней Руси видимъ примѣры, что проповѣдниками для инородцевъ избираемы были или сами являлись тѣ, которые предъ тѣмъ были знакомы съ ними, близки къ нимъ или даже выходили изъ среды ихъ. Такъ для казанскихъ татаръ выбранъ въ проповѣдники Варсонофій, въ юности находившійся въ плѣну у татаръ, знавшій исламъ; такъ Авраамій Ростовскій, старавшійся просвѣтить инородцевъ чудскаго конца въ Ростовѣ, былъ, кажется, самъ изъ чудскихъ инородцевъ, какъ показываетъ инородческое имя его въ язычествѣ *Иверкъ*. Просвѣтитель Вятичей Кукша, удержавшій даже въ монашествѣ это, неизвѣстное въ святцахъ, имя, былъ вѣроятно изъ Вятичей. Такимъ образомъ Жидята, какъ бывшій по рожденію или воспитанію еврей, могъ подвизаться въ катихизическомъ обученіи евреевъ или бывшихъ еврейскихъ прозелитовъ, обращаемыхъ теперь въ христіанство. Сдѣланныя нами предположенія о Жидятѣ мо-

1) Если взять во вниманіе то, что Ярославъ поставилъ Жидяту епископомъ въ Новгородъ одновременно съ тѣмъ, какъ посадилъ здѣсь сына на княженіе и далъ городу уставную грамату, то можно предполагать, что въ Жидятѣ, какъ испытанномъ вѣрною службою и приближенномъ лицѣ, Ярославъ хотѣлъ дать надежнаго пособника сыну на княженіи и охранителя интересовъ своей великокняжеской власти.

гутъ отчасти подкрѣпляться и нѣкоторыми чертами изъ „поученія Жидяты.“ Содержаніе поученія, въ которомъ, при всей краткости, обнимается почти весь кругъ катихизическаго обученія, изобличаетъ навыкъ къ катихизаціи, пріобрѣтенный практикою. Замѣчательно далѣе, что въ нравственной части своего катихизическаго поученія Жидята говоритъ именно языкомъ Моѵсеева десятословія: не клянись именемъ Божіимъ, чти родителей, чти дни Господни, не убій, не укради, не солжи, лжи послухъ не буди, блуда не твори съ чужими женами и рабынями и т. под. Конечно подобныя выраженія вообще естественны въ катихизическомъ поученіи; но буквальность повторенія заповѣдей Моѵсеевыхъ, не встрѣчаемая, сколько помнимъ, въ нашихъ древнихъ поученіяхъ даже популярнаго склада, какъ напр. въ поученіяхъ Ѳеодосія, эта буквальность невольно вызываетъ сказать, что проповѣдникъ особенно свыкся съ десятословіемъ Моѵсеевымъ, какъ начальною формою религіознаго обученія, свыкся по своимъ особеннымъ отношеніямъ къ жидовству. Еще: въ тойже части своего поученія Лука говоритъ: „Бога бойтеся, князя чтите; мы рабы первое Бога, потомъ государя“. Хотя и это довольно обычайный мотивъ въ др. поученіяхъ; но, выраженный у Жидяты такъ рѣшительно, не былъ ли онъ въ устахъ его отголоскомъ особенныхъ отношеній его къ князю, какъ бывшаго слуги и и потомъ домоваго священника князя. Наконецъ Лука первый изъ русскихъ учителей возвышаетъ голосъ противъ *лихвы*, которою, какъ извѣстно, особенно отличались евреи, закабалявшіе съ помощію ея въ рабство своихъ должниковъ. Интересно еще то, что въ одномъ спискѣ поученій Жидяты, найденномъ преосв. Макаріемъ въ „Зборницѣ разныхъ св. отецъ“ Новгородской Соф. библіотеки XIV—XV в. в., поученіе это, не имѣя имени автора,носитъ заглавіе: „Слово поучение ерусалимьское *).“ Можетъ быть поздній переписчикъ

*) *Преосв. Макарія* исторія Русской церкви. т. 1. стр. 126. 278. Изд. 2-е. Спб. 1868 г.

поученія, не найдя при немъ имени автора (поученія извѣстныхъ авторовъ превращались иногда у насъ въ анонимныя), или найдя, но недоумѣвая, какимъ образомъ могъ явиться въ Руси проповѣдникомъ и епископомъ Жидята, т. е. жиденокъ, вообразилъ, что поученіе дошло въ Русь изъ Іерусалима, гдѣ было сказано новообращеннымъ жидамъ. На новгородскомъ епископствѣ Лука извѣстенъ еще между прочимъ тѣмъ, что въ 1055 г., по клеветѣ на него холопа его Дудика и сообщниковъ послѣдняго—Козьмы и Демьяна подпалъ суду м. Ефрема, произведенному въ Кіевѣ, куда для этой цѣли былъ вызванъ Лука и содержался въ заключеніи три года, затѣмъ оправданъ и возвращенъ въ Новгородъ вѣроятно уже по смерти Ефрема. Эта загадочная клевета, состоявшая, по выраженію одной лѣтописи „въ неподобныхъ рѣчахъ,“ имя Ефрема митрополита, при этомъ только случаѣ и упоминаемаго *) и одноименнаго съ Ефремомъ, устраненнымъ отъ кандидатства на епископство ради Луки, жестокая казнь клеветнику—Дудику, состоявшая въ урѣзаніи носа и обѣихъ рукъ, послѣ чего онъ убѣжалъ „въ нѣмцы“—всѣ эти обстоятельства вызываютъ на вопросъ: не стояли ли они въ какой либо связи съ прошедшею судьбою Луки **)? Но пускаться въ новыя предполо-

*) Впрочемъ къ этому Ефрему можетъ быть отнесено другое упоминаніе о м. Ефремѣ, находящееся въ мѣсяцесловѣ Мстиславова евангелія подъ 4 ноября: „въ тотъ же день священіе св. Софіи, иже есть въ Кіевѣ. Священа, Ефремомъ митрополитомъ“. *Архим. Сергія* полный мѣсяцесловъ Востока, т. 1. Приложенія, стр. 12.

**) Въ обстоятельствахъ осужденія Луки останавливаетъ вниманіе то, что оно послѣдовало тотъ часъ по кончинѣ покровителя его в. кн. Ярослава и по вступленіи на митрополичью каѳедру Ефрема. Быть можетъ, это не было простою случайностію. Оправданіе же Луки послѣдовало, вѣроятно, по смерти Ефрема: иначе трудно представить, почему это осужденіе тяготѣло надъ Лукой цѣлые три года, когда онъ могъ бы гораздо ранѣе оправдаться отъ ложнаго извѣта на него холопа Дудика и его сообщниковъ? Самый извѣтъ этотъ могъ быть и просто дѣломъ лукавства холоповъ, какъ и удушеніе преемника Луки Стефана „своими холопами“. Но холопы этого рода могли быть также изъ купленныхъ и принудительно крещенныхъ рабовъ, оставшихся въ душѣ нехристями.

женія при отсутствіи болѣе твердой опоры для нихъ, значило бы утомлять читателя, въ глазахъ котораго и вышеизложенныя предположенія о Лукѣ Жидятѣ могутъ казаться не особенно вѣроятными. Съ своей стороны считаемъ ихъ вѣроятными и думаемъ, что личность Луки Жидяты, выясняемая въ предполагаемыхъ характеристическихъ чертахъ своихъ соображеніями о возможныхъ отношеніяхъ еврейства къ кіевской Руси въ вѣкъ Владимира и Ярослава, можетъ служить свидѣтельствомъ, что въ Кіевѣ существовали тогда евреи, что нѣкоторые изъ нихъ, подчиняясь господствующему движенію времени, обращались въ христіанство, старались потомъ обращать и своихъ бывшихъ единовѣрцевъ или же еврейскихъ прозелитовъ, что болѣе избранные изъ нихъ, какъ Лука Жидята, могли достигать высшихъ постовъ церковнаго служенія.

Переходимъ къ современнику Луки м. Иларіону. Иларіонъ знаменитъ особенно своимъ словомъ *„О законѣ Моисеомъ данномъ, и о благодати и истинѣ Іисусъ Христомъ бывшимъ“* и проч. Но прежде всего кто былъ Иларіонъ? Въ ту пору, когда онъ писалъ свое слово, онъ былъ пресвитеромъ церкви св. ап. Петра и Павла въ княжескомъ селѣ Берестовѣ, и больше ничего не сохранилось въ лѣтописяхъ касательно его жизни до этого пресвитерства, а о жизни въ пресвитерствѣ извѣстно еще только то, что онъ имѣлъ по близости отъ Берестова пещеру, куда уходилъ на уединенную молитву. Но нельзя-ли гадать о его прежней судьбѣ, опираясь прежде всего на его „словѣ“. Въ словѣ этомъ Иларіонъ титулуетъ Владимира и Ярослава *каганами.* Обыкновенно и справедливо говорятъ, что титулъ этотъ взятъ имъ отъ Хазаръ. Странно однакоже, что русскіе государи величаются у него титуломъ царей того царства, которое не одинъ разъ побѣждаемо было Русью, распалось подъ ея ударами, и даже въ преданіяхъ русскихъ не могло уже пользоваться славою при Иларіонѣ. Нѣкоторые, напр. Гильфердингъ къ общему объясненію употребляемаго Иларіономъ

титула кагана, какъ взятаго отъ Хазаръ, присоединяютъ болѣе частное объясненіе. Говорятъ, что въ хазарскихъ владѣніяхъ у Черноморья и въ Тавридѣ было не мало славянъ, въ числѣ ихъ славянъ-христіанъ, что у послѣднихъ была своя церковная грамотность, восходящая ко времени свв. Константина и Меѳодія и ихъ хазарской миссіи, что у этихъ хазарскихъ славянъ титулъ кагана, ихъ государя, вошелъ въ церковное книжное употребленіе, и, освященный имъ, перешелъ съ такимъ же характеромъ въ кіевскую Русь съ переходомъ подъ ея власть славянъ-христіанъ, прежде подвластныхъ Хазарамъ. Въ этомъ объясненіи есть, по нашему мнѣнію, часть правдоподобности. Но оно, кажется намъ, не выясняетъ всего. Во первыхъ, у кіевскихъ христіанъ задолго до Иларіона освященъ былъ церковнымъ употребленіемъ свой родной титулъ—титулъ *князь*, что не давало мѣста другому титулу, хотя бы извѣстному у хазарскихъ славянъ-христіанъ, но все-таки титулу не христіанскаго государя, тогда какъ титулъ князя давно уже былъ въ Руси титуломъ именно *христіанскаго князя*. Во вторыхъ— Иларіонъ первый изъ начальныхъ книжниковъ русскихъ употребляетъ титулъ кагана. Ни начальная лѣтопись, въ которой безъ сомнѣнія сберёглись даже буквальныя записи отъ болѣе древняго времени, напр., въ договорахъ князей съ греками, ни Лука Жидята, ни Іаковъ Мнихъ, словомъ никто изъ *современныхъ* или *ближайшихъ* къ Иларіону русскихъ книжниковъ, не величалъ русскихъ государей каганами. Итакъ этотъ хазарскій титулъ есть для своего времени исключительная особенность у Иларіона. Что отсюда слѣдуетъ? Думаемъ то, что самъ Иларіонъ происходилъ изъ бывшихъ хазарскихъ славяно-руссовъ христіанъ, потому и употребляетъ привычный имъ терминъ, котораго онъ не употребилъ бы, если бы былъ природнымъ кіевскимъ славяно-руссомъ. Точнѣе опредѣляя происхожденіе Иларіона, мы останавливаемся на Фанагоріи или Тмутаракани. Припомнимъ, что она, какъ и лежащая противъ нея на другой

сторонѣ пролива Керчь (Босфоръ, Пантикапея), находилась въ VII и VIII вѣкахъ подъ властію хазарскихъ кагановъ, которая была властію и для утвердившихся здѣсь съ IX в. Руссовъ, такъ что они называли своего государя хаканомъ, какъ называли конечно и другіе здѣшніе жители или поселенцы, въ томъ числѣ и славяне. Когда съ усиленіемъ кіевской Руси, подорвавшей господство Хазаръ, Тмуторакань перешла подъ власть послѣдней; то послѣдовали, надо полагать, переселенія Руссовъ и Славянъ изъ Тмуторакани въ кіевскую Русь. Такія переселенія могли усилиться особенно при Владимирѣ, укрѣпившемъ связь Кіева съ Тмутораканью посаженіемъ въ ней на княженіе своего сына храбраго Мстислава и привлекавшемъ переселенцевъ славою своего могущества и своего ласковаго и мирнаго княженія, какимъ стало оно особенно по обращеніи Владимира въ христіанство. Новые переселенцы могли послѣдовать за Мстиславомъ, когда онъ перешелъ въ Русь. Въ числѣ такихъ переселенцевъ времени Владимира или Мстислава могъ быть и Иларіонъ. Такимъ происхожденіемъ его можетъ объясняться не только то, что онъ употреблялъ для своихъ князей названіе кагана, вошедшее въ обычай на его родинѣ, во время долгой зависимости ея отъ Хазаръ, но и то, что онъ первый завелъ въ Кіевѣ обычай устроенія пещерныхъ молельнъ. Онъ ознакомился съ нимъ въ сосѣдней Тавридѣ, гдѣ этотъ обычай (также какъ и на Кавказѣ) былъ очень давнимъ и очень распространеннымъ [1]).

---

[1]) Значеніе тмутораканской или вообще черноморской, таврической Руси въ начальной исторіи кіевской Руси еще недостаточно выяснено. Но уже теперь можно надѣяться, что оно со временемъ выяснится и съ тѣмъ вмѣстѣ получатъ новое освѣщеніе нѣкоторыя изъ начальныхъ явленій въ исторіи послѣдней. Здѣсь, по поводу предположенія объ Иларіонѣ, какъ выходцѣ изъ тмутораканской Руси, замѣтимъ, что такіе выходцы бывали и потомъ. Однимъ изъ нихъ мы считаемъ Никона Печерскаго, начальнаго пещернаго подвижника Антонія... Еще замѣчаніе о титулѣ *каганъ*, употребляемомъ въ словѣ Иларіона:

Если наше предположеніе объ Иларіонѣ, какъ выходцѣ изъ тмутораканской Руси имѣетъ вѣроятность, то оно можетъ послужить къ выясненію одной изъ главныхъ и наиболѣе выдающихся чертъ въ его словѣ. Слово это отъ начала до конца проникнуто полемикою противъ іудейства. Авторъ сперва догматически выясняетъ несовершенство закона Моѵсеева, содержимаго іудеями, который данъ былъ только на время и одному народу и не приносилъ внутренняго оправданія, и превосходство предъ нимъ ученія Христовой благодати, которое дано на вѣчныя времена, для всѣхъ народовъ и даруетъ внутреннее освященіе и спасеніе. Законъ созидалъ рабовъ, благодать Христова раждаетъ свободныхъ чадъ Божіихъ. Не ограничиваясь догматикой, Иларіонъ идетъ къ исторіи. Іудеи и во время закона до Христа не понимали этого закона, уклонялись отъ него отъ единаго Бога къ чужимъ богамъ, избивали пророковъ; они отвергли и распяли Христа, не уразумѣли Его благодати, преслѣдовали апостоловъ и первыхъ христіанъ. Даже христіане изъ іудеевъ въ начальной іерусалимской церкви, знаменательно прибавляетъ Иларіонъ, долго не принимали епископовъ изъ необрѣзанныхъ, т. е. изъ неіудеевъ; будучи сыны рабства, они причиняли насиліе свободнымъ сынамъ благодати, какъ будто рабамъ. За все это іудеи унижены предъ христіанами, изгнаны изъ Іерусалима и расточены

на наше объясненіе употребленія Иларіономъ этого титула сдѣлано было (при изложеніи настоящаго предмета въ обществѣ Нестора Лѣтописца), возраженіе, что титулъ этотъ встрѣчается и въ другихъ славяно-русскихъ памятникахъ и между прочимъ въ „словѣ о полку Игоревѣ", что слѣд. нѣтъ надобности употребленіе этого титула Иларіономъ считать особенностію его и объяснять ее хазаро-словенскимъ, въ частности тмутораканскимъ происхожденіемъ Иларіона. Въ этомъ возраженіи важнѣе на нашъ взглядъ ссылка на слово о полку Игоревѣ. Но самъ авторъ этого слова не происходилъ ли также, какъ и Иларіонъ, изъ Руси тмутораканской? По нѣкоторымъ признакамъ такое происхожденіе автора „слова о полку Игоревѣ" представляется намъ очень вѣроятнымъ.

между язычниками согласно древнимъ пророчествамъ о нихъ: ибо какое общенiе iудейству съ христiанствомъ? Хотя iудеи были прежде христiанъ, но христiане стали больше ихъ, и вѣра христiанская распространилась по всѣмъ народамъ и странамъ согласно тѣмъ же древнимъ пророчествамъ. Къ этимъ мыслямъ часто возвращается Иларiонъ съ новыми поясненiями ихъ, какъ напр., что iудеи, отвергшiе Христа, сами изрекли на себя приговоръ; что и Христосъ со слезами предсказалъ паденiе и запустѣнiе Iерусалима, какъ то и исполнилось: пришли римляне, плѣнили Iерусалимъ и разрушили его до основанiя. Съ сего времени iудейство пало, и iудеи разсѣяны по разнымъ странамъ, *чтобы зло не утвердилось, пребывая въ одномъ мѣстѣ.* Говоря о самомъ христiанствѣ, проповѣдникъ сосредоточиваетъ мысль на лицѣ Спасителя и длиннымъ рядомъ сопоставленiй человѣческихъ и божескихъ дѣйствiй и явленiй въ его жизни выясняетъ особенно то, что онъ былъ человѣкъ, но вмѣстѣ и Богъ. Это объясненiе опять сопровождается объясненiемъ „iудейскихъ хуленiй“ на Христа, изображаемыхъ такъ, какъ бы проповѣдникъ еще недавно слышалъ ихъ отъ iудеевъ, говорившихъ напр., что Христосъ не воскресалъ, а украденъ учениками, что Онъ рожденъ былъ отъ блуда. Въ заключительной молитвѣ къ Богу, проповѣдникъ проситъ Бога, чтобы милостивъ былъ къ грѣхамъ христiанъ русскихъ, ради ихъ вѣры, и не допустилъ бы надъ ними такой кары, какой постигнуты были iудеи въ Iерусалимѣ, не попустилъ стольному граду русскому быть въ такомъ плѣненiи, какъ Iерусалимъ, а христiанамъ русскимъ быть пришельцами въ чужой землѣ, какъ iудеи. Чисто отвлеченными догматическими интересами никакъ нельзя объяснить всѣхъ этихъ чертъ полемики противъ iудейства, проникающей слово отъ начала до конца. Полемика здѣсь такъ свѣжа и жива, какъ она представляется въ посланiяхъ апостольскихъ, писанныхъ въ пору живой борьбы христiанства съ чистымъ iудействомъ, или съ iудействующимъ элементомъ въ средѣ

самихъ христіанъ изъ бывшихъ іудеевъ. Видно, что и въ мысли Иларіона было не какое либо далекое, давно прошедшее іудейство, а іудейство близкое, существовавшее на его глазахъ, въ живой современности, іудейство, стремившееся притомъ оспаривать у христіанства его пріобрѣтенія въ средѣ близкой для Иларіона. Въ частности, воспоминаніе о іудействующихъ христіанахъ начальной іерусалимской церкви даетъ поводъ предполагать, что Иларіону были извѣстны примѣры подобныхъ христіанъ въ той-же близкой ему средѣ, что іудействующіе христіане, какихъ мы видѣли въ Византіи и Болгаріи, встрѣчались и тамъ, гдѣ жилъ Иларіонъ. Гдѣ же могли во всей силѣ проявляться тѣ живыя, современныя отношенія іудейства къ христіанству, которыя ясно отражаются въ словѣ Иларіона? Они проявлялись въ хазарскихъ владѣніяхъ, достигавшихъ Тавриды, и хорошо знакомы были Иларіону на предполагаемой родинѣ его—Тмуторакани, гдѣ, какъ знаемъ, было очень много евреевъ, гдѣ въ средѣ ихъ еще живы были притязанія, нажитыя во время власти надъ ней іудействующихъ, хазарскихъ кагановъ, и гдѣ поэтому борьба съ іудействомъ имѣла живой интересъ для мѣстныхъ христіанъ, хр. пастырей и учителей. Но затѣмъ слѣдуетъ признать, что полемика противъ іудейства, проникающая слово Иларіона, все таки не была бы столько живою и настойчивою, если бы потребность ея не ощущалась Иларіономъ и въ самой кіевской Руси, въ самомъ Кіевѣ. Здѣсь онъ могъ быть наблюдателемъ такихъ явленій въ отношеніяхъ іудейства къ русскому христіанству, о какихъ говорено выше по поводу Луки Жидяты. Нѣкоторая страстность, до которой доходитъ полемика Иларіона, намеки на ходячія росказни іудеевъ о Христѣ, все это даетъ основаніе полагать, что Иларіонъ имѣлъ и личныя сношенія съ іудеями, прѣнія съ ними, или же подвизался въ наставленіи обращаемыхъ въ христіанство іудеевъ, іудейскихъ прозелитовъ, іудействующихъ христіанъ изъ славянъ: словомъ, что въ учительской дѣятельности

могло повторяться то, что мы признали вѣроятнымъ въ дѣятельности Луки Жидяты. Не лишне припомнить здѣсь, что въ одномъ спискѣ слова Иларіонова, въ это слово внесена изъ лѣтописнаго сказанія о посольствахъ статья заключающая сводъ ветхозавѣтныхъ пророчествъ объ отверженіи іудеевъ и призваніи язычниковъ къ благодати Христовой. Статья эта представляетъ вставку и въ самомъ сказаніи. Можно слѣд. полагать, что она и существовала въ отдѣльномъ видѣ и была въ обращеніи, какъ готовое пособіе для религіозныхъ собесѣдованій съ іудеями, подобно тѣмъ „прѣніямъ", о которыхъ говорится въ сказаніи о хазарской миссіи Кирилла, какъ сложенныхъ или записанныхъ Меѳодіемъ. Какъ вставочная въ лѣтопись, статья эта была въ оборотѣ на Руси, конечно, прежде составленія лѣтописи, такъ что могла появиться еще во время Иларіона, съ словомъ котораго она гармонируетъ по содержанію, потому что и слово также изобилуетъ свидѣтельствами изъ ветхозавѣтныхъ пророчествъ объ отверженіи іудеевъ и призваніи язычниковъ. Понятно, что составителемъ такой статьи или пособія для полемики съ іудействомъ былъ кто либо изъ лицъ подобныхъ Лукѣ Жидятѣ и Иларіону, и что онъ составилъ ее по требованію живой современности, т. е. тѣхъ же жизненныхъ отношеній іудейства къ русскому христіанству, которыми вызвана полемика въ словѣ Иларіона.

Если сдѣланные нами по поводу Луки Жидяты, Иларіона и его слова выводы касательно еврейства въ Кіевѣ и на Руси имѣютъ значеніе для времени Ярослава, въ которое они жили и учили; то они имѣютъ свое значеніе и для времени Владимира. Если во время Ярослава въ Кіевѣ и на Руси были евреи, были вольные или невольные іудейскіе прозелиты или іудействующіе христіане, если съ другой стороны было противодѣйствіе имъ въ лицѣ христіанскихъ учителей, старавшихся обращать евреевъ или совращаемыхъ въ іудейство славянъ; то нѣтъ причины полагать, чтобы все это явилось только со времени Ярослава. Гораз-

до проще и вѣроятнѣе предположить, что подобныя отношенія іудеевъ къ Руси кіевской начались ранѣе, еще при Владимирѣ и именно съ критической эпохи начальнаго насажденія новой вѣры въ Руси, когда іудейству представлялось болѣе надеждъ на успѣхи своего вліянія въ Руси чѣмъ во время Ярослава. Съ этой точки зрѣнія Лука Жидята и Иларіонъ, какъ свидѣтели (первый самою личностью своею, второй своимъ „словомъ“) о еврействѣ въ Кіевѣ и южной Руси, могутъ служить къ подкрѣпленію лѣтописнаго сказанія о приходѣ къ Владиміру хазаро-еврейскихъ проповѣдниковъ, понимаемаго не въ смыслѣ посольства къ Владимиру, а просто въ смыслѣ преданія о существованіи при Владимирѣ хазарскихъ евреевъ и религіозной пропаганды ихъ въ Кіевѣ [1]).

Для второй половины XI вѣка имѣемъ нѣсколько извѣстій о евреяхъ въ Кіевѣ и южной Руси. Есть такія извѣстія въ печерскомъ патерикѣ. Первыя изъ нихъ относятся ко времени княженія въ Кіевѣ Изяслава Ярославича (1054—1078 г.) и именно къ послѣднимъ годамъ его княженія. Это, во первыхъ, разсказъ преп. Нестора въ житіи преп. Ѳеодосія печерскаго о томъ, что во время своего игуменства (1057—1074 г.) онъ часто хаживалъ изъ своего монастыря въ го

[1]) Въ словѣ Иларіона есть одно мѣсто, дающее поводъ предполагать, что восхваляя превосходство христіанства, православія, онъ имѣлъ въ виду не одно іудейство, но и другія противныя христіанству вѣры и ученія. „Мы, говоритъ онъ, не воздѣваемъ рукъ нашихъ къ чуждому Богу, не послѣдуемъ какому либо лживому пророку, не держимъ еретическаго ученія“. Въ первой фразѣ, вѣроятно, намекъ на іудеевъ, про которыхъ выше не разъ замѣчаетъ Иларіонъ, что они служили чуждымъ богамъ, забывая своего Бога Израилева; во второй разумѣется конечно лживый пророкъ Магометъ, послѣдователей котораго видѣлъ Иларіонъ въ бывшихъ хозарскихъ владѣніяхъ, могъ видѣть и въ Кіевѣ; въ третьей—намекъ на какихъ либо сектантовъ и еретиковъ христіанскихъ, извѣстныхъ ему на родинѣ его и въ кіевской Руси.

родъ на какія-то религіозныя пренія съ евреями. „Се бо сице обычай имяше блаженный, якоже *и многажды, въ нощи встая, отай всѣхъ исхожаше къ жидомъ*, тѣхъ еже о Христѣ препирая, коряше и досажаше я тѣмъ, яко отметники и беззаконники тѣхъ нарицая: ждаше бо еже о Христѣ исповѣданіи убіенъ быти“.

Несторъ, какъ можно судить по послѣднимъ выраженіямъ его разсказа, единственнымъ побужденіемъ со стороны Ѳеодосія къ хожденіямъ на пренія съ евреями считалъ желаніе его претерпѣть смерть отъ нихъ за исповѣданіе имени Христова. Но это объясненіе Нестора едва ли можетъ быть принято. Подобный чисто личный мотивъ подвига не согласуется съ извѣстнымъ характеромъ Ѳеодосія, преслѣдовавшаго въ своей дѣятельности живыя практическія цѣли. Ѳеодосій не былъ самозаключеннымъ отшельникомъ, какъ Антоній, а любилъ живую дѣятельность, трудился надъ устройствомъ своего монастыря, воспитаніемъ его братства, поучалъ князей и народъ, имѣлъ духовныхъ дѣтей въ городѣ, которыхъ, какъ и всякихъ другихъ, принималъ и въ монастырѣ, когда они приходили къ нему на исповѣдь, для назиданій или съ какими либо просьбами. Необходимо поэтому признать существованіе какихъ либо практическихъ цѣлей и въ его хожденіяхъ къ евреямъ на религіозныя пренія, цѣлей притомъ очень серіозныхъ, потому что такія хожденія онъ предпринималъ *часто*, не останавливаясь предъ опасностями для самой жизни. Въ чемъ могли состоять эти цѣли?

Ѳеодосію, какъ видно изъ одного посланія его къ в. кн. Изяславу, было извѣстно, что въ Кіевѣ находились разные иновѣрцы, какъ то: *латиняне* изъ варяговъ и ляховъ, *еретики* какіе-то, которыми могли быть напр. армяне, богомилы, далѣе—*евреи*, *мусульмане* изъ *сарацинъ* и волжскихъ *болгаръ* и наконецъ *поганые* или язычники, конечно, изъ разныхъ русскихъ инородцевъ. Стоя во главѣ монастыря, который давалъ изъ себя проповѣдниковъ вѣры дальнимъ областямъ

Руси и въ самыхъ стѣнахъ своихъ совершалъ обращенія изъ латинянъ, армянъ и половцевъ, Θеодосій безъ сомнѣнія одушевленъ былъ тою же ревностію къ обращенію невѣрныхъ и иновѣрцевъ, которая не безъ его конечно вліянія воспиталась въ печерскомъ братствѣ. И если другіе изъ братій обращали эту ревность на дальнія области, то Θеодосію, привязанному къ Кіеву своимъ печерскимъ игуменствомъ, естественно было обращать эту ревность на самый Кіевъ. Вѣра греко-христіанская, хотя и была уже господствующею въ Кіевѣ и на Руси, но все еще была вѣрою новою, и дѣло распространенія ея продолжало быть еще однимъ изъ преобладающихъ интересовъ времени. Ревнителямъ вѣры, какъ Θеодосій, естественно было желать, чтобы въ стольномъ городѣ христіанской Руси утвердилась для всѣхъ одна вѣра, въ замѣнъ разныхъ другихъ вѣръ, имѣвшихъ здѣсь своихъ послѣдователей. Такимъ образомъ хожденія Θеодосія къ евреямъ для прѣній можно прежде всего объяснять вообще желаніемъ его обратить ихъ въ христіанскую вѣру. Но изъ нѣкоторыхъ черть разсказа объ этихъ хожденіяхъ можно заключать, что кромѣ указанной общей цѣли, существовала здѣсь особенная. Хотя Θеодосій зналъ о разныхъ другихъ иновѣрцахъ, обращалъ и на нихъ вниманіе, но о хожденіяхъ его къ этимъ иновѣрцамъ не говорится у Нестора, говорится только о хожденіяхъ и притомъ *частыхъ* къ евреямъ. Значитъ на евреевъ онъ обращалъ особенное вниманіе. Далѣе, предпринималъ онъ эти свои хожденія *по ночамъ*. Едвали можно представлять дѣло такъ, будто Θеодосій, приходя ночью въ дома евреевъ, будилъ ихъ, поднималъ на ноги, чтобы поучать ихъ вѣрѣ и обличать за невѣріе. Естественнѣе предположить, что эти ночныя посѣщенія совпадали съ какими-то ночными, *религіозными собраніями у самихъ евреевъ*, о которыхъ узнавалъ Θеодосій и старался попадать на нихъ. А узнавать могъ онъ отъ своихъ духовныхъ дѣтей изъ кіевлянъ, приходившихъ къ нему на исповѣдь, для назиданія и под. Если въ такихъ ночныхъ собраніяхъ евреевъ предпола-

гать обыкновенныя молитвенныя собранія, то это значило бы, что тогда евреямъ въ Кіевѣ было не дозволено или небезопасно устраивать такія собранія днемъ, явно. Но нѣтъ основанія для такого предположенія. Скорѣе можно предположить, что это были какія-то особенныя собранія, на которыхъ происходило нѣчто требовавшее покрова ночи, укрывательства, какъ недозволенное. Къ такой догадкѣ располагаетъ отчасти и то замѣчаніе Нестора, что во время своихъ ночныхъ посѣщеній евреевъ Ѳеодосій выступилъ противъ нихъ съ сильными укоризнами, называя ихъ отметниками и беззаконниками. При извѣстной кротости Ѳеодосія, надо допустить существованіе въ дѣлахъ еврейскихъ чего-то такого, что особенно возбуждало негодованіе его. Должно быть онъ зналъ, или предполагалъ, что здѣсь происходило нѣчто опасное для вѣры русскихъ христіанъ. При существованіи въ Кіевѣ разнаго рода иновѣрцевъ существовали конечно и разнаго рода сношенія ихъ съ здѣшними русскими христіанами, а затѣмъ также и религіозныя столкновенія, далѣе религіозные споры, при которыхъ русскіе христіане выступали съ похвалами своей новой вѣрѣ, укоризнами чужимъ вѣрамъ, или сами подпадали соблазнамъ со стороны послѣдователей этихъ вѣръ, потому что еще очень мало знали, мало усвоили свою вѣру. Извѣстно, что во время Ѳеодосія языческіе волхвы, являясь на Волгѣ, въ Новгородѣ, самомъ Кіевѣ, волновали народъ, даже вступали въ споры съ представительными лицами изъ русскихъ христіанъ, хвалясь своими предсказаніями, тайнымъ вѣденіемъ. Тотъ же Ѳеодосій въ посланіи къ в. князю Изяславу о вѣрѣ латинской говоритъ о религіозныхъ состязаніяхъ, происходившихъ между русскими и латинянами, и совѣтуетъ князю, чтобы и самъ не заглядывался на чужія вѣры, а хвалилъ бы только свою вѣру, да еще и помогалъ своими знаніями другимъ христіанамъ въ ихъ состязаніяхъ съ иновѣрцами: „ты этимъ, выражается Ѳеодосій, избавишь овча отъ устъ львовыхъ". Что совѣтовалъ онъ дѣлать князю, то, конечно, дѣлалъ и самъ,

когда представлялись къ тому поводы. Вѣроятно такіе поводы и представлялись Θеодосію въ тѣхъ ночныхъ религіозныхъ собраніяхъ у кіевскихъ евреевъ, которыя посѣщалъ онъ, и на которыхъ вступалъ съ ними въ прѣнія, укоряя ихъ, какъ отметниковъ и беззаконниковъ. Иначе сказать, вѣроятно на этихъ собраніяхъ бывали не одни евреи, но и русскіе, напр. изъ слугъ и рабовъ еврейскихъ или еще бывали здѣсь такъ называемые іудействующіе христіане, т. е. христіане изъ бывшихъ евреевъ втайнѣ державшіеся іудейства, увлекаемые въ него евреями, либо даже христіане изъ русскихъ, но соблазняемыхъ евреями. Для такихъ то людей вѣроятно и являлся Θеодосій на ночныя религіозныя собранія евреевъ съ цѣлію изобличить послѣднихъ въ ихъ замыслахъ и спасать первыхъ отъ іудейскихъ обольщеній, спасать „овецъ отъ устъ львовыхъ“ [1]).

Въ дополненіе къ такимъ выводамъ о значеніи ночныхъ хожденій Θеодосія къ евреямъ слѣдуетъ указать еще на одно мѣсто изъ его посланія къ тому же князю Изяславу Ярославичу въ отвѣтъ на два вопроса его, изъ которыхъ одинъ состоялъ въ томъ: можно ли въ воскресный день закалать вола или овцу или птицу и ѣсть мясо ихъ? Θеодосій отвѣчалъ: іудеямъ, когда Богъ ихъ извелъ ихъ изъ Египта, данъ былъ законъ хранить субботу, такъ чтобы ничего не дѣлать, не возгнѣтать огня, не закалать ничего въ пищу, а все нужное приготовлять въ пятокъ вечеромъ,—и это іудеи дѣлаютъ донынѣ. Но съ того времени, какъ Богъ нашъ снисшелъ на землю, все іудейское умолкло; мы не чада Авраама, а чада Христа Бога нашего чрезъ св. крещеніе; мы свободны отъ исполненія закона обрядоваго. Слѣд. *тотъ, кто сказалъ тебѣ*, будто въ воскресенье нельзя закалать, ни ѣсть закланнаго,

---

[1]) Строго обличая іудеевъ, какъ и другихъ иновѣрцевъ, Θеодосій училъ однакоже не отказывать имъ въ христіанскомъ, состраданіи и помощи, когда они впадаютъ въ несчастія.

сказалъ не отъ св. Писанія, но отъ своего сердца. Намъ это не возбранено и не грѣшно. Если мы примемъ такой обычай, т. е. чтобы закалать еще въ субботу, а въ воскресенье только ѣсть закланное, тогда мы очевидно будемъ подражать іудеямъ". Мнѣніе подсказанное кѣмъ-то Изяславу и опровергаемое здѣсь Θеодосіемъ могло конечно быть и самодѣльнымъ плодомъ младенческой простоты тогдашнихъ христіанъ русскихъ въ пониманіи вѣры, преимущественно съ обрядовой стороны ея. Но также возможно, что оно подсказано было какимъ либо іудействующимъ христіаниномъ, питавшимъ уваженіе къ строгому соблюденію евреями своей субботы и примѣнявшимъ іудейскій взглядъ на празднованіе субботы къ хр. празднованію воскреснаго дня.

Второй, интересующій насъ, разсказъ патерика находится въ посланіи Поликарпа къ Акиндину. Это разсказъ о Никитѣ Затворникѣ. Былъ онъ родомъ изъ кіевлянъ и поступилъ въ монастырь печерскій за нѣсколько лѣтъ до кончины Θеодосія. При игуменѣ Никонѣ (1078—1088 г.) Никиту постигло искушеніе. Пожелалъ онъ достичь славы высшихъ подвиговъ и даровъ духовныхъ и сталъ проситься въ затворничество. Игуменъ отговаривалъ его, представляя, что онъ еще молодъ, что лучше бы ему трудиться въ общежитіи съ братіею, что и тутъ онъ не потеряетъ своей награды, что затворничество подвигъ трудный, соединенный съ опасностію искушеній; при этомъ игуменъ указывалъ на недавній примѣръ Исакія затворника, подпавшаго искушенію въ затворѣ. Никита стоялъ на своемъ, стремясь быть прозорливцемъ и чудотворцемъ и завѣряя, что не поддастся искушенію. Игуменъ не могъ болѣе удерживать его, и Никита удалился въ затворъ. Скоро посѣтилъ его здѣсь искуситель въ образѣ ангела. „Ты уже не молись, говорилъ онъ Никитѣ, а только читай книги, я же буду молиться за тебя. Никита послушалъ мнимаго ангела, который теперь сталъ часто хаживать къ нему и молился въ виду его. Никита же

занялся книгами. Скоро почувствовалъ онъ въ себѣ даръ прозрѣнія и учительства. Великому князю Изяславу онъ послалъ сказать: нынѣ убитъ Глѣбъ Святославичъ на Заволочьѣ; пошли скорѣе своего сына Святополка въ Новгородъ на княжескій столъ". Прозрѣніе оправдалось: чрезъ нѣсколько дней узнали, что княжившій въ Новгородѣ Глѣбъ Святославичъ дѣйствительно убитъ на Заволочьѣ. И вотъ разнеслась слава о Никитѣ: стали ходить къ нему князья и бояре и слушать его наставленія. При этомъ возбуждались и религіозныя состязанія, на которыхъ обнаружилось одно странное явленіе въ новомъ мудрецѣ и книжникѣ: „не можаше, говоритъ Поликарпъ, никто стязатися съ нимъ книгами Ветхаго Завѣта, весь бо изъ устъ умѣяше: Бытіе, Исходъ, Левитъ, Числа, Судіи, Царства *и вся пророчества по чину и вся книги жидовскія*. Между тѣмъ книгъ Новаго Завѣта Никита никакъ не хотѣлъ ни слушать, ни бесѣдовать по нимъ [1]). Братія поняли, что тутъ дѣло недоброе, что Никита обольщенъ лукавымъ. Вмѣстѣ съ игуменомъ собрались къ нему нѣсколько братій изъ наиболѣе испытанныхъ, въ числѣ ихъ и преп. Несторъ лѣтописецъ. Они помолились о Никитѣ, отгнали отъ него бѣса, вывели изъ затвора въ общежитіе. Когда теперь стали спрашивать его о Ветхомъ Завѣтѣ, желая слышать что нибудь отъ него, то Никита съ клятвою увѣрялъ, что никогда не читалъ книгъ, не зналъ ни слова изъ нихъ. Отцы печерскіе едва научили его грамотѣ. Въ подвигахъ общежитія Никита достигъ высшихъ добродѣтелей и ок. 1096 г. посвященъ въ епископа Новгородскаго, и былъ почитаемъ, какъ святой.

Историческій смыслъ разсказа станетъ довольно яснымъ, если, не останавливаясь на обычномъ въ подобныхъ разска-

---

[1]) „Евангелія же и Апостола, яже въ благодати преданныя намъ святыя книги на утвержденіе и на исправленіе, сихъ николиже въсхотѣ видѣти, ни слышати, ни почитати, ни иному дастъ бесѣдовати къ собѣ".

захъ мотивѣ бѣсовскаго прельщенія, будемъ разбирать дѣло съ фактической стороны. Никиту, жившаго одиноко въ затворѣ, посѣщаетъ какой-то искуситель. Онъ совѣтуетъ ему оставить хр. молитвы, читать книги, но книги именно Ветхаго Завѣта, книги *жидовскія*, внушая вмѣстѣ съ тѣмъ отвращеніе отъ книгъ Новаго Завѣта, книгъ христіанскихъ. Такимъ искусительнымъ учителемъ могъ быть не кто другой, какъ іудей или іудействующій христіанъ, т. е. христіанинъ изъ іудеевъ, наружно казавшійся христіаниномъ, но въ душѣ преданный іудейству и сообщникъ іудеевъ. Тайныя хожденія его изъ города въ печерскій монастырь къ Никитѣ напоминаютъ ночныя хожденія Θеодосія изъ печерскаго монастыря въ городъ къ евреямъ; они предпринимались съ цѣлію подобною цѣли хожденій послѣдняго, но въ обратномъ направленіи, т. е. съ цѣлію тайной пропаганды іудейства или союзнаго съ нимъ іудействующаго христіанства. Понятно, что іудеямъ или іудействующимъ сектантамъ въ Кіевѣ было весьма желательно пріобрѣсть послѣдователей въ печерскомъ монастырѣ, изъ котораго въ лицѣ Θеодосія выходило бдительное противодѣйствіе ихъ затѣямъ, и который вообще пользовался большимъ уваженіемъ у народа и князей и вліяніемъ на нихъ. Почему тайный учитель іудейства попалъ именно на Никиту? Такъ какъ Никита поступилъ въ монастырь изъ г. Кіева, то можетъ быть онъ извѣстенъ былъ этому учителю еще въ городѣ. Вѣроятно во всякомъ случаѣ то, что онъ имѣлъ вліяніе на Никиту еще до поступленія его въ затворъ, и быть можетъ этимъ вліяніемъ объясняются то крайнее упрямство, съ какимъ Никита, вопреки всѣмъ совѣтамъ игумена, настоялъ на увольненіи его въ затворъ, и та экзальтація, съ какой Никита мотивировалъ свою просьбу въ затворъ желаніемъ достичь даровъ высшаго вѣденія и чудотворенія. Предположеніе о знакомствѣ тайнаго учителя съ Никитой до поступленія его въ затворъ подтверждается тѣмъ, что частыя посѣщенія первымъ послѣдняго обнаружились тотъ часъ по

переходѣ Никиты въ затворъ [1]). Учителю хотѣлось удалить Никиту изъ среды братства, отъ братскихъ молитвенныхъ собраній, чтобы въ уединенномъ завторѣ имѣть его въ своемъ полномъ распоряженіи, подъ полнымъ своимъ вліяніемъ. Впрочемъ наклонная изъ экзальтаціи натура молодаго инока, жившаго одиноко въ затворѣ, сама по себѣ, помимо другихъ предполагаемыхъ причинъ, могла внушить мнимому ангелу избрать его жертвою своихъ затѣй касательно пропаганды въ печерскомъ монастырѣ. Никита всецѣло предался своему учителю. Мало того: ученикъ является энергическимъ пропагандистомъ дѣла учителя. Прославясь, при его посредствѣ (о чемъ скажемъ ниже) даромъ прозорливости, онъ принимаетъ къ себѣ князей и бояръ, приходящихъ слушать новаго прозорливца и мудреца. Возникаютъ *религіозныя состязанія*, въ которыхъ Никита опирается исключительно на жидовскихъ книгахъ, удивляя всѣхъ знаніемъ ихъ. Эти религіозныя состязанія были какъ бы отвѣтомъ на религіозныя состязанія Ѳеодосія съ кіевскими евреями и во всякомъ случаѣ могутъ служить къ поясненію характера послѣднихъ, какъ мы обозначали его выше.

Интересно далѣе замѣчаніе о книгахъ Ветхаго Завѣта или жидовскихъ бывшихъ извѣстными Никитѣ. Это былъ полный кругъ библейскихъ книгъ Ветхаго завѣта [2]). Полнаго собранія библейскихъ книгъ въ древней Руси неизвѣстно до такъ называемой Геннадіевой библіи конца XV в. Свидѣтельство о Никитиныхъ книгахъ представляется единственнымъ указаніемъ на такое собраніе отъ болѣе далекой древности, отъ XI вѣка. Остерегались принимать это свидѣ-

---

[1]) Никита поступилъ въ затворъ во время игуменства Никона, которое началось съ 1078 г. и въ этомъ же году сталъ посѣщать его мнимый ангелъ, какъ видно изъ послѣдовавшаго непосредственно за этимъ опыта прозорливости Никиты, о какомъ опытѣ—рѣчь будетъ ниже.

[2]) Такой прямой смыслъ выраженія о. Никитѣ въ Патерикѣ: „весь бо изъ устъ умѣяте—Бытіе, Исходъ, Левити, Числа, Судіи, Царства *и вся пророчества по чину вся жидовскія книги*“.

тельство потому именно, что оно носитъ легендарный оттѣнокъ. Но устраняя послѣдній, получаемъ простой и весьма возможный фактъ, что Никита узналъ и изучалъ эти книги отъ того же іудея или іудействующаго христіанина который ходилъ къ нему и училъ его въ затворѣ. Что іудеи хазаро-таврическіе, имѣли списки библейскихъ книгъ въ X и XI вѣкахъ это положительно доказывается библейскими свитками и кодексами Фирковичей, составляющими, какъ было упомянуто, и наиболѣе цѣнную и наиболѣе достовѣрную часть ихъ открытій. Отъ хазаро-таврическихъ іудеевъ такіе списки могли переходить и къ кіевскимъ. Съ давнихъ поръ извѣстенъ въ Ватиканской библіотекѣ *списокъ еврейскаго комментарія на пятокнижіе*, писанный *въ 1094 г. въ Россіи* [1]). Это, безъ сомнѣнія, важное доказательство существованія библейскихъ свитковъ у кіевскихъ евреевъ, даже еврейской литературы, какъ комментаріи или толкованія на библейскія книги. Итакъ учитель Никиты могъ найти для него въ Кіевѣ жидовскія книги. Какъ, на какомъ языкѣ читалъ или слушалъ эти книги Никита? Освободясь отъ обольщенія, Никита клялся, что никогда не читалъ книгъ, онъ оказался даже неграмотнымъ Если такъ, то книги читалъ ему тотъ учитель и объяснялъ ихъ. На какомъ языкѣ? Вѣроятно, переводя съ еврейскаго и объясняя пославянски, порусски. И здѣсь-то имѣютъ для насъ значеніе данныя, представляемыя современными гебраистами на то, что евреи жившіе въ

1) Первое извѣстіе объ этомъ комментаріѣ *Alt—Hathore* сообщилъ Ассемани въ Catal. Biblioth. Vatic. p. 288. Со словъ Ассемани упоминали о немъ польскіе писатели, въ своихъ сочиненіяхъ по исторіи евреевъ въ Польшѣ, въ связи съ ней—и въ Руси, какъ Чацкій (Rosprawa o Żydach, Wilno. 1807 г. стр. 71 примѣч. 6), Красинскій и др. Извѣстіе объ этомъ комментаріи, вообще принимается, какъ фактъ, учеными гебраистами. *А. Я. Гаркави*: Объ языкѣ евреевъ, жившихъ въ древнее время на Руси и о славянскихъ словахъ встрѣчаемыхъ у еврейскихъ писателей. Спб. 1866 г. стр. 9—15. Крайне жаль, что этотъ, такъ сказать, русско-еврейскій памятникъ не былъ описанъ и изслѣдованъ гебраистами.

древнее время на Руси, говорили на мѣстномъ народномъ языкѣ и въ своихъ комментаріяхъ на библейскія книги и въ другихъ религіозныхъ сочиненіяхъ употребляли въ видѣ объясненій *славянскія слова* [1]. Еще болѣе значенія могло бы имѣть здѣсь для насъ то заявленіе, сдѣланное нѣкоторыми по поводу библейскихъ списковъ Фирковичей, будто въ этихъ спискахъ еврейскій текстъ представляетъ много варіантовъ, которые согласуются съ текстомъ LXX, а въ мѣстахъ разнствующихъ отъ него нерѣдко согласны именно съ переводомъ св. Кирилла и Меѳодія [2]. Это указывало бы на какую-то связь еврейскаго текста, бывшаго у хазаро-таврическихъ евреевъ съ древнимъ славянскимъ переводомъ, а это въ свою очередь уясняло бы возможность религіознаго вліянія тамошнихъ евреевъ на славянъ при помощи не еврейской только, но и славянской библіи, вліянія, которое могло продолжаться и въ Руси, въ Кіевѣ. Но заявленіе, о которомъ идетъ рѣчь, такъ осталось однимъ заявленіемъ, не вызвавшимъ доселѣ никакихъ серіозныхъ изслѣдованій или объясненій по предмету, который оно затрогиваетъ. Потому и мы не можемъ давать ему значенія въ рѣчи о предметѣ насъ занимающемъ, т. е. о языкѣ, на которомъ учитель Никиты могъ читать и объяснять ему жидовскія книги. Но самое предположеніе, что этотъ учитель, кіевскій іудей или іудействующій христіанинъ могъ обучать своего ученика жидовскимъ книгамъ, переводя ихъ и объясняя по славянски,—это предположеніе кажется намъ вѣроятнымъ, могущимъ уяснять фактъ іудейской или іудействующей (т. е. іудео-христіанской пропаганды), представляемой дѣломъ Никиты [3].

---

[1]) Интересныя данныя на это собраны и изслѣдованы въ сей часъ упомянутомъ сочиненіи г. Гаркави. Данныя эти, начинаясь съ X в., идутъ чрезъ вѣка XI, XII и далѣе.

[2]) Catalog der Hebraischen Bibelhandschriften der. K. öffenteichen Bibliotek in St. Petersburg. v. A. Harkawy und H. L. Strack. 1878. Enleitung. XIV.

[3]) Въ Патерикѣ въ сказаніи Поликарпа о Лаврентіѣ затворникѣ сообщается о бѣснсватомъ кіевлянинѣ, который, когда его вели въ печерскій мона-

Но въ разсказѣ Патерика объ этомъ дѣлѣ есть еще одинъ интересный фактъ, требующій объясненія и въ свою очередь могущій, кажется намъ, служить къ нѣкоторымъ обнаруженіямъ касательно кіевскихъ евреевъ того времени. Въ слѣдъ за тѣмъ, какъ сталъ хаживать къ Никитѣ мнимый ангелъ и внушилъ ему читать жидовскія книги, въ Никитѣ открылся даръ прозорливости. Блистательнымъ опытомъ ея было то, что Никита, какъ бы по откровенію, узналъ объ убіеніи новгородскаго князя Глѣба Святославича на Заволочьѣ и поспѣшилъ дать знать о томъ в. князю Изяславу Ярославичу, совѣтуя скорѣе послать въ Новгородъ на княженіе своего сына Святополка. Оба послѣдніе факты не вымышлены, а извѣстны и по древнимъ лѣтописямъ. Въ 1078 году, когда Никита поступилъ въ затворъ, Глѣбъ Святославичь дѣйствительно убитъ на Заволочьѣ и за тѣмъ Изяславъ дѣйствительно послалъ на новгородскій столъ своего сына Святополка [1]). Если такъ, то фактомъ нужно признать и то, что Никита дѣйствително первый или изъ первыхъ въ Кіевѣ узналъ объ убіеніи Глѣба и поспѣшилъ извѣстить о томъ Изяслава и дать упомянутый совѣтъ о посылкѣ въ Новгородъ Святополка. Откуда же такая прозорливость у Никиты? Безъ сомнѣнія отъ тогоже тайнаго учителя еврея и его сообщниковъ [2]).

стырь на исцѣленіе, „нача глаголати *жидовски*, потомъ *римски*, таже *гречески*,“ какое языкознаніе дано было ему, предполагается, бѣсомъ. Но въ этомъ бѣсѣ языковѣдѣ, учителѣ нашего кіевлянина, нельзя ли предполагать какого либо захожаго сектанта, напр. іудео-христіанина, подобнаго учителю затворника Никиты? Бѣсноватость кіевлянина языковѣда не была ли такимъ же опытомъ прельщенія, какимъ было прельщеніе Никиты?

[1]) „В се же лѣто убьенъ бысть Глѣбъ, Святославль сынъ, въ Заволочьи... Сѣдящу в него мѣсто Святополку въ Новгородѣ“ и проч. Ипатская лѣт. подъ 1078 г.

[2]) Сказаніе производитъ ее не отъ Божьяго откровенія, а отъ внушенія тогоже мнимаго ангела или бѣса, Никитина учителя, въ которомъ мы признаемъ еврея или союзнаго съ евреями іудео-христіанина.

Итакъ мы встрѣчаемся здѣсь съ интереснымъ явленіемъ: евреи ранѣе всѣхъ узнаютъ объ убіеніи новгородскаго князя на далекомъ Заволочьи, спѣшатъ увѣдомить о томъ Изяслава, да еще заботливо совѣтуютъ поскорѣе слать въ Новгородъ Святополка на мѣсто убитаго Глѣба. Необходимо предположить, что во всемъ этомъ заключался для нихъ болѣе общій интересъ, помимо расчета на чудо прозрѣнія. Какой же? Начать съ того, что вѣсть объ убіеніи Глѣба была очень пріятною для Изяслава и Святополка. Они питали непріязнь къ Святославу и его сыновьямъ, считая ихъ своими врагами и виновниками своихъ недавнихъ несчастій. Святославъ въ 1073 г. отнялъ кіевскій столъ у Изяслава, который послѣ того скитался съ сыновьями по чужбинѣ, ища помощи противъ брата, но безуспѣшно, такъ что возвратился въ Русь и Кіевъ только по смерти Святослава въ 1076 г. Теперь принялся онъ отнимать удѣлы у сыновей Святослава для своихъ сыновей. Очередь доходила до Глѣба, котораго однако не легко было вытѣснить изъ Новгорода. И вотъ евреи, въ лицѣ посланца Никиты, спѣшатъ съ вѣстію къ Изяславу: „Глѣбъ убитъ, скорѣе посылай Святополка въ Новгородъ! Откуда такая услужливость Изяславу, заботливость о Святополкѣ? Очевидно, евреи были сторонниками этихъ князей, а это, конечно, потому, что сами пользовались ихъ благосклонностію, или въ ихъ интересахъ видѣли и свои интересы. О Святополкѣ извѣстно, что во время своего великокняженія онъ былъ союзникомъ евреевъ (о чемъ будетъ рѣчь ниже). Не былъ ли онъ союзникомъ ихъ и теперь? Не былъ ли такимъ союзникомъ отчасти и самъ Изяславъ? Кажется такъ. Изяславъ былъ въ очень дурныхъ отношеніяхъ съ кіевлянами. Еще въ 1068 г. они согнали его съ кіевскаго стола, возвели на его мѣсто Изяслава, разграбили при этомъ дворъ князя и въ немъ „безчисленное множество злата, сребра и купами и скорою.“ Изяславъ пришелъ на нихъ съ чужестранцами ляхами, кіевляне грозили зажечь городъ и уйти въ Грецію. По прось-

бѣ братьевъ, Изяславъ обѣщалъ не мстить, но за него жестоко отмстилъ сынъ его Мстиславъ: однихъ изсѣкъ, другихъ ослѣпилъ, иныхъ погубилъ безъ вины. Въ свою очередь кіевляне мстили Изяславу тайнымъ побиваніемъ союзниковъ его ляховъ, а потомъ помогли братьямъ вторично изгнать его изъ Кіева, такъ что онъ, какъ сказано, скитался съ сыновьями по чужбинѣ до смерти Святослава въ 1076 г. При такихъ крайне дурныхъ отношеніяхъ къ своимъ, къ кіевлянамъ, Изяславъ, какъ часто бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, способенъ былъ сближаться съ чужими, съ чужестранцами, къ которымъ принадлежали въ Кіевѣ евреи. Далѣе, Изяславъ два раза былъ совершенно ограбленъ: разъ кіевлянами, другой разъ ляхами въ Польшѣ; въ бесѣдѣ съ Всеволодомъ онъ горько жаловался на полное разореніе свое. Онъ слѣд. крайне нуждался въ деньгахъ, нуждался поэтому въ евреяхъ, запасливыхъ деньгами, промышлявшихъ ростовщичествомъ. Подолгу проживая въ Польшѣ, онъ и тамъ могъ замѣтить важное значеніе евреевъ какъ придворныхъ факторовъ или мастеровъ по денежной части [1]), и въ виду этого прибѣгнуть къ ихъ услугамъ и въ Кіевѣ. За то въ свою очередь Изяславъ вѣроятно, оказывалъ благосклонность евреямъ, покровительство ихъ торговлѣ, промысламъ [2]). Вообще личность Изяслава предста-

---

[1]) Нумизматамъ извѣстны польскія монеты XII в., носящія еврейскія надписи имени короля Мешко или Мечислава. Изслѣдователи, по поводу ихъ, утверждаютъ, что евреи въ древней Польшѣ завѣдывали чеканкою монеты, по порученію или монополіи отъ двора, что эти еврейскія монеты имѣли законный ходъ, наравнѣ съ другими (А. Я. Гаркави, о языкѣ евреевъ, жившихъ въ древнее время на Руси. Приложеніе III. Объ еврейско-польскихъ монетахъ). Такое отношеніе евреевъ къ монетному дѣлу естественно родилось изъ ранѣе опредѣлившагося значенія евреевъ, какъ людей по преимуществу денежныхъ, у которыхъ деньги главная собственность и главный промыселъ, которые поэтому знатоки по денежной части.

[2]) Въ разсказѣ лѣтописи о первыхъ дѣйствіяхъ Изяслава по занятіи имъ съ ляшскою помощію Кіева въ 1069 году встрѣчается одно довольно загадоч-

ляется несчастною. Хотя лѣтопись, по поводу смерти его, и старается защитить его отъ нареканій тяготѣвшихъ на немъ въ общественномъ мнѣніи кіевлянъ; но болѣе правдивый Іаковъ мнихъ (въ посланіи къ Изяславу) даетъ понять, что князь этотъ, кромѣ промаховъ и неудачъ политической жизни своей, извѣстенъ былъ еще разными слабостями въ частной жизни, каковы: запойство и блудъ [1]). Такой князь былъ на руку евреямъ, мастерамъ эксплоатировать подобныхъ людей. На руку имъ былъ и Святополкъ, также подпадавшій разнымъ слабостямъ. Они держатъ сторону этихъ князей, поддерживаютъ интересы ихъ въ видахъ поживы отъ выигрыша послѣднихъ.

Какъ сторонники Изяслава и Святополка, евреи уже потому самому были противниками непріязненной имъ фамиліи Святослава, въ особенности самаго Святослава, врага

ное извѣстіе, стоящее, въ частности, между извѣстіями о жестокой расправѣ сына его съ кіевлянами, побиваніи послѣдними союзниковъ Изяслава ляховъ, распущенныхъ на покормъ и прогнаніи имъ изъ Полоцка бывшаго избранника кіевлянъ Всеслава: „*Изяславъ же изна торгъ на гору*". Самое выраженіе *изгна*, связь, въ какой поставлено извѣстіе объ этомъ изгнаніи, даютъ понять, что оно было новою карательною мѣрою въ отношеніи къ кіевлянамъ, державшимъ торгъ на Подолѣ, изгнанный теперь княземъ на гору, на нагорную часть города. Если такъ, то оно вмѣстѣ съ тѣмъ было покровительственною мѣрою въ отношеніи къ тѣмъ, которые держали торгъ на горѣ, а здѣсь жили и держали торгъ и евреи, какъ то видно изъ лѣтописи (подъ 1113, 1124 и 1151 годами) и извѣстія о хожденіяхъ Ѳеодосія къ евреямъ *въ городъ*, подъ которымъ разумѣлась тогда именно нагорная часть Кіева. Съ закрытіемъ подольскаго рынка торговцевъ кіевлянъ увеличивались выгоды нагорнаго рынка евреевъ, подлѣ которыхъ не легко было заново обзаводиться своимъ рынкомъ прогнаннымъ съ Подола торговцамъ. Впрочемъ изгнаніе торга на гору могло имѣть и другую цѣль — усилить надзоръ за нимъ, надежнѣе взимать торговыя пошлины Это доказывало бы однакоже, что Изяславъ вообще интересовался торговыми доходами.

[1]) По лѣтописи, кіевляне горько оплакивали Изяслава, когда онъ убитъ былъ на сраженіи въ 1079 г. Это естественно. Народъ не злопамятенъ и легко поддается жалости къ тѣмъ, отъ которыхъ страдалъ, если и ихъ постигаютъ несчастія.

Изяслава, и Глѣба, соперника Святополка. Надо полагать, что Святославъ и Глѣбъ также не были благосклонны къ евреямъ. Святославъ, болѣе Изяслава свѣдущій и твердый въ вѣрѣ, не могъ относиться къ иновѣрцамъ такъ, какъ этотъ послѣдній [1]). Скорѣе былъ онъ способенъ быть ревнителемъ своей вѣры и уже потому не долюбливать иновѣрцевъ, въ томъ числѣ и евреевъ. Когда, въ союзѣ съ кіевлянами, онъ изгналъ Изяслава изъ Кіева и сталъ княжить здѣсь, то едва ли оставался въ невѣдѣніи о вѣроятныхъ покровительственныхъ отношеніяхъ Изяслава къ здѣшнимъ евреямъ, обидныхъ для кіевлянъ, а въ такомъ случаѣ естественно располагался къ противоположному образу дѣйствій въ отношеніи къ евреямъ, тѣмъ болѣе, что не нуждался, какъ Изяславъ, въ ихъ денежныхъ услугахъ, будучи самъ очень богатъ. Дружный съ преп. Ѳеодосіемъ въ послѣднее время жизни его до такой степени, что тотъ въ предсмертной бесѣдѣ съ княземъ ввѣрялъ его опекѣ свою обитель, Святославъ могъ даже узнать отъ Ѳеодосія о тайныхъ соблазнахъ со стороны кіевскихъ евреевъ, вызывавшихъ преподобнаго къ тайнымъ хожденіямъ на пренія съ ними. А въ такомъ случаѣ Святославъ считалъ своимъ долгомъ и самъ такъ или иначе противодѣйствовать имъ. Въ такіе виды могъ входить и Глѣбъ, живавшій при отцѣ въ Кіевѣ, бывшій съ нимъ у Ѳеодосія въ предсмертныя минуты послѣдняго [2]). Слѣдуетъ припомнить еще, что Глѣбъ два раза княжилъ въ Тмутаракани, и въ послѣдній разъ призванъ сюда на княженіе самими жителями города, т. е. славяно-русскою частію ихъ. Они присылали за нимъ инока Никона, который, какъ думаемъ, былъ родомъ изъ Тмутаракани,

---

[1]) Изяславъ нуждался въ предостереженіи со стороны Ѳеодосія о томъ, чтобы онъ не засматривался, не заслушивался на другія вѣры; онъ является вообще малосвѣдущимъ въ вѣрѣ. Святославъ извѣстенъ книголюбіемъ, которое тогда служило признакомъ и знанія и твердости въ дѣлѣ вѣры.

[2]) Въ „Житіи Преп. Ѳеодосія".

подобно Иларіону, потомъ перешелъ въ Кіевъ, гдѣ въ слѣдъ за Антоніемъ поселился въ Иларіоновой пещерѣ, за тѣмъ не разъ ходилъ на свою родину, гдѣ основалъ свой монастырь по примѣру печерскаго, и гдѣ безъ сомнѣнія велъ дружбу съ Глѣбомъ, котораго самъ привелъ на княженіе въ Тмуторакань. Припомнимъ теперь, что Тмуторакань была нѣкогда жидовскимъ городомъ, что городъ этотъ вѣроятно и теперь, какъ во время Иларіона, былъ еще довольно переполненъ жидами, что здѣсь поэтому въ христіанскомъ славяно-русскомъ населеніи жива была старая антипатія къ нимъ, и борьба съ жидовствомъ была однимъ изъ живыхъ религіозно-общественныхъ интересовъ. Князь, избранникъ этого населенія, безъ сомнѣнія былъ на сторонѣ его интересовъ и усвоилъ его антипатію къ жидамъ, тѣмъ болѣе, что въ лѣтописи онъ представляется усерднымъ къ вѣрѣ и церкви [1]), что онъ имѣлъ другомъ Никона Печерскаго, который зналъ Иларіона и Θеодосія, зналъ конечно и раздѣлялъ антагонистическое настроеніе ихъ противъ жидовъ. Слѣдуетъ прибавить, что пылкій князь способенъ былъ къ энергическимъ мѣрамъ противъ враговъ вѣры и церкви, какъ показываетъ поступокъ его въ Новгородѣ съ однимъ изъ волхвовъ, хулившихъ хр. вѣру и мутившихъ народъ [2]). Такой князь могъ задать страхъ и кому либо изъ евреевъ, попавшихся если не въ хуленіяхъ на христіанство, то вообще въ дѣйствіяхъ непріязненныхъ или обидныхъ для христіанъ. По всему этому намъ кажется, что Глѣбъ Святославичъ былъ извѣстенъ евреямъ съ невыгодной для нихъ стороны, и они поэтому рады были дождаться гибели его и услышать о ней.

Если наши предположенія о сторонническихъ отношеніяхъ евреевъ къ Изяславу и Святополку и непріязненныхъ—къ Святославу и Глѣбу имѣютъ правдоподобность; то ими весьма удобно выясняется тотъ загадочный фактъ

[1]) Бѣ же Глѣбъ милостивъ на убогія и страннолюбивъ, тщаніе имѣя къ церквамъ, теплъ на вѣру. Ипатская лѣт. подъ 1078 г.

[2]) Тамъ же подъ 1071 г.

въ сказаніи о Никитѣ, что учившій его еврей такъ скоро свѣдалъ объ убіеніи Глѣба на далекомъ Заволочьи, и чрезъ Никиту поспѣшно далъ знать о томъ Изяславу съ совѣтомъ скорѣе посылать Святополка на мѣсто Глѣба. Еврей этотъ дѣйствовалъ тутъ, конечно, не одинъ, а съ сообщниками изъ своихъ собратій въ Кіевѣ. Здѣсь возникаетъ вопросъ: какимъ образомъ кіевскіе евреи такъ быстро получили изъ Новгорода вѣсть объ убіеніи Глѣба? По сказанію о Никитѣ, онъ узналъ объ убіеніи Глѣба въ самый день событія. Объясняя эту прозорливость откровеніемъ отъ учителя его мнимаго ангела или бѣса, сказатель замѣчаетъ, что бѣсы вообще не имѣютъ прозрѣнія, но знаютъ напередъ тѣ злыя дѣла, какія сами хотятъ сдѣлать или дѣлаютъ. Ставя на мѣсто учителя бѣса—учителя еврея, мы могли бы поэтому допустить, что евреи—такъ или иначе участвовали въ заговорѣ противъ князя, устроенномъ кѣмъ либо изъ союзныхъ съ ними недоброжелателей князя, потому и могли ранѣе всѣхъ узнать въ Кіевѣ объ этомъ убіеніи, узнать самый день, въ какой оно совершено [1]). Не считая немыслимымъ какого либо участія евреевъ въ заговорѣ противъ Глѣба, мы однако же не поддаемся подобному, такъ сказать, отважному предположенію и находимъ болѣе простой отвѣтъ на сейчасъ поставленный вопросъ. То, будто Никита, по откровенію отъ своего

[2]) Ипатская лѣтопись глухо выражается объ убіеніи князя Глѣба: „въ се же лѣто убьенъ бысть Глѣбъ, Святославль сынъ, въ Заволочьи“. Обстоятельнѣе передается объ этомъ въ новгородскихъ извѣстіяхъ: и посла Святославъ сына своего Глѣба въ Новгородъ, и выгнаша (его) изъ города, и бѣжа за Волокъ и убиша й Чудь (Соловьева, исторія Россіи, т. II, примѣч. 65)“. Итакъ убіенію предшествовало возмущеніе противъ князя въ Новгородѣ и изгнаніе его изъ города. Можно думать, что это возмущеніе было дѣломъ не всего Новгорода, а извѣстной партіи въ немъ, партіи однакоже сильной. Партія эта держалась вѣроятно съ той поры, когда въ Новгородѣ, по случаю появленія волхва, „бысть мятежъ великъ вельми и городъ раздѣлился на двое: князь Глѣбъ и дружина его сташа за епископа, а людіе вси идоша за волхва“. (Ипатская лѣт. подъ 1071 г.). Это была партія приверженцевъ стараго язычества, подущаемая волхвами, которые помнили, какъ нѣкогда расправлялись съ собратіями ихъ самъ Глѣбъ въ Новгородѣ и воевода отца его Святослава на Бѣлозерѣ, и которые могли имѣть и новыя поводы къ озлобленію противъ такого князя, какимъ былъ Глѣбъ ревнитель вѣры, врагъ стараго язычества. Правда, при такомъ предположеніи о характерѣ мятежа противъ Глѣба въ Новгородѣ, страннымъ представляется

учителя бѣса, узналъ объ убіеніи *въ самый день его*, есть черта легендарнаго пересказа о событіи. Вѣсть о немъ пришла въ Кіевъ, конечно не въ тотъ же день, а чрезъ столько дней, сколько требовалось для передачи этой вѣсти изъ Заволочья и Новгорода въ Кіевъ. Но она все таки пришла такъ быстро, что быстрота эта казалась чудомъ. То, что эта вѣсть и пришла прежде всего именно къ евреямъ, въ частности къ учителю Никиты, когда въ Кіевѣ еще никто другой не зналъ о событіи, ни самъ князь Изяславъ, мы объясняемъ издавна извѣстнымъ искуствомъ евреевъ добывать нужныя или выгодныя имъ вѣсти, новости[1]). Въ данномъ случаѣ необходимо предположить, что кіевскіе евреи имѣли знакомцевъ или пріятелей въ Новгородѣ, какими могли быть напр. факторы по ихъ торговымъ дѣламъ съ Новгородомъ изъ самихъ же евреевъ[2]). Получивъ отъ нихъ желанную вѣсть, зная цѣну ея для Изяслава и Святополка, евреи и спѣшатъ передать ее первому, притомъ съ совѣтомъ скорѣе слать послѣдняго въ Новгородъ [3]). Непосредственною цѣлію такой услуги со стороны евреевъ было, какъ сказано, оказать поддержку интересамъ

бѣгство его именно къ Чуди Заволоцкой, переполненной язычниками и волхвами, куда ходили къ волхвамъ для гаданій даже изъ Новгорода. Но это бѣгство, если не было просто неудачнымъ шагомъ со стороны Глѣба, то могло быть и послѣдствіемъ чьихъ либо предательскихъ внушеній: въ Чуди князя ждала смерть, ждали убійцы изъ Чуди, изъ здѣшнихъ язычниковъ. Такимъ образомъ мы возвращаемся къ предположенію, что все дѣло Глѣба было дѣломъ заговора противъ него со стороны приверженцевъ язычества, заговора, начатаго въ Новгородѣ, довершеннаго въ Чуди Заволоцкой. А въ заговорѣ языческомъ могли принять участіе и другіе враги христіанства, какъ евреи, извѣстные и въ христіанской имперіи своимъ союзничествомъ съ язычниками противъ христіанства.

[1]) Читатель замѣчаетъ, что евреямъ XI в. мы нерѣдко усвояемъ тѣже типическія черты нравственно-соціальнаго быта, какими они извѣстны въ ближайшія къ намъ времена. Но подобный пріемъ повѣрки прошедшаго настоящимъ особенно примѣнимъ къ евреямъ, типическія черты которыхъ сложились такъ давно и устойчиво.

[2]) Если въ XII вѣкѣ евреи бывали во Владимирѣ на Клязьмѣ, городѣ менѣе торговомъ, чѣмъ Новгородъ, то что удивительнаго, что они бывали въ XI вѣкѣ въ болѣе торговомъ Новгородѣ?

[3]) Этотъ совѣтъ—скорѣе слать въ Новгородъ Святополка представляетъ такую черту сказанія, которая способна внушать довѣріе къ фактической сторонѣ всего сказанія.

этихъ князей, какъ своихъ милостивцевъ, покровителей, быть можетъ, должниковъ, а слѣд. и собственнымъ интересамъ. Но учитель Никиты, конечно, главный вожакъ дѣла, присоединяетъ къ тому мистификацію, эксплуатируя его въ интересахъ своей тайной пропаганды.

Когда вѣсть объ убіеніи Глѣба подтвердилась, и фактъ прозорливости Никиты получилъ огласку, къ прозорливцу стали приходить князья и бояре, и теперь то онъ развернулъ свою мудрость въ состязаніяхъ, обнаруживая изумительное знаніе книгъ жидовскихъ, опираясь исключительно на нихъ и чуждаясь книгъ христіанскихъ. Безъ сомнѣнія, и самое ученіе, какое проявлялось Никитой въ этихъ состязаніяхъ, было ученіемъ если не вполнѣ жидовскимъ, то полужидовскимъ, іудео-христіанскимъ. Чудесный даръ прозорливости имѣлъ служить доказательствомъ истинности и святости этого ученія. Какіе князья приходили слушать Никиту и его мудрыя состязанія и ученіе? Безъ сомнѣнія, въ числѣ ихъ и даже первыми изъ нихъ были Изяславъ и Святополкъ. Чудо прозрѣнія непосредственно касалось ихъ интереса, въ пору открывая путь Святополку къ новгородскому столу и освящая право его на этотъ столъ. Изяславъ и Святополкъ съ радостію должны были признать это чудо, повѣрить ему. А это само собою имѣло предрасположить ихъ въ адепты самаго ученія чудеснаго прозорливца, а слѣд. и ученія его тайнаго учителя, ученія жидовскаго или жидовствующаго [1]). Выше было замѣчено, что Ѳеодосій считалъ нужнымъ вразумлять Изяслава, по поводу высказаннаго имъ іудейскаго мнѣнія объ образѣ празднованія вос-

---

[1]) Что евреи умѣли сочинять чудеса предсказаній для обращенія на свою сторону, для увлеченія въ какія либо дѣла владѣтельныхъ лицъ, на это можно найти примѣры въ исторіи. О Калифѣ Езидѣ разсказывается въ хроникѣ Ѳеофана, будто какой-то еврей обѣщалъ ему 30 лѣтъ царствованія, если онъ истребитъ иконы. Между прочимъ, предсказаніямъ евреевъ, дошедшимъ до Льва Исавра, приписывалось то, что онъ отъ гоненія на евреевъ перешелъ къ гоненіямъ на иконопочитателей. Учители нашихъ жидовствующихъ XV в. также гадали.

кресного дня, что это мнѣніе было возбуждено въ немъ какимъ либо іудеемъ, хвалившимся строгостію празднованія іудеями своей субботы или іудео-христіаниномъ, который хвалилъ такое празднованіе воскреснаго дня и самъ держался его. Учитель Никиты разсчитывалъ съ помощію чуда прозрѣнія достичь болѣе рѣшительнаго вліянія на князя въ пользу своего ученія. Успѣхъ мистификаціи съ прозорливостію и іудейскою мудростію Никиты имѣлъ вести къ дальнѣйшимъ шагамъ въ дѣлѣ пропаганды, утверждавшей точки опоры разомъ въ двухъ важнѣйшихъ средахъ: при дворѣ князя и въ печерской обители. Въ случаѣ удачи затѣяннаго дѣла, въ Кіевѣ могло бы возникнуть явленіе, если не тожественное, то довольно сходное съ позднѣйшею ересію жидовствующихъ, десятки лѣтъ волновавшею Новгородъ и Москву. Но мистификація не совсѣмъ удалась. Въ томъ же 1078 году Изяславъ убитъ въ войнѣ съ братомъ Глѣба Олегомъ Святославичемъ и союзникомъ его Борисомъ Вячеславичемъ. Этого событія, какъ видно, уже не предсказалъ прозорливецъ, не угадалъ его учитель, а между тѣмъ оба они потеряли въ Изяславѣ своего покровителя. То и другое дало толчокъ или только новый просторъ реакціи въ мнѣніи о Никитѣ, которая, надо полагать, существовала съ самаго начала его религіозныхъ состязаній, смущавшихъ тою странностію, что прозорливецъ и мудрецъ опирается только на Ветхій Завѣтъ, на жидовскія книги и не хочетъ знать Новаго Завѣта, книгъ христіанскихъ. Это неслыханное явленіе, граничившее съ антихристіанствомъ, встревожило печерскую братію, омрачая честь ея: за Никитой стали слѣдить, мнимый ангелъ не смѣлъ болѣе показываться къ затворнику, и все дѣло, въ духѣ понятій времени, признано бѣсовскимъ обольщеніемъ, для исцѣленія отъ котораго собрался для общей молитвы о Никитѣ цѣлый соборъ братій, съ игуменомъ Никономъ во главѣ. Но очень возможно, что по крайней мѣрѣ нѣкоторымъ болѣе представительнымъ изъ братій осталось не безъизвѣстнымъ, кто

именно былъ орудіемъ бѣсовскаго обольщенія для Никиты, что и самъ онъ понялъ и открылъ это, когда пришелъ въ чувство и раскаяніе, что вообще осталось не безъизвѣстнымъ, что въ дѣлѣ Никиты печерская обитель встрѣчается съ замысломъ пропаганды со стороны тѣхъ жидовъ или жидовствующихъ, съ которыми за нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ имѣлъ дѣло и самъ Ѳеодосій. Отцы печерскіе не ограничились тѣмъ, что привели Никиту въ чувство и раскаяніе; они сочли нужнымъ научить его грамотѣ, чтобы чтеніемъ хр. книгъ онъ просвѣтился и утвердился въ вѣрѣ. Никита предался новому подвигу съ такою ревностію, что въ послѣдствіи удостоился епископства въ Новгородѣ. Если понято было въ печерской обители участіе жидовской пропаганды въ дѣлѣ Никиты, то могли послѣдовать и какія либо болѣе общія мѣры противъ нея. Этого слѣдовало ожидать особенно отъ самаго игумена Никона, сподвижника Ѳеодосіева, помнившаго свои отношенія къ князю Глѣбу по Тмутаракани, изъ которой онъ недавно предъ тѣмъ и возвратился въ Кіевъ на печерское игуменство. Болѣе другихъ могло занять его убіеніе близкаго къ нему князя, какъ матеріалъ для бѣсовскаго или точнѣе жидовскаго чуда прозорливости, болѣе другихъ долженъ былъ онъ озаботиться пресѣченіемъ соблазна, грозившаго дѣломъ Никиты, котораго не умѣлъ игуменъ удержать отъ затвора.

Третій разсказъ патерика вводитъ насъ въ анализъ еще одного явленія въ отношеніяхъ евреевъ къ русскимъ христіанамъ той эпохи, явленія уже намѣченнаго нами выше, но выступающаго яснѣе въ разсказѣ патерика: это торговля евреевъ невольниками и плѣнниками изъ русскихъ христіанъ. На переходѣ къ этому разсказу слѣдуетъ остановиться впрочемъ на одномъ важномъ извѣстіи, могущемъ служить къ поясненію и разсказа патерика. Это свидѣтельство м. Іоанна II (1077—1088) о томъ, что въ его время существовалъ у русскихъ христіанъ обычай своихъ же братій по вѣрѣ продавать въ рабство иновѣрцамъ, въ томъ

числѣ и евреямъ. Обычай подобный существовалъ и въ другихъ славянскихъ земляхъ, напр. въ Чехіи и Польшѣ. Такъ біографы Пражскаго епископа Войцѣха—Адальберта Іоаннъ Канапаръ и Бруно сообщаютъ, что епископъ этотъ сильно боролся съ обычаемъ Чеховъ продавать христіанъ евреямъ, истощилъ свои средства на выкупъ продаваемыхъ, но не могъ всѣхъ выкупить, и это было одной изъ причинъ, по которымъ огорченный епископъ рѣшился покинуть Прагу и удалился въ Римъ [1]). Въ Польшѣ ревностію къ выкупу христіанъ, продаваемыхъ евреямъ, прославилась жена Владислава Германа Іудита († 1085 г.), какъ передается въ хроникѣ Галла [2]). Какъ для Чехіи и Польши, такъ и для Руси существованіе указаннаго обычая служитъ однимъ изъ осязательныхъ доказательствъ низкаго уровня христіанскаго развитія ихъ, слабаго вліянія христіанства на соціальныя отношенія въ еще молодыхъ христіанскихъ обществахъ этихъ странъ. Но съ какой поры явился и въ какой мѣрѣ развитъ былъ въ Руси указанный обычай? Безъ сомнѣнія, онъ былъ наслѣдіемъ языческой Руси, гдѣ, какъ выше говорено было, „челядь“ (т. е. рабы) считалась однимъ изъ видныхъ предметовъ, такъ сказать, отпускной торговли ея и уже по тому самому должна была попадать и въ руки евреевъ, торговавшихъ въ Кіевѣ или съ Кіевомъ. Можно однакоже полагать, что со времени Владимира въ Руси, уже христіанской, еврейскій промыселъ въ торговлѣ рабами—христіанами не могъ развиться такъ сильно, какъ то было напр. въ Чехіи, судя по разсказу о Войцѣхѣ. Мы за-

---

1) Указывая три причины, побудившія Войцѣха удаляться изъ Праги, Канапаръ говоритъ: tertia propter captivos et mancipia christianorum, quos mercator Iudaeus infelici auro emerat, emptosque tot episcopus redimere non potuit. Бруно выражается объ этой же причинѣ такъ: mancipia christiana perfidis Iudaeis vendebant (Чехи). Aug. Bieliowskj, Monumenta Poloniae historica. T. I, p. 169 и 197. Lwov. 1864 г.

2) Multos christianos de servitute Iudaeorum suis facultatibus redimebat. Тамъ же, стр. 429.

мѣчали, что греки—епископы, съ которыми Владимиръ любилъ совѣтоваться объ устроеніи земли и церкви, о земскихъ и церковныхъ уставахъ, не преминули конечно познакомить его съ практикою Византіи, гдѣ гражданскими и церковными законами строго запрещено было евреямъ покупать и держать у себя рабовъ—христіанъ. На этотъ разъ практика Византіи согласовалась и съ собственнымъ настроеніемъ Владимира, ц вопервыхъ потому, что, заботясь о насажденіи въ русскомъ народѣ единой христіанской вѣры, онъ долженъ былъ устранять помѣхи этому дѣлу со стороны еврейства, мечтавшаго въ его время о своей пропагандѣ на Руси, во вторыхъ потому, что еврейское рабовладѣльчество надъ христіанами могло возмущать сильное въ князѣ чувство хр. милосердія. Въ числѣ дѣлъ этого милосердія, отличавшихъ Владимира, Иларіонъ ставитъ и то, что онъ „выкупалъ изъ неволи рабовъ и плѣнныхъ“. Онъ могъ выкупать ихъ и у евреевъ, какъ то дѣлали Войцѣхъ въ Чехіи и Іудита въ Польшѣ, но, какъ государь, могъ сдѣлать болѣе, чѣмъ эти послѣдніе, могъ именно не дозволять евреямъ покупать и держать у себя христіанъ невольниковъ, слѣдуя въ этомъ отношеніи практикѣ Византіи.

О Кіевѣ въ послѣдніе годы Владимира извѣстно свидѣтельство Титмара, что населеніе его въ значительной части состояло изъ бѣглыхъ рабовъ, отовсюду стекавшихся сюда [1]). Еслибы можно было придавать значеніе этому свидѣтельству, то можно было бы также заключить, что это скопленіе въ Кіевѣ бѣглыхъ рабовъ было послѣдствіемъ гу-

---

[1]) In magna hac civitate... populi ignota manus, quae sicut omnis haec provincia ex fagitivorum robore servorum huc undique confluentium et maxime ex velocibus Danis. Тамъже, стр. 318. Извѣстно оригинальное толкованіе Лелевелемъ выраженія-velocibus Danis, которое онъ переводитъ Juifs—courtiers—*евреи маклеры,* на которомъ однако не стоитъ останавливаться, какъ ни заманчиво оно въ томъ смыслѣ, что даетъ представленіе о широко развитомъ торговомъ факторствѣ евреевъ въ Кіевѣ въ вѣкъ Владимира.

манно-христіанской практики Владимира, что онъ не только выкупалъ рабовъ и плѣнныхъ, поощрялъ къ тому другихъ, но и вообще покровительствовалъ невольникамъ, убѣгавшимъ отъ своихъ владѣльцевъ, особенно если эти послѣдніе были изъ невѣрныхъ, напр. евреевъ—кіевскихъ ли то, или хозарскихъ, таврическихъ. Во всякомъ случаѣ вѣроятнымъ остается то, что при Владимирѣ, благодаря его хр. ревности и гуманно-христіанскому характеру, торговля христіанами не была въ такой силѣ, какъ напр. въ Чехіи, при современникѣ его Войцѣхѣ. Практика эпохи Владимира служила примѣромъ и для послѣдующаго времени, времени Ярослава и отчасти его сыновей. Ни Иларіонъ, ни Ѳеодосій не упоминаютъ о продажѣ христіанъ евреямъ, а они, если бы такая продажа была въ ходу, не пропустили бы упомянуть о ней, вооружиться противъ нея, потому что оба имѣли очень удобные случаи къ тому, особенно Ѳеодосій, обличавшій разные противные христіанству обычаи современниковъ, касавшійся вопросовъ объ отношеніи къ иновѣрцамъ, въ частности и къ жидамъ, имѣвшій и личныя столкновенія съ ними. Первое опредѣлительное свидѣтельство о продажѣ христіанъ иновѣрцамъ, въ томъ числѣ и евреямъ, принадлежитъ у насъ именно м. Іоанну II. Въ 22-мъ изъ своихъ каноническихъ правилъ онъ говоритъ: „противъ тѣхъ, которые, купивъ себѣ слугъ, имѣютъ съ ними общеніе въ молитвѣ и потомъ продаютъ ихъ къ поганымъ, законъ говоритъ: христіанина человѣка не должно продавать *ни жидовину*, ни еретику; кто продаетъ *жидамъ*, тотъ беззаконникъ. Купецъ, который освятилъ купленныхъ имъ слугъ молитвою и крещеніемъ, а потомъ продалъ поганымъ, творитъ явное похищеніе у Бога и согрѣшаетъ вмѣстѣ съ ними, которые гнали нашу вѣру и многихъ привели и къ невѣрію. Нужно всячески наставлятъ такихъ купцевъ и, если не послушаютъ, имѣть ихъ какъ язычниковъ и мытарей [1]). Въ виду

---

[1]) Преосв. Макарія Истор. Русской Церкви Т. 2. стр. 267.

того, что Іоаннъ первый и притомъ такъ строго, съ угрозою отлученія, вооружается противъ продажи христіанъ невѣрнымъ, въ особенности евреямъ, надо полагать, что эта продажа, бывшая прежде рѣдкою, можетъ быть тайною, теперь, ко времени Іоанна, значительно усилилась, выступила открыто. И если такъ, то понятно-почему. Къ этому времени усобицы княженія были уже въ полномъ разгарѣ, перемѣжаясь набѣгами половцевъ, которыхъ приводили на русскую землю нерѣдко сами князья. У воюющихъ накоплялся запасъ плѣнныхъ, въ видѣ добычи, которыхъ они и продавали, какъ и всякую другую добычу, какъ захваченныя пожитки, какъ угнанный скотъ. Накоплялся товаръ, въ томъ числѣ и живой товаръ изъ людей, множились и покупщики. Усобицы княжескія деморализировали и безъ того еще не твердое христіанское сознаніе русскихъ людей. Не стѣснялся князь заодно съ погаными половцами грабить и полонить русскихъ христіанъ, не стѣснялся и купецъ покупать плѣнныхъ христіанъ и перепродавать ихъ невѣрнымъ евреямъ. Князь, усердно строившій храмы въ своей области, заодно съ половцами грабилъ храмы въ области сосѣда. Купецъ, покупая не крещенныхъ, сперва, какъ христіанинъ, крестилъ ихъ, потомъ, какъ купецъ, продавалъ невѣрнымъ, забывая, что этимъ разрушаетъ свое дѣло... Далѣе изъ 22 и 28 правилъ Іоанна видно, что попадавшіе въ плѣнъ и рабство русскіе христіане могли волею или неволею отпадать и отъ своей вѣры въ невѣріе, въ вѣру своихъ не христіанскихъ владѣльцевъ. Наконецъ изъ словъ Іоанна слѣдуетъ заключать, что, кромѣ евреевъ, были на Руси и другіе инородные покупщики христіанъ, и это, всего вѣроятнѣе, мусульманскіе купцы изъ болгаръ и сарацинъ. Но главными изъ иновѣрныхъ торговцевъ, занимавшихся куплею русскихъ христіанъ, были все таки евреи, потому что ихъ особенно и называетъ въ своемъ правилѣ Іоаннъ. Выше мы высказали предположеніе, что Изяславъ Ярославичъ во время своего великокняженія былъ съ своимъ сыномъ Святополкомъ покровителемъ евре-

евъ и еврейской торговли въ Кіевѣ. Если такъ, то это обстоятельство могло имѣть ближайшее вліяніе и на усиленіе еврейской торговли людьми во время этого князя, которое въ свою очередь вызвало противодѣйствіе ей со стороны м. Іоанна, прибывшаго въ Кіевъ именно въ концѣ его княженія.

Остается спросить: имѣло ли какую либо практическую силу правило Іоанна II противъ продажи христіанъ невѣрнымъ, въ особенности евреямъ? Необходимо допустить это. Іоаннъ II пользовался такою извѣстностію, такимъ уваженіемъ у современниковъ, какъ ни одинъ изъ прежнихъ митрополитовъ грековъ. „Былъ онъ, по лѣтописи, мужъ сильный въ книгахъ и ученіи, милостивъ къ убогимъ и вдовамъ, ласковъ ко всякому, богатому и бѣдному, смиренный и кроткій, но рѣчистъ въ назиданіи, утѣшалъ святыми книгами людей печальныхъ: такого не было прежде на Руси, не будетъ такого и потомъ“! заключаетъ лѣтопись [1]). Голосъ такого святителя, возвышенный противъ постыдной продажи христіанъ невѣрнымъ, не могъ остаться безъ силы, тѣмъ болѣе что онъ выставилъ противъ нея положительный церковный и гражданскій законъ, дѣйствовавшій въ Византіи [2]), что беззаконнымъ продавцамъ грозилъ отлученіемъ, равняя ихъ съ язычниками. Митрополитъ могъ найти поддержку своему дѣлу въ представительныхъ силахъ среды, напр. въ печерскомъ монастырѣ, теперь именно настроенномъ противъ жидовства дѣломъ Никиты, въ самомъ великомъ князѣ, преемникѣ Изяславѣ, Всеволодѣ. Онъ извѣстенъ своимъ образованіемъ, зналъ языкъ греческій, былъ въ родствѣ съ византійскимъ дворомъ и уже потому былъ близокъ и съ митрополитомъ грекомъ, былъ наклоненъ дать

---

[1]) Лѣт. по Ипатск. списку. Спб. 1871. стр. 146.

[2]) Іоаннъ выражается: *„законъ говоритъ:* человѣка христіанина не должно продавать ни жидовину, ни еретику“. Безъ сомнѣнія, онъ разумѣетъ здѣсь греческій номоканонъ, тогда уже извѣстный на Руси.

и въ Руси силу тому греческому закону противъ продажи христіанъ евреямъ, на который ссылался митрополитъ.

Но если въ Кіевѣ и внутри Руси евреямъ стало теперь труднѣе покупать русскихъ христіанъ, то это оставалось удобнымъ для нихъ у границъ Руси, и далѣе на рынкахъ Тавриды. Продавцевъ они имѣли въ степныхъ кочевникахъ половцахъ, которые захватывая въ плѣнъ русскихъ христіанъ, пригоняли ихъ къ рынкамъ Тавриды или сбывали заходившимъ къ нимъ еврейскимъ факторамъ. Въ лѣтописи подъ 1093 годомъ ярко представлена картина русскихъ плѣнныхъ, угоняемыхъ половцами въ неволю: „Мучимые холодомъ, голодомъ, жаждою, съ поблекшими лицами, почернѣлымъ тѣломъ, шли они невѣдомою страною нагіе, босые, съ исколотыми терніемъ ногами, со слезами разсказывая другъ другу: я изъ такого-то города, я изъ такого-то села, вспоминая родичей своихъ, возводя очи на небо къ Всевышнему". За этимъ слѣдовало иногда нѣчто еще худшее, какъ было именно въ 1096 году. Лѣтопись съ особеннымъ вниманіемъ останавливается на половецкомъ набѣгѣ этого года. 20 іюля половцы, съ Бонякомъ шолудивымъ во главѣ, внезапно напали на Кіевъ съ южной стороны. Опустошивъ монастыри Стефановъ на Кловѣ и Германовъ на Берестовѣ, они вторглись за тѣмъ въ Печерскій монастырь „въ ту пору, замѣчаетъ лѣтописецъ, когда мы послѣ заутрени почивали по кельямъ" Окаянные жгли, грабили по всему монастырю, вторглись въ самую церковь; грабя пожигая и разбивая все и здѣсь, ругались надъ христіанами, ихъ вѣрою; глумились надъ иконами, святынями. Нѣкоторые изъ братій монастыря были побиты, другіе захвачены въ плѣнъ. То обстоятельство, что главною цѣлію побѣга былъ, судя по разсказу лѣтописи, именно Печерскій монастырь, внезапность набѣга, расчитанная на послѣ заутренній покой братіи, не обычное степнымъ язычникамъ глумленіе надъ хр. вѣрою и святынею—все это даетъ нѣкоторый поводъ къ подозрѣнію, что въ дѣлѣ набѣга участво-

вало вліяніе какихъ-то наущниковъ, которые съ одной стороны знали порядки печерской обители, съ другой были озлоблены противъ послѣдней и фанатически враждебны христіанству. Если были такіе наущники, то ими могли быть не кто другой, какъ евреи, помнившіе Ѳеодосія, Никиту Затворника и Іоанна, знавшіе вообще, откуда происходитъ главная помѣха ихъ затѣямъ и торговымъ расчетамъ. Если они могли вмѣшиваться во внутреннія отношенія князей и прежде всѣхъ развѣдать и сообщить Изяславу объ убіеніи Глѣба на Заволочьѣ; то что удивительнаго въ томъ, что они не оставались безучастными и къ такому господствовавшему въ современномъ быту Руси явленію, какъ постоянныя набѣги половцевъ, имѣя при томъ въ виду корыстоваться изъ перекупки у этихъ хищниковъ ихъ добычи [1])? И замѣчательно, что въ данномъ случаѣ часть такой добычи дѣйствительно попала въ руки евреевъ. Объ этомъ, въ дополненіе къ лѣтописному разсказу о набѣгѣ 1096 г., сообщаетъ намъ слѣдующій разсказъ Патерика, объ Евстратіѣ Печерскомъ, принадлежащій Симону.

Евстратій родился въ Кіевѣ. былъ человѣкомъ богатымъ; но, роздавъ имѣніе частію бѣднымъ, частію роднымъ, поступилъ въ Печерскій монастырь еще при жизни Антонія и Ѳеодосія и за свое необыкновенное постничество полу-

---

[1]) Мы видѣли, что въ Византійской имперіи со времени Константина великаго существовало убѣжденіе, не разъ оправданное фактами, что евреи бывали поджигателями или поощрителями враждебныхъ хр. имперіи сосѣдей къ нападенію на ея предѣлы, что затѣмъ они спѣшили перекупать у нападавшихъ добычу ихъ—плѣнныхъ христіанъ. Эта многовѣковая, своеобразная, религіозно-національная политика евреевъ могла быть еще памятною въ преданіяхъ бывшихъ хазарскихъ и таврическихъ евреевъ, выходцевъ изъ Византіи, въ которыхъ господствомъ іудаизма въ Хазаріи поддержаны были претензіи на политическую роль, съ паденіемъ ея естественно смѣнявшіяся старой политикой враждебно-корыстнаго вмѣшательства въ политическія отношенія ближайшихъ странъ и народовъ.

чилъ отличительное названіе постника. Во время упомянутаго нападенія половцевъ на Кіевъ и Печерскій монастырь Евстратій взятъ былъ въ плѣнъ вмѣстѣ съ 30 печерскими работниками и 20 кіевлянами и всѣ они проданы херсонскому жиду. По сказанію Патерика, евреи въ эту пору были очень сильны въ Херсонѣ. Одинъ изъ почетныхъ и богатыхъ херсонскихъ евреевъ, принявъ крещеніе, достигъ должности херсонскаго епарха; но, оставаясь въ душѣ евреемъ, покровительствовалъ херсонскимъ евреямъ, далъ имъ свободу повсюду покупать христіанъ въ рабство. Еврей, купившій русскихъ плѣнниковъ, хотѣлъ обратить ихъ въ жидовство. Но Евстратій укрѣплялъ ихъ въ вѣрѣ, говоря: „братія! мы крестились и увѣровали въ Бога; не будемъ же отметниками нашихъ обѣтовъ, принятыхъ въ крещеніи, въ которомъ Христосъ искупилъ насъ отъ клятвы закона, возродилъ водою и духомъ, содѣлалъ сынами и наслѣдниками своими; аще умремъ, Господеви умремъ, исполняя долгъ бытія; если же умремъ за Христа, то смертію купимъ жизнь, и Онъ даруетъ намъ жизнь вѣчную". Спустя немного дней, плѣнники, истомленные голодомъ и жаждою, поумирали, одни чрезъ три дня, другіе чрезъ семь, болѣе крѣпкіе чрезъ десять. Одинъ Евстратій былъ живъ еще на четырнадцатый день, потому что съ молоду привыкъ къ посту. Еврей, видя, что монахъ этотъ былъ причиною потери золота, какое онъ еврей далъ за плѣнныхъ, былъ крайне раздраженъ и рѣшился выместить злость на Евстратіѣ. Дождавшись пасхи, онъ распялъ Евстратія, какъ жиды распяли Христа. Евстратій благодарилъ Господа, что удостоилъ его пострадать такъ, какъ самъ пострадалъ, и оставался живъ еще на пятьнадцатый день. Жиды ругались Евстратію и самому Христу, ссылаясь на законъ Моисея, и повторяя изреченіе: „проклятъ всякъ, висящій на древѣ"! Монахъ припоминалъ слова Господа разбойнику: днесь со мною будеши въ раю и приводилъ евреямъ пророчества о крестѣ, о распятіи Христовомъ и о воскресеніи, а на васъ, заключилъ

Евстратій, придетъ кара отъ Бога за кровь мою и за кровь купленныхъ вами христіанъ". Въ порывѣ раздраженія еврей схватилъ копье и пронзилъ имъ Евстратія. Мученикъ предалъ духъ Богу, тѣло его брошено въ море. И видима была огненная колесница и кони, несущіе душу преподобнаго, и слышанъ былъ голосъ, говорившій *по гречески:* „сей добрый житель града небеснаго наречеся"! Потому-то, замѣчаетъ Симонъ, обращаясь къ Поликарпу (въ посланіи къ которому передаетъ онъ свои разсказы о печерскихъ подвижникахъ), въ вашихъ поминаніяхъ Евстратій называется *протостраторъ* (первовоинникъ, вождь). Скоро исполнилось пророчество Евстратія. Пришелъ отъ императора указъ, коимъ повелѣвалось гнать евреевъ изъ имперіи, имѣніе ихъ брать въ казну, а старшинъ ихъ за мученіе христіанъ предавать смерти. Казненъ былъ и херсонскій эпархъ-еврей, лицемѣрно принявшій христіанство и давшій волю евреямъ надъ христіанами. Еврей мучившій Евстратія повѣшенъ. Многіе евреи, свидѣтели мученическаго подвига Евстратія и исполненія его пророчества, увѣровали и крестились. Мощи же Евстратія отыскиваемы были вѣрующими, но не найдены [1].

Въ связи съ сказаніемъ объ Евстратіѣ находится сказаніе того же Симона о преп. Никонѣ Сухомъ. Никонъ попалъ въ плѣнъ половцамъ тогда же, какъ и Евстратій. Плѣнника держали въ оковахъ. Прибылъ къ половцамъ богатый и добрый кіевлянинъ выкупать плѣнныхъ и много ихъ выкупилъ. Хотѣлъ онъ выкупить и Никона, но тотъ самъ не согласился на то. Возвратясь на родину, кіевлянинъ разсказалъ объ оставшихся еще плѣнникахъ и о Никонѣ. Сродники послѣдняго, люди богатые, пришли выкупить его. Но Никонъ говорилъ имъ: не тратьтесь на выкупъ меня; еслибы Богу угодно было оставить меня на сво-

[1]) По преданіямъ печерскаго монастыря, онѣ были найдены уже въ послѣдствіи и перенесены въ пещеры, гдѣ почиваютъ и донынѣ.

бодѣ, то Онъ не предалъ бы меня въ руки этимъ лукавѣйшимъ людямъ". Принявъ пріятное отъ руки Господней, почему бы я не стерпѣлъ и горькое? Сродники, пожалѣвъ Никона, возвратились. Не получивъ выкупа, половцы начали мучить Никона, и мучили три года, въ надеждѣ вынудить его къ выкупу. Никонъ терпѣлъ и молился. Половецъ, владѣвшій имъ, усиливалъ жестокости. Но Никонъ сказалъ ему: Христосъ избавитъ меня отъ васъ и безъ выкупа. Братъ, котораго вы продали жидамъ на распятіе, явился и сказалъ мнѣ: въ третій день ты будешь въ печерскомъ монастырѣ, по молитвамъ св. Антонія, Ѳеодосія и прочихъ черноризцовъ". Половецъ, думая, что Никонъ замышляетъ уйти, подрѣзалъ ему жилы и сталъ зорко стеречь его. Опасно заболѣвъ, жестокій половецъ далъ приказаніе: „распять плѣнника надъ моею могилою". Но Никонъ помолился о немъ, и половецъ выздоровѣлъ. На третій день, когда сидѣли около Никона, въ самый полдень, онъ исчезъ и явился въ печерскомъ монастырѣ, когда братія въ церкви пѣла причастенъ. Самъ Никонъ не разсказывалъ о случившемся съ нимъ, но потомъ долженъ былъ все открыть. Игуменъ убѣдилъ его снять еще бывшія на немъ оковы, которые перекованы были на церковныя вещи. Довольно времени спустя пришелъ въ Кіевъ половецъ, въ плѣну у котораго былъ Никонъ. Увидѣвъ его живымъ, онъ все разсказалъ, не возвратился на родину, принялъ крещеніе съ своими сродниками, даже постригся въ печерской обители, служилъ здѣсь Никону, здѣсь и скончался. Этотъ Никонъ, говоритъ въ своемъ разсказѣ о немъ Симонъ Поликарпу, называется *въ помянникѣ вашемъ* „сухимъ" отъ того, что онъ истекъ кровію и сгнилъ отъ ранъ".

Легендарныя черты сказаній Симона объ Евстратіѣ и Никонѣ не закрываютъ достовѣрности историческихъ чертъ этихъ сказаній. Достовѣрнымъ въ этихъ сказаніяхъ долженъ быть признанъ прежде всего главный фактъ, т. е. захватъ половцами въ плѣнъ Евстратія, Никона и ихъ товарищей

изъ братій печерскихъ и кіевлянъ. Фактъ этотъ достаточно подкрѣпляется лѣтописнымъ извѣстіемъ о набѣгахъ половцевъ на Кіевъ въ 1094 году, на Кіевъ и Печерскій монастырь въ 1096 году. Правда, въ послѣднемъ случаѣ говорится объ избіеніи братій, но не уводѣ въ плѣнъ, не упоминается о плѣненіи Евстратія и Никона съ товарищами. Но это значитъ только, что лѣтописная запись передаетъ по свѣжему впечатлѣнію лишь общую картину событія, картину опустошенія обители и церкви, не входя въ подробности, которыя не всѣ могли быть еще и извѣстны, что вообще недосказанное въ лѣтописи досказывается въ патерикѣ на основаніи преданій и разсказовъ, сложившихся позже касательно особыхъ эпизодовъ событія, ставшихъ извѣстными позже. Между тѣмъ совершенно естественно, что въ набѣгъ 1096 года были также уведены плѣнные, какъ уведены во время набѣга 1094 г., что товарищи Евстратія и Никона по плѣну могли быть даже изъ числа многочисленныхъ плѣнниковъ этого года. Далѣе совершенно достовѣрнымъ представляется фактъ продажи Евстратія съ товарищами корсунскому еврею. Онъ подкрѣпляется всѣмъ, что уже говорено было о еврейской торговлѣ невольниками въ Польшѣ, Чехіи и Руси. Евреи Корсуня и другихъ городовъ Тавриды и сѣвернаго Черноморья были вообще въ выгодныхъ условіяхъ для такого торга, какъ по географическому, такъ и политическому положенію этихъ приморскихъ, пограничныхъ городовъ. Сосѣдніе степные хищники доставляли имъ этотъ живой товаръ въ русскихъ невольникахъ, а Востокъ—рынки для сбыта ихъ далѣе, въ случаѣ неудачи по выкупу ихъ изъ Руси. На Востокѣ одна Византія стояла на преградѣ къ такому торгу. Но въ данное время для корсунскихъ евреевъ эту преграду устранилъ корсунскій эпархъ изъ евреевъ. Извѣстіе объ этомъ

эпархѣ, наружно христіанинѣ, въ душѣ евреѣ—совершенно правдоподобно. Мы знаемъ, что въ Византіи были евреи, лицемѣрно принимавшіе крещеніе, между прочимъ съ цѣлію пользоваться правомъ покупать и держать рабовъ изъ христіанъ. Корсунскій эпархъ и былъ изъ такихъ евреевъ; достигнувъ власти, онъ хотѣлъ услужить въ торговлѣ хр. рабами и своимъ единовѣрцамъ [1]). Возможно, что наставшая при этомъ эпархѣ для крымскихъ евреевъ полная воля въ торговлѣ невольниками изъ христіанъ и послужила для нихъ и ихъ сообщниковъ кіевскихъ евреевъ новымъ поводомъ къ поджигательству степныхъ хищниковъ на поиски за добычей, въ видѣ плѣнныхъ, или же эти хищники сами собой усилили такіе поиски, въ виду усплившагося запроса на ихъ добычу со стороны евреевъ, получившихъ въ Тавридѣ полную волю покупать хр. невольниковъ. Болѣе выгоднымъ дѣломъ въ торговлѣ невольниками изъ плѣнныхъ было то, если ихъ выкупали сродники или богатые христолюбцы. Это потому, что въ такомъ случаѣ можно было продать плѣнника за болѣе высокую цѣну, чѣмъ при обыкновенной продажѣ. Отсюда въ расчетѣ тѣхъ, кто имѣлъ плѣнныхъ для продажи, было—отягчать участь послѣднихъ, чтобы вынудить ихъ заботиться о своемъ выкупѣ чрезъ сродниковъ и христолюбцевъ, или возбудить послѣднихъ къ тому. Этотъ-то расчетъ видѣнъ въ дѣйствіяхъ половца и ча-

---

[1]) Въ своемъ мѣстѣ мы замѣчали, что почетное положеніе, какимъ пользовались таврическіе евреи во время господства надъ частію Тавриды іудействующихъ хазарскихъ кагановъ, могло повліять на развитіе у этихъ евреевъ властолюбивыхъ, аристократическихъ тенденцій, о которыхъ свидѣтельствуютъ нѣкоторые памятники. Эти тенденціи въ свою очередь и могли побуждать богатыхъ евреевъ, изъ какихъ былъ херсонскій эпархъ, цѣною наружнаго отреченія отъ іудейства достигать власти, невозможной для іудея.

стію корсунскаго жида. Но у послѣдняго русскимъ плѣнникамъ, по сказанію, грозила еще опасность отпаденія отъ вѣры, побуждавшая Евстратія предостерегать и укрѣплять ихъ своими наставленіями. И эту черту сказанія мы признаемъ правдоподобною, когда вспомнимъ, что у евреевъ существовалъ обычай обращать въ іудейство рабовъ, чтобъ имѣть единовѣрную прислугу или просто изъ ревности къ своей вѣрѣ, что м. Іоаннъ упоминаетъ о русскихъ христіанахъ, отпадавшихъ отъ вѣры во время плѣна у невѣрныхъ. Если вѣрно то, что корсунскій еврей морилъ голодомъ своихъ плѣнныхъ, то надо признать, что онъ дѣлалъ это не изъ одного расчета въ содержаніи ихъ, потому что въ заморенныхъ онъ терялъ товаръ для продажи, но также изъ фанатизма. Впрочемъ нѣтъ надобности предполагать, что еврей хотѣлъ всѣхъ своихъ плѣнныхъ принудить къ прямому отреченію отъ Христа. Онъ могъ принуждать ихъ къ какимъ либо дѣйствіямъ, которые они считали несовмѣстными съ своею вѣрою, или запрещать такія, какія они считали своею хр. обязанностію. Сопротивленіе было естественно въ плѣнникахъ, которые въ большинствѣ принадлежали къ монастырской братіи и челяди и имѣли учителя въ Евстратіѣ. Дошло до того, что плѣнники предпочли умереть голодною смертію, чѣмъ жить и страдать у еврея, чѣмъ подчиняться его волѣ [1]). Фактъ распятія евреями Евстратія, какъ главнаго возмутителя плѣнныхъ, представляется также не невозможнымъ. Припомнимъ византійскія свидѣтельства о распинаніи евреями плѣнныхъ христіанъ, доставшихся имъ отъ персовъ при императорѣ Іустинѣ. Что нибудь подобное бывало. Слѣдуетъ затѣмъ дать вѣру и из-

---

[1]) Извѣстно, что во время татаръ нѣкоторые русскіе князья, попавъ въ руки поработителей, предпочитали умереть мучениками, когда отъ нихъ требовали исполненія обычаевъ татарскихъ, которые они считали оскорбительными для своей вѣры.

вѣстію сказанія о послѣдовавшихъ изъ Византіи распоряженіяхъ касательно преслѣдованія херсонскихъ евреевъ за ихъ самоволіе и обиды христіанамъ. Они вызваны были дошедшими отъ херсонскихъ христіанъ жалобами; они сообразны были съ извѣстными намъ законами Византіи касательно евреевъ. Наконецъ заслуживаетъ довѣрія и извѣстіе о крещеніи нѣкоторыхъ евреевъ въ Херсонѣ, возбужденныхъ подвигомъ Евстратія и карою, постигшею ихъ единовѣрцевъ за обиды христіанамъ. Одни, хотя бы и немногіе, могли креститься искренно, другіе—во избѣжаніе наказаній, какъ то бывало въ Византійской имперіи. У византійскихъ хронистовъ не находимъ извѣстія обо всемъ этомъ эпизодѣ изъ исторіи Херсона. Но они любятъ сосредоточивать свое вниманіе на самой Византіи и вообще рѣдко и мало говорятъ о событіяхъ изъ мѣстной исторіи украинныхъ городовъ и странъ имперіи, въ частности изъ исторіи Херсона. Молчаніе византійцевъ не есть поэтому основаніе къ недовѣрію нашему кіево-печерскому сказанію о предметѣ, имѣвшемъ непосредственный интересъ для печерской обители. Оно могло составиться на основаніи разсказовъ грековъ—херсонитовъ, приходившихъ въ Русь, или русскихъ бывшихъ въ Херсонѣ, также разсказовъ плѣнныхъ, успѣвшихъ освободиться отъ плѣна, каковъ напр. Никонъ сухой, знавшій о страданіяхъ Евстратія во время плѣна своего у половцевъ. Сказанія объ Евстратіѣ и Никонѣ, по всей вѣроятности, составляли одно цѣлое.

Событія, описанныя въ сказаніяхъ объ Евстратіѣ и Никонѣ, относятся ко времени великокняженія Святополка Изяславича, съ которымъ въ нашемъ обзорѣ русскихъ извѣстій о евреяхъ переходимъ въ XII вѣкъ.

Время этого князя было очень тяжелымъ для Кіева и кіевской Руси. Святополкъ, неспособный, слабохарактерный, но въ тоже время коварный и корыстолюбивый, умѣлъ не облегчать, а увеличивать страданія народа, которыя были бы еще болѣе тяжкими, если бы Русь не имѣла печальника

и защитника въ доблестномъ Владимирѣ Мономахѣ. За то время это было счастливымъ для кіевскихъ евреевъ. Въ великомъ князѣ они имѣли союзника и милостивца. Характеризуя Святополка, Татищевъ, между прочимъ, замѣчаетъ: „сей князь былъ вельми сребролюбивъ и скупъ, для чего жидамъ многіе предъ христіаны вольности далъ, чрезъ что многіе христіане торгу и ремеслъ лишились" [1]). Союзничество Святополка съ евреями признаютъ и другіе историки наши, какъ Карамзинъ, Соловьевъ, Бестужевъ-Рюминъ и др. Такое мнѣніе справедливо основывается на лѣтописномъ извѣстіи о возстаніи кіевлянъ на евреевъ, послѣдовавшемъ тотъ часъ по смерти Святополка [2]). Остается выяснить, какъ могъ возникнуть и въ чемъ проявился союзъ недостойнаго князя съ евреями. Выше было высказано предположеніе, что союзъ этотъ начался еще при отцѣ Святополка Изяславѣ, который вѣроятно и самъ благоволилъ къ евреямъ; что союзъ этотъ обусловливался денежными услугами евреевъ этимъ князьямъ, нуждавшимся въ нихъ для поправленія своихъ финансовъ послѣ испытанныхъ разореній, что наконецъ союзъ этотъ располагалъ евреевъ слѣдить за политическими интересами Изяслава и Святополка, съ выгодами которыхъ связаны были выгоды евреевъ, вѣроятныхъ факторовъ ихъ по денежной части, можетъ быть и кредиторовъ. Съ смертію Изяслава и вокняженіемъ Всеволода, интересы евреевъ, основанные на упомянутомъ союзѣ, должны были пострадать. Но пора ихъ настала съ вокняженіемъ Святополка. Кромѣ вѣроятнаго давняго знакомства, нитію связующею Святополка съ евреями должны были служить интересы корысти. Святополкъ, какъ сказано, былъ скупъ и корыстолюбивъ, жаденъ на чужое добро. Эти качества нажиты имъ подъ вліяніемъ сильной нужды, постигшей фамилію Изяслава послѣ испытанныхъ имъ разореній. Этими

---

[1]) Исторія Росс. кн. II, стр. 211.

[2]) Лѣтопись по Ипатскому списку стр. 198.

качествами отличался и братъ Святополка Мстиславъ, отличался и сынъ его Мстиславъ. Это были какъ бы фамильныя черты ихъ, сложившіяся подъ вліяніемъ упомянутыхъ обстоятельствъ. До своего вокняженія въ Кіевѣ Святополкъ не имѣлъ времени поправить свои финансы, а потому и освободиться отъ нажитыхъ корыстолюбивыхъ инстинктовъ, тѣмъ болѣе, что подобные инстинкты проходятъ не легко. Эти инстинкты и выступаютъ въ Святополкѣ тотчасъ по его вокняженіи. Въ печерскомъ патерикѣ въ житіи Прохора Лободника говорится о немъ: „Святополкъ Изяславичъ много насилія сотвори, домы сильныхъ искорени безъ вины, имѣнія многихъ отнявъ". Это похоже на образъ дѣйствій брата Святополка Мстислава, погубившаго, въ началѣ втораго княженія отца ихъ Изяслава, многихъ кіевлянъ, безъ сомнѣнія не изъ одной мести, а и съ цѣлію захвата ихъ имѣній. Печерскій игуменъ Іоаннъ обличалъ Святополка за его несытость къ богатству, за его насилія, но злой князь заточилъ его въ Туровъ и освободилъ только по настоянію общаго заступника Руси Владимира Мономаха. Изъ корыстолюбія Святополкъ способенъ былъ угнетать народъ. Народу этому, истомленному отъ половецкихъ набѣговъ, отъ княжескихъ усобицъ, отъ неурожая и безхлѣбья, пришлось въ 1097—8 году терпѣть еще отъ недостатка соли, вслѣдствіе прекращенія подвоза ея во время войны Святополка и Давида Игоревича волынскаго съ галицкими князьями Василькомъ и Володаремъ. Торговцы соли припялись грабить народъ, непомѣрно возвысивъ цѣну на соль. Святополкъ былъ союзникомъ ихъ. Самое прекращеніе подвоза соли изъ Галиціи было, кажется, дѣломъ Святополка и Давида, изъ коихъ первый могъ дѣлать это въ угоду кіевскимъ торговцамъ соли, получавшимъ ее солянымъ путемъ изъ Крыма [1]). Онъ, то есть, хотѣлъ предоставить имъ мо-

[1]) Въ лѣтописи упоминается *соляной путь* (подъ 1170 г.). Это, конечно, путь въ Крымъ, за крымскою солію, потому что только этотъ путь мог-

нополію соли, дѣля съ ними выгоды ея. Яснѣе видѣнъ этотъ разсчетъ Святополка изъ разсказа тогоже житія Прохора. Во время поднявшейся дороговизны на соль, запасъ ея нашелся въ Печерскомъ монастырѣ, гдѣ имъ завѣдывалъ Прохоръ, сострадательный инокъ, помогавшій народу во время недавняго голода своими хлѣбами изъ лободы. Онъ не только довольствовалъ солію печерскую братію, но удѣлялъ ее, сколько могъ, и народу. Торговцы нажаловались Святополку, что отъ этого они лишаются прибыли, что соль Прохора понизила цѣну на соль въ городѣ, такъ что прежде они брали куну за двѣ головяжи, а теперь не даютъ куны и за десять головяжей. Святополкъ хотѣлъ не только запретить раздачу соли отъ монастыря, но и завладѣть ею и пустить въ продажу по прежней высокой цѣнѣ. Онъ послалъ забрать соль у Прохора, но получилъ вмѣсто ея золу: это была конечно насмѣшка надъ жадностію князя. Въ другой разъ слуги Святополка успѣли забрать соль у Прохора, но извѣщенный имъ народъ разграбилъ эту соль. Къ этимъ неудачамъ присоединились конечно новыя обличенія отъ игумена монастыря, и Святополкъ присмирѣлъ. Сынъ Святополка Мстиславъ, пошедшій въ отца и дядю, задумалъ было другой грабежъ въ Печерскомъ монастырѣ. Въ Печерскомъ Патерикѣ, въ сказаніяхъ Іоликарпа, пере-

---

ли отнимать у кіевской Руси Половцы, какъ выражались князья на одномъ съѣздѣ. Этотъ путь былъ древнѣе и обычнѣе. Но со времени основанія отдѣльнаго галицкаго княжества началъ усиливаться подвозъ соли отсюда, особенно изъ Перемышля, явилась конкуренція, непріятная для торговцевъ крымскою солію, тѣмъ болѣе, что галицкая соль, по условіямъ подвоза ея, была вѣроятно дешевле крымской.

дается слѣд. разсказъ объ инокахъ-друзьяхъ Ѳеодорѣ и Василіѣ, подвизавшихся въ варяжской пещерѣ. Ѳеодоръ, жившій здѣсь прежде Василія, нашелъ въ пещерѣ варяжскій кладъ изъ золота, серебра и дорогихъ сосудовъ, и хотѣлъ бѣжать съ нимъ подущаемый къ тому бѣсомъ, являвшимся ему въ образѣ Василія. Василій открылъ бѣсовскій обманъ, и раскаявшійся Ѳеодоръ, запрятавъ кладъ, старался забыть о немъ и не поддаваться искушенію сребролюбія. Тогда бѣсъ въ томъ же образѣ Василія явился къ боярину Мстислава, потомъ къ самому Мстиславу, разсказалъ о кладѣ, посовѣтовавъ князю угрозами и пытками вынудить Ѳеодора показать кладъ. Князь призвалъ Ѳеодора; сперва лаской просилъ его подѣлиться кладомъ, обѣщая, что за это самъ онъ и его отецъ Святополкъ будутъ имѣть Ѳеодора отцемъ; потомъ жестоко мучилъ его, выпытывая о кладѣ, но Ѳеодоръ не открылъ, говоря что, по милости Божіей, самъ забылъ о немъ. Князь призвалъ Василія, который увѣрялъ, что никогда не являлся князю, что князь и его слуги прельщены бѣсомъ. Мстиславъ сталъ мучить Василія и наконецъ, въ пьяномъ видѣ, поразилъ его стрѣлой. Оба инока на слѣдующій день скончались, а Мстиславъ, судомъ Божіимъ, пораженъ тою же стрѣлою, которою стрѣлялъ въ Василія. Въ этомъ, обставленномъ легендарными чертами, разсказѣ, для насъ интересна пока лишь характеристика сына Святополкова, дополняющая характеристику отца. Подобно отцу, онъ жаденъ былъ на чужое серебро, готовъ на всякое насиліе къ захвату его, вообще неразборчивъ въ средствахъ къ наживѣ. Разсчеты корыстолюбія, составлявшаго преобладающую черту въ характерѣ Святопока, примѣшивались и къ другимъ дѣйствіямъ его, ознаменованнымъ предательствомъ, коварствомъ. Корыстолюбіе Свя-

тополка, безъ сомнѣнія, хорошо было извѣстно и кіевскимъ евреямъ, и они не оставались не внимательными къ этой преобладающей чертѣ въ характерѣ князя, которая могла быть опасною и для нихъ, какъ для другихъ. Если Святополкъ губилъ домы сильныхъ людей и захватывалъ имѣнія ихъ, грабилъ народъ во время безсолья, хотѣлъ богатиться на счетъ печерскаго монастыря; то почему бы ему не наложить руки и на евреевъ, на ихъ товары, имущество, деньги? Но грабя другихъ, Святополкъ не грабилъ евреевъ, даже покровительствовалъ имъ. Это странное явленіе только и можетъ быть объяснено тѣмъ, что корыстолюбивый князь былъ, такъ сказать, задобренъ услугами евреевъ по денежной части, что наконецъ онъ находилъ въ нихъ умѣлыхъ пособниковъ своихъ грабительствъ, считалъ поэтому выгоднымъ быть въ союзѣ съ ними. Союзъ этотъ былъ, конечно, предательствомъ со стороны князя по отношенію къ народу. Но на такое предательство и способенъ былъ Святополкъ, грабитель народа, не любимый имъ, поражавшій и князей своихъ предательствомъ. Въ самой частной жизни своей Святополкъ былъ, по замѣчанію Татищева, позоромъ для князей, находясь во власти своей наложницы темнаго происхожденія. Не удивительно, что онъ могъ подпасть и власти или вліянію евреевъ, издавна извѣстныхъ своимъ искуствомъ эксплоатировать въ свою пользу людей и правителей нравственно слабыхъ, распущенныхъ. Но въ чемъ выразилось союзничество Святополка съ евреями, покровительство его послѣднимъ? Татищевъ говоритъ, что онъ далъ имъ *многія вольности предъ христіанами, чрезъ что многіе христіане торгу и ремеслъ лишились*. Это правдоподобно. Покровительство Святополка еврейской торговлѣ могло быть даже продолженіемъ или возстановленіемъ вѣроятнаго покровительства ей отца его Изяслава. Оно было тяжело народу, убыточно для хр. кіевскихъ купцевъ, но выгодно Святополку, которому евреи оплачивали данныя имъ торговыя привилегіи. Вѣроятно далѣе, что и въ дѣлѣ соляной моно

поліи замѣшаны были евреи, что они были въ числѣ тѣхъ злостныхъ торговцевъ соли, съ которыми Святополкъ хотѣлъ дѣлить выгоды этой монополіи [1]). Мы видѣли еще, что Святополкъ и Мстиславъ расчитывали богатиться отъ печерскаго монастыря, въ которомъ первый хотѣлъ завладѣть складомъ соли, а послѣдній кладомъ варяжскимъ, что у того и другаго князя были люди, развѣдывавшіе и доносившіе о дѣйствительныхъ или мнимыхъ богатствахъ монастыря. Не были-ль такіе развѣдчики и доносчики между прочимъ и изъ евреевъ? Если въ мнимомъ ангелѣ или бѣсѣ, ходившемъ въ затворъ Никиты скрывался еврей, то не былъ-ли имъ и тотъ бѣсъ, который будто-бы въ образѣ Василія приходилъ къ Θеодору въ печеру развѣдывать о кладѣ, а потомъ сообщилъ о немъ боярину князя Мстислава и самому Мстиславу? Враждебное со времени Θеодосія настроеніе евреевъ противъ печерскаго монастыря и въ связи съ тѣмъ разсчеты на поживу отъ возраставшаго богатства его могли быть достаточно сильными побужденіями для нихъ подущать къ грабительству его какъ Половцевъ, такъ и князей въ родѣ Святополка и Мстислава. Но болѣе вѣроятнымъ проявленіемъ тягостной народу еврейской эксплуатаціи во время Святополка слѣдуетъ признать сильное развитіе еврейскаго ростовщичества [2]). Имъ славились евреи еще въ Византіи, оно было спеціальнымъ промысломъ ихъ повсюду, было имъ и въ Руси. Время Святополка давало широкій просторъ ростовщичеству евреевъ. Отъ половецкихъ на-

---

1) Мы замѣчали, что монополія соляной торговли дана была именно торговцамъ крымской соли, а не галицкой. А торговцами крымскою солью кіевскіе евреи могли быть тѣмъ скорѣе, что они могли имѣть агентовъ для этой торговли въ своихъ собратіяхъ въ Крыму.

2) Основаніемъ къ предположенію о сильномъ развитіи еврейскаго ростовщичества при Святополкѣ служитъ законъ противъ ростовщичества, изданный Мономахомъ по успокоеніи народнаго возстанія на евреевъ по смерти Святополка, о чемъ—ниже.

бѣговъ и княжескихъ усобицъ, отъ грабительства самаго Святополка и угнетенія имъ торговыхъ промысловъ народа, наконецъ отъ голода, безхлѣбья и безсолья множилось число людей разоренныхъ, нуждающихся, которымъ приходилось дѣлать займы для выкупа себя или своихъ родныхъ изъ плѣна, неволи, закупства, для поправленія своего состоянія, возобновленія своего хозяйства и промысловъ, наконецъ просто для прокормленія себя и своихъ семействъ. Запасливые въ деньгахъ евреи—развернули теперь свой излюбленный промыселъ—немилосерднаго ростовщичества. То было дѣйствительно страшное ростовщичество. Кредиторъ за треть года бралъ по 40 процентовъ и по прошествіи года бралъ еще капиталъ, такъ что въ одинъ годъ капиталъ его удвоялся, даже съ прибавкою 20%. Трудно было заемщикамъ выбиваться изъ когтей такихъ кредиторовъ, которые кончали тѣмъ, что завладѣвали всею собственностію и самою особою несчастныхъ должниковъ, продавая ихъ въ рабство и т. под. Опираясь на покровительствующаго имъ князя евреи—ростовщики могли теперь обходить законъ, запрещавшій имъ покупку и продажу рабовъ изъ христіанъ, могли по крайней мѣрѣ безпрепятственно прибирать къ рукамъ все состояніе своихъ христ. должниковъ, дѣлясь барышами съ княземъ. Послѣ этого можно съ вѣроятностію допустить, что во время Святополка увеличилось въ Кіевѣ самое число евреевъ, привлекаемыхъ сюда молвою о благосклонности къ нимъ князя, о торговыхъ преимуществахъ, а можетъ быть искавшихъ въ Польшѣ и Руси убѣжища, отъ гоненій на западѣ во время начавшагося движенія крестоносцевъ [1]).

---

[1]) Извѣстно напр., что въ 1096 г. Вратиславъ Чешскій поднялъ преслѣдованіе на евреевъ, забирая ихъ имущества, богатства и выставляя при этомъ на видъ, что предки евреевъ вышли изъ Іерусалима ни съ чѣмъ и даже продавались тогда по 30 душъ за динарій. Евреи принуждены были уходить или пересылать свои богатства въ сосѣднія страны. Тогда, говорятъ, они уходили въ Польшу, можетъ быть, прибавимъ, и въ Русь.

Но съ смертію Святополка окончилось для нихъ въ Кіевѣ счастливое время. Незлопамятный народъ оплакивалъ смерть отца Святополка Изяслава, не смотря на обиды, испытанныя отъ послѣдняго. Но смерть Святополка уже не была оплакана кіевлянами. Плакала по немъ только его дружина или дворня, жившая от грабежей князя или участвовавшая вмѣстѣ съ евреями въ этихъ грабежахъ. Княгиня, вдова Святополка, чувствовала, повидимому, какую недобрую память оставляетъ по себѣ въ народѣ покойный мужъ ея и потому старалась загладить ее необыкновенно богатою милостынею въ день похоронъ его, „яко дивитися всѣмъ человѣкомъ, яко такоя милостыни никтоже можетъ сотворити“. Но это простое удивленіе къ богатству милостыни не примиряло народа съ памятью князя, наживавшаго богатства грабежемъ и угнетеніемъ народа. На слѣдующій день утромъ болѣе представительные кіевляне составили вѣче и послали къ славному уже тогда по всей Руси Владиміру Мономаху съ призывомъ на кіевскій столъ. Владиміръ не пошелъ на этотъ призывъ вѣроятно потому, что считалъ себя не старшимъ въ родѣ. Послѣдовало волненіе въ народѣ. Кіевляне разграбили дворъ тысяцкаго Путяты, затѣмъ пошли на жидовъ и разграбили ихъ. Бояре вторично послали сказать Владиміру: „поиди, княже, Кіеву: аще ли не пойдеши, то вѣси, яко много зло уздвигается, то ти не Путятинъ дворъ, ни соцькихъ, но и жиды грабити, и паки ти пойдутъ на ятровь твою и на бояры и на монастыри, и будеши отвѣтъ имѣть, княже, оже ти монастыри разграбятъ“. Такъ разсказываетъ древняя лѣтопись, изъ которой видно, что ожесточеніе поднявшагося народа обращено было собственно на тысяцкаго и соцкихъ, которыхъ онъ считалъ своими предателями и соучастниками княжескихъ неправдъ и насилій, потомъ на жидовъ, какъ покровительствуемыхъ бывшимъ княземъ и его слугами грабителей народа. Но расходившійся народъ часто не знаетъ удержа. На этотъ разъ поспѣшившій въ Кіевъ Мономахъ,

успѣлъ удержать народъ отъ дальнѣйшаго грабежа и успокоить волненіе. Но, безъ сомнѣнія, онъ долженъ былъ вникнуть въ его причины, въ причины народнаго недовольства. Древняя лѣтопись не говоритъ, что именно предпринялъ Владимиръ съ этою цѣлію. Но пропускъ лѣтописи изслѣдователи восполняютъ свидѣтельствомъ изъ Русской Правды, по которому Мономахъ созвалъ князей и бояръ на совѣтъ и издалъ дополнительныя постановленія о процентахъ и торговлѣ, вызванныя, какъ вообще полагаютъ, злоупотребленіями еврейскаго ростовщичества и торговой монополіи во время преобладанія евреевъ при Святополкѣ [1]). При существованіи такого несомнѣннаго свидѣтельства о сознанной Мономахомъ необходимости извѣстныхъ мѣръ противъ бывшаго преобладанія евреевъ и его тяжкихъ послѣдствій для народа, получаетъ значеніе слѣд. разсказъ Татищева о дѣлѣ еврейскомъ по смерти Святополка и въ началѣ княженія Мономаха. Кіевляне, разсказываетъ Татищевъ, не только пограбили домы евреевъ, но и побили многихъ изъ нихъ, за то, что они многія обиды и въ торгахъ вредъ христіанамъ чинили; множество же ихъ (жидовъ), *собрався къ ихъ синагогѣ*, огородясь оборонялись, елико могли, прося времени до прихода Владимира... Когда затѣмъ прибылъ Владимиръ и успокоилъ мятежъ, кіевляне просили его всенародно о управѣ на жидовъ, что отняли всѣ промыслы христіанамъ, и при Святополкѣ имѣли большую свободу и власть,

---

1) Таково мнѣніе большинства какъ историковъ нашихъ, такъ и изслѣдователей Русской Правды въ ея дополнительныхъ постановленіяхъ, приписываемыхъ Мономаху и его времени. Законъ Мономаха о процентахъ состоялъ въ томъ, что установлялись годовые проценты не свыше 20, а вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣлялось, что кто дважды взялъ третные проценты (по 40% въ треть года), то если затѣмъ возьметъ ихъ еще разъ—теряетъ свой капиталъ, который считался возвращеннымъ съ 20% процентами за годъ. Это постановленіе было величайшимъ благодѣяніемъ для несчастныхъ должниковъ, а для безжалостныхъ спекулянтовъ—ростовщиковъ было въ нѣкоторомъ родѣ coup d'état. *Хлѣбникова*, Общество и Государство въ до-монгольскій періодъ. Стр. 241. Спб. 1872 г.

чрезъ что многіе купцы и ремесленники разорились; *они же многихъ прельстили въ свой законъ* и поселились домами между христіаны, чего прежде не бывало, за *что хотѣли всѣхъ побить* и домы ихъ разграбить. Владиміръ же отвѣчалъ имъ: понеже ихъ всюду въ разныхъ княженіяхъ вошло и населилось много, то мнѣ непристойно безъ совѣта князей, паче же и противно правости, что они допущены прежними князьями, нынѣ на убивство и грабленіе ихъ дозволить, гдѣ могутъ многіе невинные погибнуть. Для того немедленно созову князей на совѣтъ. и вскорѣ послалъ звать къ Кіеву. Когда же князья съѣхались на совѣтъ, и у Выдобыча по долгомъ разсужденіи уставили законъ таковъ: нынѣ изъ всея русскія земли всѣхъ жидовъ выслать со всѣмъ ихъ имѣніемъ и впредь не впущать, а есть ли тайно войдутъ, вольно ихъ грабить и убивать. И послали по всѣмъ градамъ о томъ граматы, по которымъ вездѣ ихъ немедленно выслали, но многихъ по городамъ и на путяхъ своевольные побили и разграбили. Съ сего времени жидовъ на Руси нѣтъ, и когда который пріѣдетъ, народъ грабитъ и побиваетъ [1]). Этотъ интересный разсказъ *составленъ* Татищевымъ на основаніи извѣстнаго уже намъ разсказа древней лѣтописи подъ 1113 годомъ; подробности придуманы вообще самимъ Татищевымъ, но по крайней мѣрѣ нѣкоторые изъ нихъ придуманы удачно. Такъ, возможно, что нападеніе народа на жидовъ сопровождалось не только грабежемъ, но и побиваніемъ жидовъ, какъ то бывало нѣкогда въ хр. городахъ имперіи византійской, бывало и на западѣ. Вѣроятно и то, что у кіевскихъ евреевъ была синагога, подлѣ которой они оборонялись. Когда прибылъ въ Кіевъ Мономахъ, то конечно и онъ имѣлъ основаніе потребовать отъ народа объясненія причинъ такого ожесточенія противъ евреевъ, и народъ самъ чувствовалъ потребность оправдать

---

[1]) Истор. Росс. кн. II, стр. 213.

свои дѣйствія. Тутъ и могли имѣть мѣсто жалобы на злоупотребленія евреевъ, на обиды отъ нихъ народу. Въ частности жалоба на то, будто евреи прельщаютъ нѣкоторыхъ христіанъ въ свою вѣру не представляется невозможною. Если когда, то именно при Святополкѣ евреи могли возобновить затѣи религіозной пропаганды. Изъ другихъ подробностей разсказа Татищева интереснѣе извѣстіе объ *изгнаніи евреевъ изъ Кіева и всей русской земли*, состоявшееся по постановленію созваннаго Мономахомъ съѣзда князей и бояръ. Къ удивленію, это, кажущееся выдумкой Татищева, извѣстіе находитъ теперь подтвержденіе себѣ въ свидѣтельствѣ одного изъ открытій Фирковича. Въ коллекціи его находится сочиненіе о грамматикѣ какого-то Якова, сына Соломона, *„одного изъ изгнанниковъ изъ Руси"*. Онъ умеръ въ 1167 и похороненъ въ г. Мангубѣ. Ссылаясь на это указаніе, Хвольсонъ утверждаетъ, что преслѣдованіе евреевъ въ Руси во 2 десятилѣтіи XII в. привело отсюда много и отчасти ученыхъ евреевъ въ Крымъ [1]). И дѣйствительно, гонимымъ изъ Руси евреямъ естественно было переселяться въ города у береговъ чернаго и азовскаго морей и города Тавриды, потому что отсюда предки ихъ зашли въ Русь, что здѣсь и теперь имѣлось довольно сильное еврейское населеніе, велась большая торговля. Тмуторакань, вѣроятно, была однимъ изъ такихъ городовъ убѣжища для изгнанныхъ евреевъ, тѣмъ болѣе, что она теперь ушла изъ подъ власти Руси и падпала власти половцевъ, съ которыми, какъ язычниками и врагами Руси, евреи могли ладить теперь ко вреду и въ отмщеніе послѣдней.

Не смотря однакоже на это, весьма вѣроятное, изгнаніе евреевъ изъ Руси въ 1113 году, извѣстія о евреяхъ встрѣчаются и потомъ. Въ Ипатьевской лѣтописи надъ 1124 годомъ говорится: „тогдыжъ погорѣ Подолье все на канунъ

---

[1]) Восемнадцать еврейскихъ надгробныхъ надписей изъ Крыма, стр. 158.

Рождества Ивана Крестителя и Предтечи. Въ утрий же день погорѣ *гора* и монастыреве вси, что ихъ на горѣ въ градѣ и *жидове*". Въ тойже лѣтописи подъ 1151 годомъ упоминаются *жидовскія ворота*: „Изяславъ Давыдовичь ста межи *золотыми вороты и межи жидовскими*".

Въ виду этихъ извѣстій нѣкоторые изслѣдователи не придаютъ вѣры извѣстію Татищева объ изгнаніи евреевъ; другіе соглашаютъ эти извѣстія такъ, что прежнія названія *жидове* и *жидовскія* ворота могли удерживаться для извѣстной мѣстности и воротъ и по выселеніи отсюда жидовъ. Проще, кажется, будетъ объяснять дѣло такъ, что нѣкоторая часть изгнанныхъ въ 1113 году евреи чрезъ нѣсколько времени успѣла съ свойственнымъ евреямъ искуствомъ опять пробраться въ Кіевъ сперва на время, потомъ и на постоянную осѣдлость, что, и при самомъ изгнаніи, нѣкоторымъ евреямъ изъ болѣе давнихъ старожиловъ или имѣвшихъ какія либо болѣе прочныя связи въ городѣ удалось остаться въ Кіевѣ [1]). Тѣмъ не менѣе, послѣ катастрофы 1113 года евреи уже не достигали въ Кіевѣ ни прежней численности, ни прежней силы. Многое здѣсь потеряно было для нихъ безвозвратно. Потеряна возможность промышлять наиболѣе любимымъ промысломъ—ростовщичествомъ; потеряны льготы, какими они пользовались при Святополкѣ. При такихъ князьяхъ какъ Мономахъ или сынъ и преемникъ его Мстиславъ немыслима была для нихъ и любимая торговля невольниками. Практика времени Мономаха относительно евреевъ становилась примѣромъ для послѣдующаго времени,

---

[1]) Въ Кіевѣ и Руси повторилось то, что бывало въ подобныхъ случаяхъ въ Византіи и въ странахъ запада, гдѣ не разъ объявлялось изгнаніе евреямъ, не разъ изгоняли ихъ, и гдѣ однакоже они продолжали оставаться или появляться вновь. Само собою разумѣется, что мы не даемъ вѣры тому извѣстію Татищева, будто изгнаніе евреевъ сопровождалось дозволеніемъ убивать ихъ, когда они явятся. Такое утвержденіе Татищева показываетъ только, какъ самъ онъ не любилъ евреевъ.

такъ что въ преемникахъ этого князя евреи уже не могли дождаться второго Святополка. Въ самомъ народѣ, особенно въ Кіевѣ, послѣ времени Святополка и Мономаха, установилось уже на столько опредѣленное и при томъ неблагопріятное представленіе объ евреяхъ, что измѣнить его было трудно, и приходилось терпѣть послѣдствія такого представленія, привитаго народу самими же евреями. Они пожинали то, что посѣяли. Между тѣмъ въ послѣднія десятилѣтія XII в. политическое значеніе Кіева склоняется къ упадку; онъ подпадаетъ все болѣе частымъ и болѣе тяжкимъ разореніямъ отъ своихъ русскихъ князей, частію и отъ половцевъ. Это подрывало и торговое значеніе Кіева, хотя въ немъ еще живали иностранные купцы, даже изъ дальняго запада, какъ изъ Регенсбурга, Эмса, Вѣны. Живали здѣсь и евреи для торговли и промысла, но выгоды ихъ были уже не таковы, чтобы привлекать новыхъ переселенцевъ изъ евреевъ. Слабость и незначительность еврейскаго населенія въ Кіевѣ видны уже изъ того, что послѣ 1151 года, отъ второй пол. XII вѣка не встрѣчаемъ *ни одного русскаго* извѣстія о евреяхъ въ Кіевѣ, хотя лѣтописи представлялся не одинъ поводъ упомянуть о евреяхъ, напр. при описаніи большихъ пожаровъ, разоренія разныхъ частей города во время княжескихъ войнъ и нападеній на Кіевъ, грабежей народныхъ по смерти нѣкоторыхъ князей (напр. Юрія Долгорукаго) и т. под. Извѣстны записки двухъ еврейскихъ путешественниковъ: *Веніамина Тудельскаго*, путешествовавшаго въ 1160—1173 г. и упоминающаго въ своемъ путешествіи о Россіи и раввина *Петахіи*, посѣтившаго въ 1170—8 годахъ, на пути изъ Регенсбурга въ Азію, Польшу, *Кіевъ*, Крымъ и т. д. [1]). Оба они путешествовали преимущественно съ цѣлію отыскать и описать разсѣянныя по свѣту общины своихъ единовѣрцевъ. Ни тотъ, ни другой не говорятъ о еврейскихъ общинахъ въ Кіевѣ и Руси,

---

1) Отеч. Зап. 1858 г. № 11. Библіографическіе отрывки.

хотя самое посѣщеніе Кіева раввиномъ Петахія заставляетъ предполагать, что онъ имѣлъ въ виду найти здѣсь евреевъ, вѣроятно и находилъ, но какъ одиночныхъ, не многихъ купцевъ, а не въ видѣ цѣлой еврейской общины. За то отъ второй половины XII в. неожиданно встрѣчаемъ извѣстіе о появленіи евреевъ въ новой со времени Андрея Боголюбскаго столицѣ сѣверной Руси—Владимирѣ на Клязьмѣ. Лѣтопись, при описаніи убіенія Андрея въ 1175 г. передаетъ, какъ вѣрный слуга его Кузьмище Кіянинъ плакалъ и приговаривалъ надъ тѣломъ убитаго князя: „Иногда бо аче и гость приходилъ изъ Царяграда и отъ иныхъ странъ изъ русской земли, и аче латинянинъ и до всего христіанства и до всеѣ погани, рече: введите и́ въ церковь и на палати, да видятъ истинное христіанство, и крестятся, яко же и бысть: и болгаре и *жидове* и вся погань видѣвше славу Божію и украшеніе церковное и тѣ больма плачуть по тебѣ“. Изъ такого упоминанія о жидахъ можно заключать, что это были не постоянные жители Владимира, а захожіе гости—купцы, привлеченные вновь открывшимися торговыми интересами въ новой столицѣ. Заходили они по всей вѣроятности изъ городовъ Черноморья и Тавриды. То, будто Андрей имѣлъ обычай посылать ихъ, какъ и другихъ инородцевъ въ церковь, чтобы, видя славу Божію и украшеніе церковное, они учились христіанству и крестились,—дѣло возможное, можетъ даже служить къ поясненію того, какъ въ свое время заботился и св. Владимиръ привлекать иновѣрцевъ, въ томъ числѣ и евреевъ къ той вѣрѣ, которую самъ принялъ и которою утѣшался [1]).

Но здѣсь съ перерывомъ русскихъ извѣстій о евреяхъ на Руси замыкаются и предѣлы настоящаго отчерка, болѣе существеная цѣль котораго и заключалась именно въ уясне-

---

[1]) Слѣдуетъ отмѣтить еще, что заговоръ объ убіеніи князя Андрея составили слуги его *преимущественно изъ инородцевъ*, въ числѣ которыхъ былъ и *еврей Ефремъ Моизичъ*. Это значитъ что и во Владимирѣ, какъ въ Кіевѣ, евреи обнаружили наклонность къ вмѣшательству въ политическія дѣла, которое въ данномъ случаѣ выразилось участіемъ въ заговорѣ противъ князя.

ніи этихъ извѣстій. Начавъ обзоръ этихъ извѣстій съ сказанія о приходѣ къ Владимиру хозарскихъ жидовъ, заключимъ дополнительнымъ замѣчаніемъ о происхожденіи этого сказанія. Составляя часть цѣлой повѣсти о посольствахъ къ Владимиру и отъ Владимира по вопросу о вѣрѣ, они представляютъ однакоже найболѣе обширную часть этой повѣсти, потому что и вся рѣчь греко-мисіонера является какъ бы отвѣтомъ на вопросы, вызванные у Владимира бесѣдой съ еврейскими учителями. Проповѣдь христіанства со стороны этого миссіонера является вмѣстѣ обличеніемъ іудейства. По этому можно предположить, что повѣсть, имѣя въ основѣ преданія о разныхъ иновѣрцахъ, бывшихъ въ Кіевѣ при Владимирѣ, въ томъ числѣ и евреяхъ, и отношеніи къ нимъ Владимира въ моментъ насажденія имъ въ Руси хр. вѣры, вырабатывалась подъ преобладающимъ вліяніемъ мотивовъ противо-іудейской полемики. Окончательную обработку она получила въ княженіе Святополка, и началѣ княженія Мономаха, т. е. въ эпоху сильнаго и столько тягостнаго народу преобладанія евреевъ въ Кіевѣ, когда, какъ мы замѣтили, естественно предположить болѣе сильное возбужденіе и затѣй религіозной пропаганды со стороны евреевъ, и затѣмъ въ эпоху наиболѣе сильнаго возбужденія противъ евреевъ со стороны какъ народа, такъ и ревнителей вѣры, въ частности со стороны печерской обители, гдѣ жилъ авторъ повѣсти [1]).

Очеркъ нашъ еще не даетъ достаточно основаній для общихъ выводовъ касательно начальной исторіи евреевъ въ Кіевѣ и южной Руси, не даетъ потому, что многое въ немъ имѣетъ характеръ только предположеній, иногда притомъ слишкомъ искуственныхъ, какъ то̀ сознаемъ и мы сами. Думаемъ однако, что разсматриваемыя въ своей совокупности извѣс-

---

[1]) Признавая вмѣстѣ съ г. Голубинскимъ, что авторъ этотъ былъ грекъ, предполагаемъ, что это былъ извѣстный инокъ Ѳеодосій, другъ князя Николы Святоши, современника Святополка Мономаха. Можетъ быть онъ происходилъ изъ Корсуни, почему и усвоилъ ей честь быть мѣстомъ крещенія Владимира.

тія о евреяхъ, прослѣженныя въ этомъ очеркѣ, могутъ дать слѣд. выводы болѣе или менѣе вѣроятные:

1. Евреи зашли въ Кіевъ и южную Русь изъ Хазаріи и входившихъ въ составъ ея городовъ Черноморья и Тавриды. До начала XI в. число ихъ возрастало въ Руси и Кіевѣ, потомъ, сильно упавши съ 1113 г., уже не поднималось.

2. Не безъ вліянія преданій о прежнихъ своихъ успѣхахъ въ Хазаріи, евреи питали замыслы религіозной пропаганды въ Руси, имѣя союзниками іудео-христіанъ, подобныхъ тѣмъ, какіе были въ Византіи и Болгаріи. Пропаганда еврейская пораждала смущенія, но вообще оставалась безплодною.

3. Наши ревнители вѣры и церкви старались противудѣйствовать этой пропагандѣ и писаніемъ и словомъ и дѣломъ. По примѣру Византіи, они старались и объ обращеніи евреевъ въ христіанство, такъ что русская церковь могла имѣть полезнаго дѣятеля изъ обращенныхъ евреевъ.

4. Евреи наклонны были вмѣшиваться, въ своихъ интересахъ, и въ политическія отношенія Руси и ея князей, ища союзниковъ между худшими князьями, способными быть предателями народа; наклонны были пользоваться политическими несчастіями Руси, ведя дѣла съ ея врагами, чтобы пользоваться общею добычею изъ нея.

5. Торговля и промышленность составляли однакоже главный интересъ ихъ жизни въ Руси. Не видно, чтобы своею торгово-промышленною дѣятельностію они оказали услуги Руси; виднѣе темныя и тяжкія для народа проявленія этой дѣятельности, какъ то: поддержка торговли невольниками, страшное ростовщичество, торговая эксплуатація съ помощію добываемыхъ льготъ и т. под. Такъ въ самой начальной исторіи своей въ Руси они дали знаменательный прецедентъ для болѣе темной и печальной роли своей въ послѣдующей исторіи юго-западной Руси.

Ив. Малышевскій.

ЦѢНА
75 КОП. СЕР.

